

UNRAVELING

GENDER

The Battle Over Sexual Difference

Распутывая гендер: Битва за половые различия

[Unraveling Gender. The Battle Over Sexual Difference nodrm](#)

Нашим внукам

Благодарности

Многие люди на протяжении многих лет способствовали моему пониманию половых различий, просвещенному светом веры. Отец Фрэнсис Мартин и отец Дональд Киф, SJ, сыграли формирующую роль в мои студенческие годы: первый научил меня читать Священное Писание, второй руководил моей докторской диссертацией. Во время учебы в аспирантуре я также подружился с людьми, которые на протяжении многих лет были для меня надежной опорой и партнерами по диалогу, такими как Скотт Хан, Крис Томпсон и, в особенности, Ларри Уэлч. Среди тех, с кем я вел беседы (будь то вживую или посредством их письменных трудов) в более недавнее время: сестра Пруденс Аллен, RSM, Майкл Уолдстайн, Анджела Фрэнкс, Дженнифер Миллер, Дебора Сэвидж, Джон Финли, Д.К. Шиндлер и Дэвид Клотье. Я также многому научился из работ по этой теме, написанных за эти годы моими бывшими студентами: Кристофером Клоффтотом, Сарой Бартель, Кристофером Гроссом, отцом Томасом Петри, OP, отцом Кристианом Раабом, OSB, и Бет Лофгрэн. Я особенно благодарен Папе Святому Иоанну Павлу II, чье видение человеческой личности как мужчины и женщины глубоко пронизывает эту книгу. Некоторые из идей и мыслей, представленных в этой книге, были впервые изложены в статье, которую я опубликовал под названием «Половые различия и католическая традиция: Вызовы и ресурсы» в журнале *Nova et Vetera*, 19:1 (2021). Я благодарен Мэтью Леверингу и отцу Томасу Джозефу Уайту, OP, редакторам журнала, за предоставленное мне разрешение использовать часть этого материала.

Многие люди помогали в работе над этой книгой на этапах ее написания. Я особенно благодарен Клэр Грабовски, Дэну Грабовски, Рэй Грабовски, отцу Кристиану Хюбнеру и Кристоферу Клоффту за полезные комментарии и отзывы об этой рукописи. Я в очередной раз благодарен замечательным людям из издательства TAN Books, которые приветствовали этот проект с самого его зарождения и предлагали свою поддержку и ободрение на всем пути. В частности, Джону Мурхаусу (редактору по приобретению прав, который, к сожалению, ушел из жизни во время написания этой книги), Патрику О'Хирну (который умело занял должность Джона и стал прекрасным помощником), Конору Галлахеру (издателю) и моему сыну Полу Грабовски (старшему директору по администрированию и технологиям в TAN Books), который впервые предложил эту идею несколько лет назад и с энтузиазмом поддержал ее, когда я выступил с предложением. В 2019 году мы с женой написали книгу о воспитании католических детей, которую опубликовало издательство TAN Books. Благодаря моему опыту работы с замечательными людьми из TAN Books, я захотел издаваться у них снова.

© 2022 Джон С. Грабовски

Все права защищены. За исключением коротких выдержек, используемых в критических обзорах, никакая часть этого труда не может быть воспроизведена, передана или сохранена в любой форме без предварительного письменного разрешения издателя. Создание, использование и распространение любых несанкционированных изданий этого труда в любом формате, существующем сейчас или в будущем — включая, помимо прочего, текст, аудио и

видео — запрещено без предварительного письменного разрешения издателя.

Выдержки из английского перевода Катехизиса Католической Церкви, Второе издание, © 1994, 1997, 2000 Libreria Editrice Vaticana-United States Catholic Conference, Вашингтон, округ Колумбия. Все права защищены.

Если не указано иное, библейские тексты в этом труде взяты из New American Bible, пересмотренное издание © 2010, 1991, 1986, 1970 Confraternity of Christian Doctrine, Вашингтон, округ Колумбия, и используются с разрешения владельца авторских прав. Все права защищены. Никакая часть New American Bible не может быть воспроизведена в любой форме без письменного разрешения владельца авторских прав.

Введение

Около тридцати четырех лет назад я был аспирантом в поисках темы для диссертации. Меня увлекло видение человеческой личности Папы Святого Иоанна Павла II, изложенное в его катехизисах «Теология тела» и других его учениях. Но я не был уверен, что диссертация, сосредоточенная исключительно на его работах, поможет мне на всегда конкурентном академическом рынке труда. У нас с женой было двое детей, и моей скромной стипендии аспиранта, даже с учетом подработок уборщиком в католической больнице, хватало ненадолго. Моя жена Клэр начала спрашивать, когда же я найду «настоящую работу». Очевидно, требовалась определенная осмотрительность.

После долгих обсуждений с преподавателями и коллегами-докторантами программы по теологии в Университете Маркетта (Marquette), я решил написать обзорную диссертацию, посвященную вопросу человеческой личности и половых различий. Название, громоздкое, как это бывает только в академических трудах, звучало так: «Теологическая антропология и гендер со времен Второго Ватиканского собора: Критическая оценка современных тенденций в католической теологии». Это позволило мне сосредоточиться на видении человеческой личности Иоанном Павлом II, не пренебрегая при этом более широкими теологическими темами, включая работы тех феминистских мыслителей, которые поднимали важные вопросы и во многом формировали дискуссии о половых различиях в последние десятилетия.

Как мы увидим в этой книге, именно из феминистской мысли различие между «гендером» и «полом» вошло в культурный дискурс во второй половине двадцатого века, хотя его корни уходят глубже. И все же у феминизма много оттенков и лиц. Даже некоторые пионеры «второй волны» женского движения, возникшего в 1960-х и 70-х годах, выражали тревогу по поводу того, как феминизм был захвачен идеологией Сексуальной революции, деконструирован постмодернистскими импульсами или приведен в соответствие с усилиями активистов, стремящихся разрушить идею о том, что существует только два пола — мужской и женский. Мы обратимся к некоторым аспектам этой истории позже в книге.

Приехав в Католический университет Америки (CUA) в Вашингтоне, округ Колумбия, в осеннем семестре 1991 года, я защитил диссертацию, а затем работал над получением постоянной должности (tenure). В то время в CUA преобладало мнение, что публикация диссертации не способствует этому, поскольку она является частью получения степени, а не частью списка публикаций, которые могут учитываться при назначении на должность. Поэтому, кроме обязательной публикации в University Microfilms International, я не публиковал материалы своей диссертации. Вместо этого мои писательские усилия сосредоточились на других темах нравственного богословия, таких как брак, семья и сексуальность. Возвращение к исследованию моей диссертации и ее публикация годами оставались в моем списке дел. В течение этого времени я продолжал интересоваться темой половых различий, ведя семинары

для аспирантов, руководя написанием диссертаций и время от времени публикуя научные статьи на эту тему. Но затем мое внимание привлекли изменения в культуре.

В июне 2015 года Верховный суд США по делу *Обергефелл против Ходжеса* (576 U.S. 644) постановил, что законы, запрещающие браки между однополыми парами, нарушают положения о надлежащей правовой процедуре и равной защите Четырнадцатой поправки к Конституции США. Я был удивлен масштабностью этого решения — но не полностью. Как я говорил своим студентам, это была попытка высшего суда догнать более широкую культуру, которая десятилетиями исключала плодovitость (через повсеместную контрацепцию) и постоянство (через легкодоступный развод) из реальной жизни брака. В таком понимании брак — это публичное заявление о любви между людьми на какой-то период времени, которое дает юридически признанный статус, а также определенные права и обязанности. Он не имеет необходимой связи с нерасторжимым заветом между мужчиной и женщиной, направленным на дар рождения детей. Следовательно, он не имеет необходимой связи с тем, чтобы быть мужчиной и женщиной. И, как отметил председатель Верховного суда Робертс в своем особом мнении к этому решению, при таком понимании брака нет никаких причин, по которым более чем двое взрослых не могли бы вступить в подобный союз. Таким образом, злополучное решение Верховного суда открыло путь для полиаморных союзов, состоящих из трех или более человек, по мере того как наше видение брака продолжает отрываться от своих иудео-христианских корней в доктрине творения. Посеянные Сексуальной революцией семена начали давать свои плоды.

Чего я на тот момент не видел так ясно, так это продолжающегося растворения самой концепции половых различий, вызванного той же самой революцией. И все же доказательства этого дальнейшего воздействия продолжают появляться. Волна активизма, которая протолкнула решение по делу *Обергефелла* через высший суд страны, не спала с завоеванием «права на брак» для однополых пар. Вместо этого, еще до вынесения этого решения, фокус сместился. Даже пока разворачивались дебаты об однополых браках, вопросы и права трансгендеров все чаще выходили на первый план. Государственные и местные органы власти, а также корпорации оказались втянутыми в «туалетные войны», когда люди, идентифицирующие себя как трансгендеры, требовали возможности использовать помещения, соответствующие полу, с которым они себя идентифицируют, а не своему биологическому или (как его некоторые называли) «приписанному» полу. Эксперты и комментаторы заговорили о «трансгендерном моменте» для широкой культуры. Вместо того чтобы концентрироваться на правах «ЛГБ» в аббревиатуре ЛГБТК+, теперь внимание переключилось на «Т» и «+» (т. е. на трансгендерные и небинарные формы выражения половых различий). Нам все чаще говорили, что сексуальная бинарность «мужчины» и «женщины» не может вместить в себя всю радугу разнообразных форм сексуальности, сияющих в человеческом сообществе и природном мире. И поэтому, как это ни трагично, от нее необходимо отказаться.

В процессе написания этой книги Верховный суд по делу *Босток против округа Клейтон* нанес еще один удар по значению и благодати половых различий в нашей культуре. Хотя решение якобы было направлено на защиту лиц, испытывающих влечение к своему полу или идентифицирующих себя как трансгендеры, от дискриминации на рабочем месте путем распространения на них защиты Раздела VII Закона о гражданских правах 1964 года, оно будет иметь далеко идущие последствия в таких областях, как жилье, образование и здравоохранение. Критики сразу же отметили, что это решение представляет собой законотворчество со стороны судей, что оно несет серьезную угрозу религиозной свободе, что оно подорвет женский спорт и может поставить под угрозу безопасность женщин в общественных местах, таких как туалеты или раздевалки. Эти опасения небезосновательны и будут рассмотрены в следующих главах. И снова решение высшего суда отражает растущий

разрыв между биологическим полом (sex) и гендером (gender) в широкой культуре. Похоже, что Суд все чаще функционирует как культурное зеркало, а не просто как толкователь закона.

Помимо наблюдения за этой продолжающейся эволюцией активизма в культуре, отраженной в недавних решениях Верховного суда, это дальнейшее культурное развитие, в сочетании с опытом участия в трех встречах, помогло сформировать некоторые мои мысли об эрозии концепции половых различий. Первой из этих встреч был Синод епископов по вопросам семьи в Ватикане в 2015 году, на котором я присутствовал в качестве одного из англоговорящих экспертов. Слушая, как епископы со всего мира описывают негативное влияние гендерной идеологии в своих епархиях, я смог увидеть как насущную пастырскую, так и богословскую природу проблем, вызванных этими идеями. Кроме того, в беседах со многими из этих епископов я узнал, что они испытывают острую нехватку ресурсов, чтобы предложить позитивный и содержательный ответ на некоторые из этих проблем, а не просто повторять предупреждения, озвученные Святым Престолом. На самом деле, архиепископ Эдмонта (Канада) Ричард Смит пригласил меня на обед, чтобы мы могли обсудить гендерную теорию и идеологию в надежде расширить его знания по этой теме. Как мы обсудим позже в книге, когда Папа Франциск обнародовал свое Апостольское обращение *Amoris laetitia* в начале 2016 года, было ясно, что он услышал озабоченность своих братьев-епископов по этому поводу и отнесся к ней серьезно.

Второе событие произошло в апреле 2018 года в преддверии пятидесятой годовщины поворотной энциклики Папы Святого Павла VI *Humanae vitae*. Двумя годами ранее я сидел за столом конференц-зала в офисе Конференции католических епископов США (USCCB) в Вашингтоне, округ Колумбия, на заседании Комитета по делам мирян, брака, семейной жизни и молодежи, в котором я работал в качестве богословского советника. Обсуждалась идея проведения конференции, посвященной годовщине документа, и консенсус епископов за столом был очевиден: «Мы должны это сделать».

В этот момент я вступил в разговор: «И это должно состояться в Католическом университете Америки».

Епископы переглянулись, а затем снова посмотрели на меня, согласно кивая головами: «Да, именно там».

Пятьдесят лет назад мой университет был центром инакомыслия против подтверждения Павлом VI учения Церкви, направленного против контрацепции. Когда я представил идею проведения конференции президенту нашего университета Джону Гарви, я сказал ему, что если и существует такое понятие, как «институциональное покаяние», то для CUA это шанс его совершить. Помощь в планировании этой исторической конференции и прослушивание докладов богословов, философов, социологов, юристов, врачей и многих других помогли мне лучше увидеть связь между отвержением Божьего дара плодovitости и разрушением концепции половых различий в западной культуре.

Третьим событием стало ежегодное собрание Академии католического богословия в мае 2019 года. Занимая пост президента группы в том году, я получил задание спланировать конференцию. Вспоминая свой опыт на Синоде и желая предоставить епископам больше богословских размышлений и ресурсов по этому вопросу, я выбрал тему «Половые различия в католической традиции». И снова насыщенная дискуссия и множество высококачественных докладов помогли мне увидеть более глубокое значение половых различий в Божьем плане, как он открыт в Писании и разработан в католической традиции. В свою очередь, Священное Писание и Священное Предание проливают свет на разрушительные последствия отделения плодovitости и мужских/женских различий от идентичности человеческой личности.

В отличие от католического видения, рассматривающего сексуально дифференцированное тело как неотъемлемое выражение того, кем мы являемся как личности, наша современная культура все чаще воспринимает его как «поверхность» или «экран», на котором можно писать самостоятельно сконструированные идентичности или текущие желания.

Посетив эти католические мероприятия и став свидетелем дальнейшего распутывания половых различий в праве и культуре, я понял, что сейчас идеальное время, чтобы вернуться к теме моей диссертации, написанной около трех десятилетий назад. То, что казалось своевременным тогда, кажется крайне необходимым сейчас. И эта тема важна не только для богословов и ученых; она жизненно важна для любого человека, живущего в нашей культуре, который хочет осмыслить половые различия с христианской точки зрения и понять, что стоит на кону в текущих дебатах.

Помимо моего теологического образования, я, безусловно, извлекаю пользу из чтения историков и социологов, а также представителей «точных наук», и я опираюсь на это чтение при формулировании рассматриваемых здесь проблем. И, несмотря на мой опыт в этой области, эта книга не претендует ни на окончательность, ни на исчерпывающую полноту. Она, конечно же, не нацелена на то, чтобы дать научный или политический анализ этих спорных вопросов. Существуют труды, которые эффективно охватывают большую часть этого поля. Вместо этого данная книга предлагает способы осмысления богатой реальности половых различий с опорой на Писание и католическую традицию. Безусловно, на половые различия можно смотреть и через другие призмы, гармонирующие с христианством. О некоторых из них я упомяну вскользь.

В то же время существуют также способы мышления о половых различиях, которые противоречат Писанию и католической традиции. К сожалению, эти идеи сеют путаницу в широкой культуре. Существуют также благонамеренные, но менее полезные пути осмысления различий между полами, которые в конечном итоге заводят в тупик. В этой книге мы кратко коснемся этих моментов.

Однако главное внимание в этой книге уделяется тому, что Церковь стала называть «гендерной идеологией». Хотя гендерная идеология имеет множество истоков, некоторые из которых уходят далеко в прошлое, сегодня ее влияние ускорило из-за масштабных культурных сдвигов. В конечном счете, гендерная идеология лучше всего понимается как современное выражение гностицизма — древней ереси, которая противостоит христианским концепциям творения, Воплощения, тела и половых различий.

Хотя книга «Распутывая гендер» противостоит этой переработанной ереси, указывая на ее ошибки, ее основная цель — быть пояснительной. Эта книга призвана объяснить, что такое гендерная идеология, откуда она взялась и как Писание и учение Церкви предлагают нам лучшее видение. Время от времени я буду опираться на свой собственный опыт католического педагога, мужа, отца и дедушки, объясняя идеи, чтобы сделать их более доступными и понятными, а не для того, чтобы спорить с помощью отдельных примеров из жизни.

Наконец, существуют относительно новые вопросы, поставленные более поздними научными исследованиями, которые обострились в результате культурного переворота, и которые мы только начинаем осознавать и обдумывать — причины сексуального влечения; феномен людей, чье выражение половых различий на каком-то уровне неоднозначно (т.е. интерсекс-люди или люди с нарушениями полового развития); и лучшие способы реагирования на тех, кто испытывает боль гендерной дисфории. На эти вопросы мои ответы будут менее формализованными, однако свидетельство Писания и католической традиции, а также существующие научные данные обеспечат четкую основу для решения этих тем с позиций

милосердия и пастырской заботы. Милосердие имеет решающее значение как для тех, кто борется с этими проблемами, так и для тех, кто стремится понять их и поддержать этих людей.

Многие люди ищут ответы на эту насущную проблему нашего времени — гендерную идеологию — выдвинутую на первый план нашими нынешними культурными потрясениями. Поэтому я надеюсь, что эта книга обеспечит более ясное понимание того, как Писание и Традиция могут дать верующим больше ясности в запутавшемся мире.

Название книги говорит о «распутывании гендера» (unraveling gender). Теперь должно быть очевидно, что эти слова используются в двух смыслах: «распутывание» в смысле разрушения связного и общего понимания половых различий в широкой культуре, и как попытка объяснить и демистифицировать сложную и запутанную тему в свете разума и веры. Книга больше сосредоточена на первом значении, но всегда имеет в виду второе. Долгая история Церкви учит нас, что каждый вызов, с которым сталкивалось христианство, является также и возможностью. В данном случае наша нынешняя культурная деконструкция брака, половых различий и тела — это возможность глубже оценить и с большей любовью делиться Божьим замыслом о любви, жизни и браке, включающем мужчину и женщину, которые вместе созданы по Его образу (см. Быт.1:27).

Вашингтон, округ Колумбия 26 июля 2021 г. святых Иоакима и Анны

Глава 1. Сигнальные огни зажжены: предупреждения о гендерной идеологии

«Вперед, Серогрив! Мы должны спешить. Времени мало. Смотри! Сигнальные огни Гондора зажжены, они взывают о помощи. Война началась. Смотри, горит огонь на Амон Дине, и пламя на Эйленахе; и вот они бегут на запад: Нардол, Эрелас, Мин-Риммон, Каленхад и Халифириэн на границах Рохана».

Гэндальф Белый, *Возвращение короля*

Волшебник Гэндальф произносит эти слова в начале третьего тома трилогии Дж. Р. Р. Толкина «Властелин колец». Здесь Гэндальф обращается к своему великолепному коню Серогриву, пока они с хоббитом Пиппином скачут на войну в Минас Тирит, главный из уцелевших городов Гондора. Жители Гондора зажгли огромные костры на вершинах Белых Гор, чтобы предупредить о надвигающемся нападении сил Мордора и умолять своего соседа и союзника, Рохан, прислать помощь для грядущей битвы. Таким образом, эти сигнальные огни служили системой оповещения для народов Средиземья.

В последние годы Церковь со все большей силой озвучивает ряд предупреждений относительно «гендерной идеологии». Этот термин описывает набор идей, которые бросают вызов и подрывают основные христианские убеждения о человеческой личности: о мужчине и женщине, созданных по образу Божьему, о благости тела и о важности брака и семьи. Гендерная идеология — это не просто «чепуха», не имеющая «четкого референта», как предполагают некоторые. Она очень реальна и представляет собой грозную опасность для Веры и для процветания человека.

Во многом эти предупреждения подобны зажжению сигнальных огней на Белых Горах — они возвещают о грядущей битве и взывают о помощи, как к тем, кто находится внутри Церкви, так и к людям доброй воли за ее пределами. В данном случае битва ведется не против развращенных людей или полчищ злых существ, таких как орки и тролли в мифологии Толкина, а против набора идей, враждебных человеческому достоинству и процветанию. Битва

за душу нашей эпохи разворачивается не на Пеленнорских полях, а на поле идей о семье, браке и половых различиях.

Совершенно иная битва

Прежде чем продолжить, стоит более подробно поразмыслить над природой этой «битвы» — чем она является и чем не является. Противниками в этой битве не являются люди, идентифицирующие себя как ЛГБТК+. Трагично, но такие люди были и остаются мишенями для отвержения, дискриминации, преследований и даже открытого насилия в нашем обществе — порой со стороны членов их собственных семей или церковных общин. Эта враждебность, наряду с более тонкими формами неприятия, часто приводит к депрессии или другим проблемам с психическим здоровьем у таких людей. Меган ДеФранза так описывает проблемы, с которыми сталкиваются люди, идентифицирующие себя как трансгендеры:

Пятьдесят семь процентов имеют членов семьи, которые отказываются с ними общаться, 50–54 процента подвергаются издевательствам в школе, 60 процентам врачи отказывают в медицинской помощи, 64–65 процентов подвергались физическому или сексуальному насилию, 57–70 процентов подвергались дискриминации и/или становились жертвами правоохранительных органов, а 69 процентов сталкивались с бездомностью. Еще более ужасающими являются показатели самоубийств. В общей популяции уровень попыток самоубийства в 4,6 процента вызывает глубокую тревогу, но этот показатель более чем в два раза выше (10–20 процентов) среди лесбиянок, геев и бисексуалов, и взлетает до 41–46 процентов для трансгендерных и гендерно-неконформных людей. Для цветных гендерно-неконформных и трансгендерных людей этот показатель пугающе высок: 54–56 процентов.

Отвечать оскорблениями или насилием по отношению к людям с влечением к своему полу или борющимся со своей гендерной идентичностью морально неправильно и заслуживает безоговорочного осуждения. Более того, Церковь учит, что «следует избегать любых признаков несправедливой дискриминации в их отношении», поэтому основные права человека этих лиц должны быть защищены законом, государственной политикой и их ближними.

Многие люди, которые могли бы описать себя как ЛГБТК+, не имеют никакого желания продвигать какую-либо политическую или социальную повестку — они просто хотят жить в мире и без притеснений со стороны других. Те из них, кто является христианами, также надеются найти в своих церквях поддержку в реализации своего призвания следовать за Христом, одновременно справляясь с опытом однополого влечения или гендерной дисфории. Некоторые из этих людей могут называть себя «геями», «лесбиянками», «квирами» или «трансгендерами». Другие могут отвергать эти термины как упрощающие и просто говорить о своем опыте влечения к своему полу или гендерного несоответствия. *Катехизис* отмечает, что боль и трудности такого опыта могут стать для этих верующих возможностью соединиться с Крестом Христовым и тем самым возрасти в святости. Как и любая форма страданий, встреченная с верой и любовью, эта конкретная борьба может принести плоды и стать даром в жизни отдельного христианина и более широкой церковной общины. Но признание чудесной способности Божьей благодати извлекать добро из страданий и боли не является разрешением причинять еще больше страданий через жестокое обращение. Христиане призваны относиться с «уважением, состраданием и деликатностью» к страданиям своих братьев и сестер, испытывающих однополое влечение или гендерную дисфорию.

И все же есть те — как внутри, так и вне группы лиц, идентифицирующих себя как ЛГБТК+, — кто преследует политическую и социальную повестку, направленную на деконструкцию или разрушение того, что они считают репрессивной гендерной бинарностью. Эти сторонники гендерной идеологии часто используют свое влиятельное положение в правительстве,

средствах массовой информации, академической среде или культуре для продвижения своих взглядов и подавления тех, кто задает вопросы или не согласен с ними. Однако эти активисты в конечном итоге не являются противниками в той битве, на которую обращают наше внимание предупреждения Церкви. Скорее, главными противниками в этой битве являются идеи, которые они продвигают и распространяют, а также духовные корни этих идей. В христианском контексте язык войны всегда имеет духовный смысл. Наша битва — против сил зла, греха и дьявола, в нас самих и в окружающем нас мире (см. Еф.6:10-17). Другие люди не являются настоящими врагами в этой битве.

Идеи гендерной идеологии и ее взгляды на человеческую личность враждебны как человеческому разуму, так и христианской вере. Внедряясь в жизнь, они работают на подрыв благодати человеческого тела, реальности половых различий, отличительных даров мужчин и женщин, половой взаимодополняемости, связи между браком и даром деторождения, а также незаменимой природы семьи как основы здорового человеческого общества. Когда эти блага оказываются под угрозой, страдают все члены общества, и их способность к процветанию ставится под удар.

Природа и происхождение этих идей станут яснее на последующих страницах, но уже сейчас должны быть очевидны две вещи. Во-первых, язык и образы «битвы», используемые в этой книге или в учении Церкви, никоим образом не являются призывом к враждебности, злобе или насилию против людей — даже против самых ярых сторонников гендерной идеологии. Эти люди созданы по образу и подобию Божьему, им предложено искупление во Христе, и они обладают тем же человеческим достоинством и ценностью, что и все остальные люди. Они заслуживают уважительного и милосердного отношения даже в разгар дебатов и разногласий, направленных на опровержение их идей. Во-вторых, Церковь утверждает, что ее члены призваны выступать против этих ложных взглядов на человеческую личность именно в силу ее приверженности достоинству человека. Не делать этого означало бы для Церкви сложить с себя ответственность. Справедливость и милосердие, которыми мы обязаны другим, основываются на истине и требуют истины — полной истины о человеческой личности, сотворенной и возлюбленной Богом. Поскольку Церковь приняла истину Откровения, она считает себя «экспертом в вопросах человечности» и имеет право говорить от имени человеческой личности.

Культура смерти

Первым, кто использовал термин «эксперт по человечности» для описания Церкви и того, чем она обладает в своем учении, был Папа Святой Павел VI в своем обращении к Организации Объединенных Наций в 1965 году. Этот же понтифик был также первым, кто описал миссию Церкви в мире как помощь в построении «цивилизации любви», которую он охарактеризовал как цивилизацию, отличающуюся любовью и миром, принесенными в мир при сошествии Святого Духа в Пятидесятницу. Обе эти идеи получили дальнейшее развитие в учительстве Папы Святого Иоанна Павла II. И именно это последнее понятие впоследствии послужило основанием для предупреждений о гендерной идеологии, которые озвучивала Церковь.

Идея «цивилизации любви» часто встречается в учении польского папы, в том числе во многих его главных документах. В своем Письме к семьям 1994 года, *Gratissimam sane*, он подробно развивает эту мысль. Цивилизация любви основана на двойственности мужчины и женщины, созданных по образу Божьему. Свой центр она находит в завете мужчины и женщины в браке и их способности приносить новую человеческую жизнь в мир через телесную самоотдачу друг другу в сотрудничестве с замыслом Творца. Община личностей в семье, где супруги и дети живут во взаимной любви, является сотворенным отражением вечного общения любви между Божественными Лицами Троицы. Ребенок, который приходит в мир через жертвенную любовь

своих родителей, является даром не только для них, но и для всего человеческого общества. Семья и строящаяся на ней цивилизация любви являются, таким образом, взаимозависимыми реальностями.

Против этой цивилизации любви восстает другая реальность — «антицивилизация», противоположность того, чему она противостоит, тень, отбрасываемая светом другой. Эта антицивилизация отрицает истину о личности и ее достоинстве, о браке и о семье. Вместо того чтобы относиться к людям с уважением и безусловной любовью, их используют как вещи. Утилитаризм, таким образом, становится моральной разменной монетой в этой сфере. Папа Святой Иоанн Павел II пишет: «Утилитаризм — это цивилизация производства и потребления, цивилизация "вещей", а не "личностей", цивилизация, в которой люди используются так же, как используются вещи. В контексте цивилизации потребления женщина может стать объектом для мужчины, дети — помехой для родителей, а семья — институтом, препятствующим свободе ее членов». Эта ложная мораль прочно укоренилась в нашей культуре. Например, она используется как оружие в образовательном контексте с помощью так называемых программ «безопасного секса». Она сводит счастье к простому удовольствию, а свободу — к эгоистичной вседозволенности. Такой взгляд представляет собой фундаментальную угрозу семье и построенному на ней обществу.

В своей энциклике *Evangelium vitae* Папа Святой Иоанн Павел II вернулся к этому контрасту, используя новые формулировки, и описал то, что он назвал «культурой смерти». В этом документе опасность, исходящая от «антицивилизации», более четко сфокусирована на бесчисленных угрозах человеческой жизни. Согласно этому взгляду, человек определяется своей продуктивностью — то есть способностью делать что-либо, например, общаться или работать. Свобода — это просто осуществление автономного выбора, а человеческое общество — это просто совокупность таких самоуправляемых индивидов. Права человека являются лишь продолжением индивидуальной автономии и, следовательно, могут быть отняты у тех, кто лишен способности выполнять ценные функции (например, работать, жить независимо и мыслить). Природный мир и человеческое тело все чаще рассматриваются как материя, которую можно эксплуатировать в целях эффективности или удовольствия. Мораль организована на основе либо максимизации удовольствия (гедонизм), либо эффективности (и снова утилитаризм). Даже жизнь может быть низведена до товара и все больше подвергается угрозе из-за контрацепции, абортов, эвтаназии и враждебности к слабым и уязвимым. В терминах Папы Святого Иоанна Павла II, гендерную идеологию можно понимать как еще один признак и симптом этой «культуры смерти», действующей в нашем мире.

В ответ на «культуру смерти» Папа Святой Иоанн Павел II вновь предложил глубоко иное видение — «культуру жизни». В этом видении именно пребывание в отношениях (с Богом и другими людьми) является определяющим для человеческой личности. Свобода обретается в акте «вручения» себя другим в любви. Права основываются на достоинстве личности, сотворенной Богом и искупленной Христом, и не могут быть отняты по прихоти группы или правительства. Природа рассматривается не как простая материя, подлежащая господству, а как *mater* (т.е. «мать»), к которой следует относиться с благоговением и заботой. Мораль и свобода основаны на истине о человеческой личности, созданной по образу Божьему. В документ также был включен призыв Папы Святого Иоанна Павла II к «новому феминизму», который бы отверг «искушение подражать моделям "мужского господства", чтобы признать и утвердить истинный гений женщин во всех аспектах жизни общества и преодолеть любую дискриминацию, насилие и эксплуатацию». Среди уникальных даров женщин Папа подчеркнул их исключительную открытость другим людям и жизни, и то, и другое уникальным образом реализуется в способности женщин быть матерями.

Предупреждения

Именно во время долгого понтификата Папы Святого Иоанна Павла II Церковь начала озвучивать предупреждения о гендерной идеологии, поскольку она осознала формирующуюся угрозу семье. Эти предупреждения опирались на описание папой противоборствующих цивилизаций или культур и укрепляли его. Впервые они прозвучали из уст различных ватиканских дикастерий. Эти дикастерии являются конгрегациями Римской курии, которые помогают папе в его управлении Церковью.

В 2000 году, под умелым руководством кардинала Альфонсо Лопеса Трухильо, Папский совет по делам семьи в своем документе *Семья, брак и «фактические» союзы* выпустил следующее предупреждение:

Начиная с десятилетия между 1960 и 1970 годами, некоторые теории (которые сегодня обычно описываются экспертами как «конструктивистские») утверждают не только то, что родовая сексуальная идентичность («гендер») является продуктом взаимодействия между обществом и индивидом, но и то, что эта родовая идентичность независима от личной сексуальной идентичности: т.е., что мужской и женский гендеры в обществе являются исключительно продуктом социальных факторов, не имеющих никакого отношения к какой-либо истине о сексуальном измерении личности. Таким образом можно оправдать любое сексуальное поведение, включая гомосексуализм, и именно общество должно измениться, чтобы включить в свой образ формирования социальной жизни другие гендеры, наряду с мужским и женским. Идеология «гендера» нашла благоприятную среду в индивидуалистической антропологии радикального неолиберализма. Требование аналогичного статуса для брака и фактических союзов (включая гомосексуальные союзы) сегодня обычно оправдывается на основе категорий и терминов, исходящих из идеологии «гендера». Таким образом, существует определенная тенденция называть «семьей» все виды союзов по обоюдному согласию, тем самым игнорируя естественную склонность человеческой свободы к взаимной самоотдаче и ее сущностные характеристики, которые лежат в основе этого общего блага человечества — института брака.

Обратите внимание, что, согласно документу, отделение гендера от тела и его биологического пола открывает путь к распространению множества гендеров и подрывает понимание обязательно гетеросексуальной природы брака. С иной точки зрения, нежели у сторонников ЛГБТК+ коалиции, Церковь также видит слияние между вопросами сексуальной идентичности и сексуального поведения. В своей основе гендерная идеология стремится переопределить, чем является тело, для чего оно предназначено и что оно делает.

В недавнем документе Конгрегации католического образования для описания этой идеологии используется учение Папы Франциска:

Контекст, в котором осуществляется *миссия образования*, характеризуется вызовами, исходящими от различных форм идеологии, получившей общее название «гендерная теория», которая «отрицает различие и взаимодополняемость в природе мужчины и женщины и рисует общество без половых различий, тем самым разрушая антропологическую основу семьи. Эта идеология приводит к образовательным программам и законодательным актам, которые продвигают личную идентичность и эмоциональную близость, радикально оторванные от биологических различий между мужчиной и женщиной. Следовательно, человеческая идентичность становится выбором человека, который к тому же может со временем меняться».

Папа Франциск также часто предупреждал о продолжающейся «идеологической колонизации» семьи богатыми странами и международными организациями. В своем Апостольском обращении к молодежи *Christus vivit* он заявляет: «Во многих бедных странах экономическая

помощь, предоставляемая некоторыми более богатыми странами или международными агентствами, обычно привязывается к принятию западных взглядов на сексуальность, брак, жизнь или социальную справедливость. Эта идеологическая колонизация особенно вредна для молодежи».

Однако самый глубокий анализ как корней, так и траектории этой идеологии был предоставлен Папой Бенедиктом XVI в его последнем Рождественском обращении к Римской Курии. Из-за своей содержательности и ясности соответствующая часть обращения заслуживает достаточно подробного цитирования:

Атака, которую мы сейчас переживаем на истинную структуру семьи, состоящую из отца, матери и ребенка, идет гораздо глубже. Если до сих пор мы рассматривали ложное понимание природы человеческой свободы как одну из причин кризиса семьи, то теперь становится ясно, что под сомнение ставится само понятие бытия — того, что в действительности означает быть человеком... [Вспоминается] знаменитое изречение Симоны де Бовуар: «женщиной не рождаются, ею становятся» (*on ne naît pas femme, on le devient*). Эти слова закладывают основу для того, что сегодня выдвигается под термином «гендер» как новая философия сексуальности. Согласно этой философии, пол больше не является данным элементом природы, который человек должен принять и лично осмыслить: это социальная роль, которую мы выбираем для себя сами, в то время как в прошлом она выбиралась для нас обществом. Глубокая ложность этой теории и заложенной в ней антропологической революции очевидна. Люди оспаривают саму идею о том, что у них есть природа, заданная их телесной идентичностью, которая служит определяющим элементом человеческого существа. Они отрицают свою природу и решают, что она не является чем-то заранее данным им, но что они создают ее для себя сами. Согласно библейскому рассказу о сотворении мира, быть сотворенным Богом как мужчина и женщина относится к сущности человеческого творения. Эта двойственность является существенным аспектом того, что значит быть человеком, согласно замыслу Божьему. И именно эта двойственность, как нечто заранее данное, теперь оспаривается. Слова рассказа о сотворении мира: «мужчину и женщину сотворил их» (Быт.1:27) больше не действуют. Нет, теперь действует вот что: не Бог сотворил их мужчиной и женщиной — до сих пор это делало общество, теперь же мы решаем это сами за себя. Мужчины и женщины как сотворенных реальностей, как природы человеческого существа, больше не существует. Человек ставит под сомнение свою природу... Мужчина и женщина в их сотворенном состоянии как взаимодополняющие версии того, что значит быть человеком, оспариваются. Но если в творении нет predetermined двойственности мужчины и женщины, тогда и семья больше не является реальностью, установленной творением.

В этих сильных замечаниях содержится много ключевых мыслей, которые будут подробно разобраны позже. Однако уже сейчас стоит выделить несколько моментов, которые позволяют сфокусироваться на некоторых главных чертах гендерной идеологии, помимо переопределения значения и цели тела, уже отмеченных выше.

Во-первых, Папа Бенедикт XVI отмечает переход, который мы пережили в нашей культуре от восприятия «гендера» как культурного конструкта к пониманию его как индивидуального выбора. Это ключ к пониманию нашей нынешней ситуации и множественности «гендеров» вокруг нас. Во-вторых, Святой Отец говорит нам, что думать о «гендере» таким образом означает превращать его в растворитель, который уничтожает концепции человеческой природы и ее Творца. В результате мы становимся своими собственными творцами, независимыми от Бога. При таком понимании гендерная идеология может быть только враждебной христианской вере — или другим верованиям, которые придерживаются понимания Бога-Творца. В-третьих, подрывая Бога и Его роль как творца вселенной, та же самая идеология атакует реальность человеческой личности и ее достоинство. Отцы Второго

Ватиканского собора хорошо выразили это: «Ибо без Творца творение исчезнет. Со своей стороны, однако, все верующие любой религии всегда слышат Его откровение в голосе творений. Однако когда о Боге забывают, само творение становится непостижимым». История современного атеистического гуманизма свидетельствует об истинности этого учения. Идеологические проявления этого атеистического гуманизма — будь то со стороны политических правых или политических левых — несут ответственность за некоторые из самых кровавых страниц нашей современной истории. В-четвертых, неслучайно Папа Бенедикт XVI укореняет свое понимание человеческой личности в словах из Бытия 1:27: «Мужчину и женщину сотворил их». Подобно Папе Святому Иоанну Павлу II, Папа Бенедикт XVI понимал глубокий смысл и важность первых глав Бытия как основы для понимания человеческой личности в Божьем замысле.

В следующих главах мы последуем примеру Папы Бенедикта, прослеживая интеллектуальные и культурные корни этой идеологии в течениях современной философии, использовавшихся феминистками двадцатого века. Мы также исследуем различные культурные сдвиги, которые высвободили эту идеологию, одновременно предлагая альтернативное видение, возвращающее к библейской доктрине творения. Но сначала мы должны осмотреть ландшафт современной культуры и ту путаницу, которая окутала такие базовые понятия, как мужчина и женщина.

Глава 2. В зазеркалье: гендерная идеология, язык и культура

«Когда я беру слово, оно означает то, что я хочу, не больше и не меньше», — сказал Шалтай-Болтай презрительно.

«Вопрос в том, подчинится ли оно вам», — сказала Алиса.

«Вопрос в том, кто здесь хозяин, вот и все», — сказал Шалтай-Болтай.

— Льюис Кэрролл, *Алиса в Зазеркалье*

«Сойдем же и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого».

— Бытие 11:7

Не так давно слово «гендер» (род) имело совершенно иное значение. Оно могло относиться к классам существительных в определенных языках, таких как французский или испанский. Но, если не считать грамматического рода, это слово в основном использовалось как синоним слова «пол» (sex), в смысле быть мужчиной или женщиной. В приличном обществе не говорили «пол» (sex), поскольку это могло быть неправильно понято как указание на некую форму сексуальной активности. Вместо этого, чтобы случайно никого не обидеть, для описания половых различий говорили «гендер» (gender). При таком использовании ответ на вопрос о том, сколько существует гендеров, был прост — два. Это связано с тем, что существовало понимание: половой диморфизм, очевидный у людей и большей части животного мира, отражает бинарное свойство половых различий. Эти наблюдаемые различия указывали на базовые и взаимодополняющие функции в репродуктивной биологии. Философы Древней Греции размышляли об этих функциях в своих описаниях природы и человека. Анджела Фрэнкс, обобщая фундаментальное историческое исследование сестры Пруденс Аллен, кратко формулирует суть:

Древние греки заметили, что бинарное половое размножение не является исключительной прерогативой людей, но также является особенностью наиболее развитых видов животных. Несмотря на довольно большое разнообразие, половое размножение, будучи бинарным процессом, обычно следовало таким параметрам: примерно половина представителей вида вносила свой вклад, размножаясь вне себя (самцы), а другая половина — размножаясь внутри

себя (самки).

Теперь мы знаем, что это происходит потому, что самцы производят сперматозоиды, а самки — яйцеклетки. Но поскольку эти гаметы участвуют в размножении соответственно вне и внутри тела, древние понимали суть правильно, хотя и частично. Это разделение, безусловно, справедливо и для людей.

Как отмечает Фрэнкс, в масштабах человеческой истории это было общепринятым убеждением людей примерно до «позавчерашнего дня» (т. е. до конца двадцатого века). Этому взгляду не мешало существование небольшого числа людей, у которых выражение половых различий было неоднозначным — тех, кого в древнем мире часто называли «гермафродитами», а сегодня мы описываем как людей с интерсекс-вариациями. У этих людей есть различные генетические или гормональные состояния, которые влияют на выражение ими половых различий (наружные половые органы или вторичные половые признаки) или на их способность к половому размножению (иногда затрагивая гонады или внутренние половые органы в дополнение к наблюдаемым половым признакам). Но сам термин «интерсекс» (inter-sex) описывает кого-то, кто находится *между* двумя полами. Приставка *inter* происходит из латыни и означает «между», «среди» или «посреди». Существование таких людей не отрицает реальность двух полов — оно ее подтверждает. В данном случае исключение подтверждает правило.

Несмотря на эту историю, этимологию и наблюдаемые факты биологии, некоторые люди сегодня верят, что существуют многие десятки гендеров, и что можно иметь несколько гендеров или не иметь ни одного. Папа Бенедикт XVI дал краткий обзор эволюции этого слова в своем последнем Рождественском обращении к Римской курии, и мы разберем интеллектуальные и культурные силы, стоящие за этой эволюцией, в следующей главе. Однако, прежде чем мы рассмотрим, как мы до этого дошли, стоит задаться вопросом: «Где мы сейчас находимся?». То, что последует далее, ни в коей мере не является исчерпывающим, а представляет собой лишь беглую выборку того странного нового мира, который гендерная идеология начинает формировать среди нас. Подобно Алисе, прошедшей сквозь зеркало в сказке Льюиса Кэрролла, «Зазеркальный мир», в котором мы оказались, странен, язык часто чужд, а здравый смысл — явление совершенно редкое. Вместо того чтобы теряться в принципиальной новизне некоторых отдельных особенностей этого ландшафта, мы попытаемся изучить некоторые более масштабные и тревожные черты этого зарождающегося мира.

Умножение гендеров

В ноябре 2019 года Комиссия международного права Организации Объединенных Наций (ООН) предложила новый договор, определяющий преступления против человечности, который официально признал бы 100 различных гендеров. Это заменило бы Римский статут 1998 года, который определял «гендер» как «мужчину и женщину в контексте общества». В случае принятия Генеральной Ассамблеей это могло бы оказать значительное влияние на другие договоры ООН и программы помощи, потенциально затрагивая миллиарды людей по всему миру. Это означало бы, что ООН последует за популярными платформами социальных сетей и многими представителями академической среды и индустрии развлечений в принятии мнения о том, что половые различия — это всего лишь социальный конструкт.

Этот новый договор также стал бы еще одним официальным шагом к адаптации ООН так называемых Джокьякартских принципов (Yogyakarta Principles), разработанных группой активистов в 2007 году и представленных в Женеве в том же году. Претендуя на распространение языка и традиций международных прав человека на вопросы сексуальной дискриминации, Джокьякартские принципы предлагают следующее определение гендерной

идентичности:

ПОДРАЗУМЕВАЯ, что «гендерная идентичность» относится к глубоко прочувствованному внутреннему и индивидуальному гендерному опыту каждого человека, который может как совпадать, так и не совпадать с полом, приписанным при рождении, включая личное ощущение своего тела (которое может предполагать, если это сделано по свободному выбору, изменение внешнего вида или физиологических функций медицинскими, хирургическими или иными средствами) и другие формы выражения гендера, включая одежду, речь и манеры.

Таким образом, гендерная идентичность на самом глубоком уровне — это чувство, по большому счету не связанное с «полом, приписанным при рождении». Идентичность, которую создает это чувство, может быть только текучей (флюидной). Попытки настаивать на связи между гендерной идентичностью и телом или половым размножением с точки зрения морали или государственной политики рассматриваются как форма дискриминации.

Странно, но, как отмечает писатель Райан Андерсон, некоторые гендерные активисты утверждают одновременно и то, что гендерная идентичность фиксируется при рождении, и то, что она абсолютно флюидна. Андерсон ссылается на недавний репортаж CNN на эту тему, в котором говорилось, что гендерная идентичность и ее выражение «"могут меняться каждый день или даже каждые несколько часов", и эта текучесть "может проявляться в том, как мы одеваемся, выражаем и описываем себя"». И все же активистские организации, такие как Всемирная профессиональная ассоциация по здоровью трансгендерных людей (WPATH), Кампания за права человека (HRC) и Американский союз защиты гражданских свобод (ACLU), утверждают, что у детей в возрасте от двух до четырех лет может развиваться гендерная идентичность, не совпадающая с той, что была приписана при рождении, и в этом их должны поддерживать и утверждать родители, учителя и медицинские работники. Звуча нотой здравого смысла, Андерсон замечает: «Трехлетний ребенок только начинает понимать разницу между мальчиками и девочками, так откуда у этого ребенка может быть какое-то осознание того, что он действительно мальчик, когда все говорят, что она девочка?». Иными словами, идея о том, что трехлетний ребенок может иметь ясное и фиксированное психологическое ощущение себя запертым в чужом теле, когда он или она только начинает понимать это тело и то, чем оно отличается от другого пола, кажется нереалистичной.

Ошибочная медицина

Философская идея гендера как социального конструкта, отмеченная Папой Бенедиктом XVI, была введена в социальные науки и, в конечном итоге, в сферу медицины в середине двадцатого века психологом Джоном Мани. Для Мани гендер был просто «ролью», которую человек берет на себя вне связи с телом, и, следовательно, ей можно было научиться и от нее можно было отучиться. Его работа оказала большое влияние на создание обоснования для медицинских процедур гендерного перехода, таких как хирургическая смена пола, несмотря на то, что она подвергалась широкой критике. На самом деле, некоторые из его методов можно описать только как сексуальное и психологическое насилие. Его самый известный пациент, Дэвид Реймер, «лечился» у Мани и воспитывался как девочка после неудачного младенческого обрезания. Став подростком и юношей, Реймер отверг этот приписанный ему гендер, попытался совершить обратный переход к своему биологическому полу и, в конце концов, покончил жизнь самоубийством. Несмотря на его ужасающие методы и подобные результаты, работы Мани и основанная на них теория остаются влиятельными (и часто цитируемыми) в литературе, продвигающей гендерную идеологию в социальных и медицинских науках.

Итак, что же означает хорошая медицинская помощь для гендерных активистов? Это означает, что гендерно-дискордантные дети должны совершать социальный переход в детстве (что

подразумевает возможность выбирать одежду и гендерные местоимения, с которыми они себя идентифицируют). По мере приближения этих детей к подростковому возрасту им следует давать блокаторы полового созревания, чтобы предотвратить созревание их тел в соответствии с биологическим полом. Эти препараты задерживают пубертат и служат для регрессии половых признаков, которые начали проявляться в детстве (уменьшение ткани молочной железы у девочек и объема яичек у мальчиков). Примерно в возрасте шестнадцати лет эти молодые люди должны получать кросс-гормональную терапию, чтобы у них начали развиваться вторичные половые признаки противоположного пола. В восемнадцать лет эти люди должны иметь возможность сделать выбор в пользу хирургического перехода, который включает хирургическую ампутацию первичных и вторичных половых признаков и косметическую реконструкцию наружных половых органов (и, возможно, увеличение груди при переходе от мужчины к женщине).

Является ли это хорошей медициной? На этот вопрос можно ответить как с точки зрения доказательной базы, так и с философской точки зрения. В обоих случаях ответ — нет. Ни один из этих отрицательных ответов не удивителен, если учесть, что терапевтические рекомендации, выдвигаемые сторонниками гендерной идеологии, основаны на ошибочном взгляде на человеческую личность и ее процветание.

На практическом уровне имеются веские доказательства того, что эти методы лечения неразумны и наносят ущерб здоровью. Идея о том, что у ребенка к двум или трем годам формируется фиксированная гендерная идентичность, находящаяся в конфликте с его телом, бессмысленна. Дети и подростки переживают значительные колебания в своем самоощущении, и гендерная неконформность часто является одним из проявлений этого. Исследования неизменно показывают, что «от 80 до 95 процентов детей, которые заявляют, что они трансгендеры, к позднему подростковому возрасту естественным образом приходят к принятию своего пола и наслаждаются эмоциональным здоровьем». Зачем кому-то решаться на болезненную, обширную и долговременную форму вмешательства, которую влекут за собой процедуры перехода, перед лицом таких цифр? Это противоречит научно обоснованной тенденции в современной медицине выбирать наименее инвазивную форму лечения из доступных. Идея о закреплении дискордантной гендерной идентичности в раннем детстве дополнительно подрывается феноменом, который называют «гендерной дисфорией с быстрым началом» (rapid onset gender dysphoria), когда подростки или взрослые внезапно начинают идентифицировать себя как представителей другого пола, часто после знакомства с гендерной идеологией или попадания под влияние сверстников, затронутых ею. По этим причинам кажется очевидным, что выжидание или использование какой-либо формы гендерно-подтверждающей психологической терапии для детей со значительной дискордантностью является более мудрым курсом для детей и молодежи.

Помимо подтверждающих данных, существуют также практические причины, указывающие на то, что подобного рода агрессивное химическое и хирургическое вмешательство является неосмотрительным шагом для взрослых, страдающих от гендерной дискордантности. На физическом уровне следует отметить, что эти процедуры не изменяют генетический пол человека и навсегда разрушают его или ее фертильность. Человек, совершивший полный переход, может выглядеть как представитель противоположного пола, но никогда не сможет вынашивать или зачинать детей так, как это делает он. Лица, прошедшие процедуры перехода, также испытывают снижение половой функции и чувствительности из-за косметической реконфигурации или реконструкции своих гениталий. Кроме того, эти люди остаются в конфликте с биохимией своего организма, поскольку им придется продолжать кросс-половую гормональную терапию до конца своей жизни.

С психологической точки зрения также есть множество причин для осторожности. В

частности, веские данные свидетельствуют о том, что агрессивные гормональные и хирургические процедуры перехода не улучшают показатели психического здоровья у людей, которые их проходят — даже в культурах, которые считаются дружественными к ЛГБТК+. Андерсон обобщает результаты исследования, проведенного в Каролинском институте и Гетеборгском университете в Швеции, одного из крупнейших и наиболее строгих академических исследований на сегодняшний день:

Частота психиатрических госпитализаций для послеоперационных транссексуалов была примерно в три раза выше, чем в контрольных группах, с поправкой на предшествующее психиатрическое лечение. Риск смертности от всех причин был значительно выше, как и уровень судимости. Попытки самоубийства происходили почти в пять раз чаще, а вероятность смерти в результате самоубийства была в *девятнадцать* раз выше — опять же с поправкой на предшествующие психические заболевания.

Подобные данные не дают оснований полагать, что эти процедуры являются путем к процветанию для тех, кто их проходит, — вопреки утверждениям сторонников гендерной идеологии. Существуют, однако, веские доказательства того, что гендерную дисфорию или дискордантность как у детей, так и у взрослых лучше лечить психологически, а не медикаментозно. С точки зрения многих врачей и психологов, гендерная дисфория сродни другим психологическим состояниям, таким как дисморфическое расстройство тела или анорексия. Это «расстройство предположений», как отмечает Пол МакХью. Точно так же, как человеку, страдающему анорексией, не стали бы назначать препараты, подавляющие аппетит, или липосакцию, ошибочно пытаться лечить гендерную дискордантность путем агрессивного химического и хирургического перекраивания тела человека. То, в чем человек действительно нуждается, — это помощь в принятии своего тела и осознании собственной ценности; этот факт становится очевидным, если прислушаться к историям тех, кто совершил «обратный переход» (де-транзишн), пытаясь исправить (насколько это возможно) вред, нанесенный их телам гормональным и хирургическим вмешательством. Особенно пугающим развитием событий является то, что некоторые правительства предпринимают шаги по криминализации процедур обратного перехода или терапии, направленной на то, чтобы помочь людям, борющимся с гендерной дисфорией, принять свое тело.

Эти процедуры также кажутся проблематичными, если принять во внимание природу и цели медицины, которые призывают врачей использовать свое мастерство для исцеления, а не для причинения вреда. Медицина существует не для того, чтобы просто удовлетворять желания людей — особенно когда это наносит им очевидный вред. Следовательно, католическое нравственное богословие и католические медицинские учреждения выступают против этой практики как формы неоправданного калечения здоровых тел, что не отвечает интересам пациента и несовместимо с достоинством личности или природой медицины. И, следовательно, католическое понимание целей медицины настаивает на том, что здравоохранение — это моральное, а не просто техническое предприятие. Хорошая медицина направлена на то, чтобы помочь людям процветать — физически и психологически. Поэтому она должна основываться на здоровом понимании человеческой личности и половых различий.

Пурпурные единороги, Час сказок с дрег-квин и Disney: Образование или индоктринация?

Биологию трудно преодолеть. Мы в полной мере осознали эту реальность, когда наши первые четверо детей (которые родились с разницей в семь лет) были маленькими. Сначала у нас родились две девочки, поэтому большинство наших игрушек, как правило, были предназначены для них. Мы с женой задавались вопросом, как это может повлиять на наших

сыновей. Ответ был получен, когда наши маленькие мальчики взяли кукол Барби своих сестер и начали сражаться ими, как на мечах.

Тот же самый урок был усвоен в национальном масштабе социальными инженерами системы детских садов в бывшем Советском Союзе и в израильских кибуцах. Их попытки коллективизировать воспитание детей и преодолеть половые различия путем воспитания детей в гендерно-нейтральной среде обернулись заметными провалами. Однако эти неудачи ничуть не смущают сторонников гендерной идеологии.

У сторонников гендерной идеологии есть вполне определенные взгляды на то, как следует воспитывать и обучать детей. В некоторых случаях родителей призывают не «приписывать пол» своим детям при рождении, а скорее позволить детям самим выбирать свой гендер. Эти «они-малыши» (*theybies*, от местоимения *they* — «они», вместо *babies* — младенцы) растут в условиях, когда их биологический пол и его значение от них в значительной степени скрыты. Им дают гендерно-нейтральные имена, а их родители делают все возможное, чтобы оградить их от любых вредных «гендерных стереотипов». Никакого розового или голубого — только бесконечные оттенки желтого или серого — даже на вечеринках по «узнаванию пола» (*gender reveal*) этих малышей (если бы они у них проводились). В таких случаях дети социализируются в условиях запутанной гендерной идентичности.

Активисты также разработали программы, якобы направленные на повышение осведомленности и принятие трансгендеров и тех, кто называет себя «гендер-квир», в образовательном контексте. Одним из ярких примеров был «гендерный пряничный человечек» (*the genderbread person*), который стремился научить детей тому, что «гендер» — это сложная корреляция чувств, создаваемых осознанием своего тела, самостоятельно выбранной гендерной идентичностью (находящейся в мозге), гендерным выражением, романтическим влечением и сексуальным влечением. Эта версия, однако, подверглась критике со стороны других активистов, поскольку форма «пряничного человечка» (*gingerbread man*) была сочтена слишком мужской, и в ней использовался язык «биологического пола», который критики считали проблематичным. В последней версии этот язык заменен на «анатомический пол» и «пол, приписанный при рождении». Но из-за этих предполагаемых проблем организация «Образовательные ресурсы для транс-студентов» (TSER) создала изображение «пурпурного единорога», чтобы доносить те же идеи до детей без каких-либо «проблематичных» ассоциаций с мужественностью или биологическим полом. Такие программы все чаще внедряются в учебные планы государственных школ.

Если эти программы помогают лучше понимать гендерно-дискордантных детей, уменьшать масштабы издевательств или насилия со стороны их сверстников и поощрять большую чуткость со стороны педагогов, такие результаты, безусловно, являются положительными. Однако кажется очевидным, что эти программы преследуют другие, более важные цели. Фактически, эти изображения и программы направлены на то, чтобы объяснить, почему гендер должен рассматриваться как нечто, находящееся преимущественно в мозге, а не в теле, и почему существует бесконечное множество гендеров, а не два. У маленьких детей это может послужить дестабилизации и вызвать сомнения в их собственном восприятии себя, своего тела и своего гендера. То есть они могут посеять гендерную путаницу там, где ее не было. Вышеупомянутый рост числа случаев «гендерной дисфории с быстрым началом» среди подростков и молодежи подтверждает такую возможность: влияние идеологии и групп сверстников может дестабилизировать ощущение себя мужчиной или женщиной, которое ранее не вызывало никаких проблем.

То же самое можно сказать и об инициативе «Час сказок с дрег-квин» (*drag queen story hour*), принятой многими местными школами, общественными центрами и публичными

библиотеками. В рамках этих мероприятий мужчины, переодетые в женщин (или «в дрэг»), приходят читать сказку (обычно о какой-либо форме сексуального разнообразия) группе детей. Прочитав самописание группы с их веб-сайта: «DQSH захватывает воображение и игру гендерной флюидности детства и дает детям гламурные, позитивные и беззастенчиво квинные образцы для подражания. В таких пространствах дети могут видеть людей, которые бросают вызов жестким гендерным ограничениям, и вообразить мир, в котором люди могут представлять себя так, как они хотят, где переодевание — это реальность». И снова, хотя официальной целью является продвижение терпимости и инклюзивности, а также предотвращение травли людей, которые выглядят иначе, здесь явно работает другая повестка — дать детям «беззастенчиво квинные образцы для подражания» и научить их «бросать вызов жестким гендерным ограничениям». К сожалению, это помогает детям принять понимание гендера как чего-то множественного, текучего и квинного, а не как находящегося в рамках какой-либо бинарной системы, связанной с телом или биологией. И те дети, посещающие такие мероприятия, которые не испытывали никаких трудностей с восприятием себя как девочки или мальчика, вполне могут начать думать иначе.

Компания *Walt Disney*, когда-то известная как бастион семейных развлечений, в наши дни также не стесняется индоктринировать нашу молодежь гендерной путаницей. В недавнем эпизоде шоу канала Disney Junior «Малыши-маппеты» (*Muppet Babies*) мужской персонаж Гонзо посетил бал в платье принцессы под именем «Гонзо-релла». Направленное на детей от четырех до семи лет, это послание в программе «Малыши-маппеты» является еще одним признаком того, что трансгендерная повестка получает все более громкий голос в средствах массовой информации, стремясь сделать своей мишенью наших детей.

Языковая полиция и контроль над языком

Смежным и еще более тревожным аспектом «Зазеркалья», сформированного гендерной идеологией, является превращение языка в оружие (*weaponization of language*). Сторонники гендерной идеологии настаивают на том, что люди, идентифицирующие себя как трансгендеры, имеют право выбирать, какие слова и местоимения можно использовать при обращении к ним — будь то местоимения, связанные с другим полом, местоимения множественного числа (такие как *they, their, them* — «они, их, им») для обращения к одному человеку или совершенно новый набор «небинарных» местоимений, таких как «*ze, sie, hir, co* и *ey*».

Эта просьба не всегда делается из вежливости — она все чаще предьявляется с силой политики, закона и под угрозой наказания. Люди, которые «мисгендерят» (неправильно указывают гендер) других, используя местоимения, отличные от тех, что выбрал человек, подвергаются не просто социальному остракизму, но, в некоторых случаях, и угрозе уголовного преследования. В октябре 2017 года в Калифорнии был принят закон, который грозит медицинским работникам тюремным заключением за «мисгендеринг» пожилых людей путем отказа от использования выбранных ими форм обращения. В Нью-Йорке те, кто сознательно «мисгендерит» других, могут быть оштрафованы на сумму до четверти миллиона долларов. В Скандинавии некоторые христиане сталкиваются с уголовным преследованием за формулирование традиционных христианских позиций в отношении однополых сексуальных отношений или защиту идеи о том, что существует только два пола, по обвинению в том, что такие взгляды «разжигают ненависть».

Другие люди, которые не подчиняются новой языковой ортодоксии, сформированной гендерной идеологией, сталкиваются с угрозами своему карьерному благополучию. Государственный университет Шони (*Shawnee State University*) в Огайо применил дисциплинарные взыскания к профессору философии Николасу Меривезеру, который

отказался использовать женские местоимения (такие как «она» или «мисс») в отношении студента-мужчины на его курсе, который идентифицировал себя как трансгендер. Под давлением руководства учреждения профессор предложил использовать имя или фамилию студента и обращаться ко всем остальным слушателям курса таким же образом; однако этот компромисс был отвергнут как студентом, так и университетом, который потребовал соблюдения выбранных студентом местоимений. Профессор посчитал, что это принуждение нарушает как его право на свободу слова, так и его христианские убеждения. После того как окружной суд вынес решение в пользу университета, профессор подал апелляцию в Апелляционный суд шестого округа США. Этот суд отменил решение окружного суда, но Меривезеру еще предстоит пройти определенный путь, прежде чем он юридически докажет, что его права были нарушены.

Это явление не ограничивается только государственными школами. Мне звонили бывшие студенты, которые сейчас преподают в католических университетах, и просили совета по поводу своих учеников, требующих обращаться к ним с использованием местоимений, не соответствующих их биологическому полу. Если эти преподаватели отказываются это делать, они, в некоторых случаях, подвергаются нападкам в университетской газете как «трансфобы». Эта агрессивная стратегия публичного шельмования, скорее всего, продолжит распространяться в католических и других частных школах.

Даже ранее публично заявленные прогрессивные позиции по таким вопросам, как права тех, кто называет себя геями, лесбиянками, бисексуалами, или поддержка «гей-браков», не делают человека неуязвимым для нападков или очернения, если он или она отклоняется от линии партии, поддерживаемой сторонниками гендерной идеологии. Обозреватель газеты *Denver Post* Джон Калдара был уволен за то, что во имя прозрачности утверждал: родители имеют право знать, что их дети изучают на уроках полового воспитания о множественных гендерах и проблемах здоровья трансгендеров. И это несмотря на его в целом «либеральные» взгляды на социальные вопросы, статьи в поддержку эвтаназии, гей-браков и прав трансгендеров. Прочитав собственное описание этой ситуации Калдарой и его в значительной степени либертарианские взгляды:

Похоже, последней каплей для моей колонки стала моя настойчивость в том, что существует только два пола, и мое разочарование тем фактом, что для того, чтобы быть инклюзивными по отношению к трансгендерам (даже это слово не разрешено), мы должны лишиться нашего права на свободу слова. Чтобы быть ясным: я решительно поддерживаю гей-браки, что разочаровало многих моих социально консервативных друзей. У меня есть друзья, родственники и сотрудники из ЛГБТ-сообщества. Меня не волнует, кто в какую уборную ходит, что вы носите или как себя идентифицируете. У людей из этого сообщества есть права, которые мы должны защищать. Но принуждать нас использовать неточные местоимения, заставлять нас учить наших детей, что существует более двух полов, называть того, кто явно является мужчиной в платье, ну, не мужчиной в платье — нарушает наше право на свободу слова.

Точно так же популярная писательница Дж. К. Роулинг, сама выступавшая в защиту женщин, людей, идентифицирующих себя как геи, лесбиянки, бисексуалы, и ратовавшая за безопасность тех, кто называет себя трансгендерами, подверглась шквалу нападков со стороны людей, обвинивших ее в «трансфобии» за насмешку над заголовком, содержащим слова «люди, которые менструируют». В некоторых кругах это принесло ей уничижительный ярлык «ТЭРФ» (TERF, Трансэкслюзивная радикальная феминистка). В своем последующем посте в блоге Роулинг объяснила, что она не хочет, чтобы с теми, кто идентифицирует себя как трансгендер, плохо обращались или причиняли им вред, и она верит, что переход может помочь некоторым людям. Тем не менее, она обеспокоена (среди прочего) растущим числом

молодых женщин, стремящихся к переходу, ростом гендерной дисфории с «быстрым началом» и (как человек, переживший сексуальное насилие и домогательства) безопасностью женщин, которые вынуждены делить общественные пространства (такие как туалеты и раздевалки) с биологическими мужчинами, идентифицирующими себя как женщины. Она также присоединила свой голос к группе преимущественно либеральных ученых, писателей и других общественных интеллектуалов, которые открыто заявили об опасности, которую представляет собой ограничение свободы слова в общественной жизни и дискуссиях.

Эти последние примеры привлекают внимание к одной из новых черт гендерной идеологии и другим компонентам современной интерсекциональной политики левых — тому, что некоторые называют «культурой отмены» (cancel culture). Она стала главным инструментом принуждения к соблюдению кодексов политически корректного использования языка. Эта практика включает в себя публичные нападки на тех, кто так или иначе расходится с новой политической ортодоксией, с целью их публичного опозоривания, бойкота и изгнания с публичных форумов или платформ социальных сетей. Это может повлиять на способность человека делиться продуктами или идеями, особенно по мере того, как технологические гиганты (Big Tech) и издатели предпринимают шаги по цензуре или устранению взглядов, бросающих вызов догматам гендерной идеологии. Это также может привести к увольнению человека с работы. Атака на человека, которого «отменяют», становится возможной благодаря технологиям, в частности социальным сетям. Цель и эффект этого явления — ограничить свободу слова через запугивание или страх стать жертвой электронной травли. Это делает «отмену» противоречащей идеалам классического понимания политики и либеральной демократии, такой как Соединенные Штаты.

Хотя политические левые чаще используют эту практику в данном вопросе, атаки культуры отмены воплощают собой форму интеллектуального фашизма. Как ярко иллюстрируют интриги на скотном дворе в романе Джорджа Оруэлла «Скотный двор» 1945 года, тоталитарные импульсы ультраправых и ультралевых в конечном итоге сходятся; крайности современной политики образуют не линию, а круг. И по иронии судьбы, искажения языка, продвигаемые гендерной идеологией при насаждении политической корректности, напоминают другой роман Оруэлла — антиутопическую классику «1984».

Упразднение мужчины и женщины

То, что в конечном итоге «отменяется» гендерной идеологией, — это человеческая природа — человеческая личность как совокупность сексуально дифференцированного тела и души. Гендерная идеология рассматривает тело не как видимое выражение личности — реальное проявление и окно в глубину личного субъекта, — а как поверхность или экран, на который проецируется самостоятельно сформулированная идентичность. Личная идентичность — это конструкт, который человек определяет и проецирует или разыгрывает. Тело должно быть приведено в соответствие с этой идентичностью. Само по себе тело не имеет внутреннего смысла. Его половые характеристики на самом деле могут подавлять желания и самовыражение человека, и поэтому могут и должны быть изменены. Антропология — или понимание человеческой личности, — вытекающая из этой перспективы, безошибочно дуалистична. Считается, что человеческая личность состоит из разума и воли. Следовательно, тело рассматривается как нечто излишнее для этого «я» или даже как помеха для него. Подобно многим дуализмам древнего мира, тело начинает рассматриваться как своего рода тюрьма, из которой нужно сбежать или, если это не удастся, по крайней мере переделать.

Не случайно книга Бытия связывает образ Божий с двойственностью «мужчины и женщины» (Быт.1:27). Половые различия ориентируют нас на общение друг с другом. Это одна из самых базовых и нередуцируемых положительных черт человеческого разнообразия, более глубокая,

чем расовые или этнические различия. Если мужчины и женщины с разными расовыми или этническими особенностями вступают в брак, физические различия между ними (например, цвет кожи или черты лица) смешаются в их детях. Но они по-прежнему будут производить потомство, которое само по себе будет мужского или женского пола. В сексуальном союзе мужчины и женщины в брачном завете мужчины и женщины способны принять дар нового человеческого существа, также созданного по образу Божию (см. Быт.1:28). Продолжение рода — это, как учил Папа Святой Иоанн Павел II, обновление тайны творения, когда Бог произвел человеческую жизнь на земле. В то же время христианское откровение показывает, что, поскольку Сам Бог есть вечное общение Лиц, наша способность к отношениям в ее половом измерении на самом деле отражает тайну Троицы.

В отличие от христианского богословия, которое возвышает отношенческое различие между мужчиной и женщиной, гендерная идеология стремится подорвать его — или даже устранить. Например, эта идеология угрожает особой защите женщин в общественной жизни. Критики недавнего решения Верховного суда по делу *Бостока* (Bostock) поспешили указать на то, что распространение защиты Раздела VII Закона о гражданских правах 1964 года на лиц, идентифицирующих себя как трансгендеры, представляет угрозу социальным и экономическим достижениям женщин в общественной жизни и даже безопасности женщин. Дженнифер Робак Морс осудила это постановление как конец женственности: «Решение Верховного суда по делу *Босток против округа Клейтон* стирает понятие женщины. Это конец присутствия женщин в спорте и права женщин на частную жизнь. Благодаря Сексуальным Революционерам в Суде наши законы откажутся отличать мужчин, которые говорят, что они женщины, от настоящих женщин». Эти опасения не являются просто попыткой отвлечь внимание. Биологические мужчины, идентифицирующие себя как трансгендеры, — даже если они прошли гормональный переход — имеют значительные конкурентные преимущества перед биологическими женщинами в спортивных соревнованиях. Аналогичным образом существуют проблемы конфиденциальности и безопасности для женщин, вынужденных делить общественные туалеты или раздевалки с биологическими мужчинами, идентифицирующими себя как трансгендеры, — проблемы, которые особенно остры для женщин, ранее становившихся жертвами сексуального насилия или домогательств со стороны мужчин. Также был зафиксирован ряд уголовных дел, в которых мужчины, совершающие сексуальные преступления, выдавали себя за трансгендерных женщин, чтобы получить доступ в помещения, предназначенные только для женщин, в общественных учреждениях. Указание на эти вполне реальные опасности не делает таких людей, как Робак Морс или Дж. К. Роулинг, «ТЭРФами» — это делает их реалистами, обеспокоенными защитой прав и безопасности женщин.

В еще более широком смысле гендерная идеология разрушает саму идею половых различий. Дэвид Кроуфорд и Майкл Хэнби утверждают, что решение по делу *Бостока* фактически отменяет оба пола — не только женский. Мнение большинства гласит, что как мужчина, идентифицирующий себя как женщину, так и биологическая женщина находятся в «аналогичном положении» по отношению к закону в целях запрещения дискриминации по признаку пола. Эта юридическая языковая игра скрывает более глубокое философское суждение: личная субъективность и идентичность связаны с телом лишь произвольно. Они отмечают последствия, вытекающие из этого суждения:

Невозможно переопределить человеческую природу только для одного человека. Когда от ученицы четвертого класса требуется подтвердить в мыслях, словах и поступках, что мальчик в ее классе теперь девочка, это не просто подтверждает право ее одноклассника на самовыражение. Это ставит под сомнение значение понятий «мальчик» и «девочка» как таковых, тем самым также ставя под сомнение как ее собственную «идентичность», так и идентичность всех в ее жизни, от ее матери и отца до ее братьев и сестер, и всех ее друзей и

родственников. Так и должно быть. Если каждый из нас определяется «гендерной идентичностью», лишь произвольно связанной с нашими мужскими и женскими телами, которые теперь низведены до бессмысленного биологического субстрата, то больше не существует такого понятия, как мужчина или женщина. Теперь мы все трансгендеры, даже если пол и «гендерная идентичность» случайно совпадают в подавляющем большинстве случаев.

Как следствие этого решения, с точки зрения закона, тело и его половые характеристики не имеют значения при определении личной идентичности. Это справедливо для всех людей, а не только для тех, кто называет себя трансгендером. Реализация и применение этого решения в масштабах всего общества не может не носить тоталитарный характер.

В Соединенных Штатах реализацию этого тоталитарного импульса на федеральном уровне можно наблюдать в «Законе о равенстве» (Equality Act, H.R. 5), который Палата представителей США приняла 25 февраля 2021 года. Этот закон, если он будет подписан, федерализует многие агрессивные черты гендерной идеологии, упомянутые здесь: принуждение к определенному использованию языка; подрыв защиты женщин в общественных пространствах, на рабочем месте и в спорте; создание угрозы свободе вероисповедания для групп и учреждений; подрыв прав родителей на воспитание своих детей; и принуждение медицинских работников к проведению процедур перехода вопреки их медицинским возражениям или возражениям по совести.

Растворение человеческой природы и половых различий, содержащееся в решении по делу *Бостока* и «Законе о равенстве», указывает на более глубокое разобщение языка и реальности.

Вавилонский эффект

История о Вавилонской башне в 11-й главе Бытия в некотором роде является повторением истории о первом человеческом грехе в 3-й главе Бытия, но в социальном масштабе. Несмотря на хаос, описанный в предыдущих главах, начало этой главы звучит на идиллической ноте: «На всей земле был один язык и одно наречие» (Быт.11:1). И вновь самонадеянность человечества привела к его падению. Однако, вместо того чтобы преступить границы по наущению змея, который обещал человеческой паре, что плод сделает их «как боги, знающие добро и зло» (Быт.3:5), на этот раз побуждение к гордыне, похоже, исходит изнутри: «построим себе город и башню, высотой до небес» (Быт.11:4). Подразумевается, что эта башня поставит людей на один уровень с Богом.

Ряд особенностей этой истории связывает место этого непродуманного строительного проекта с Вавилоном, сверхдержавой шестого века до н. э., которая разрушила Иерусалим и его Храм и депортировала большую часть населения Иудеи. Люди поселяются в «земле Сеннаар» (Быт.11:2) — это еще одно название территории древнего Вавилона. Еврейская фраза, описывающая это сооружение, *ūmiḡdāl wərošōw baššāmayim* («башня, высотой до небес»), напоминает о главном храме вавилонского бога-воина Мардука. Храм назывался Эсагила (что означает «дом, высоко поднимающий свою голову»). Этот храм возвышался на зиккурате, который представлял собой башню, состоящую из сужающихся кверху ярусов. Название, которое было дано этому месту после вмешательства Бога, — Вавилон (Бавел) (см. Быт.11:9) — было еврейским названием Вавилона. Само это название содержит ноту насмешки, потому что, хотя вавилоняне понимали название своего города (*Babili*) как указывающее на «врата бога», оно звучит похоже на еврейское *balal* («он смешал»). Короче говоря, ясно, что история о Вавилонской башне связана с Вавилоном, и поэтому великий город и могущественный народ символизируют человеческую путаницу и провал человеческой самонадеянности.

Эта история является поучительной притчей о том, как человеческая гордыня и попытки узурпировать место Бога могут привести к катастрофе в глобальном масштабе. Даже самые могущественные нации не имеют иммунитета, и их статус делает их особенно подверженными человеческой гордыне. Как и в 3-й главе Бытия, последствиями греха являются разделение людей друг с другом и с Богом. В данном случае, однако, есть и дополнительные последствия. Люди рассеиваются «по всей земле» (Быт.11:8), и их язык смешивается.

Стоит поразмыслить над этой историей в свете нашего современного умножения гендеров и слов Папы Бенедикта об утрате понимания себя как творений, процитированных в предыдущей главе. Вспомните слова Папы Бенедикта: «Человек ставит под сомнение свою природу... Мужчина и женщина в их сотворенном состоянии как взаимодополняющие версии того, что значит быть человеком, оспариваются». Когда мы теряем осознание себя как творений, являющихся возлюбленным произведением любящего Творца, нас легко одолевает своего рода протеевская гордыня, которую мы видим в народах мира, описанных в истории Вавилона. Мы отрицаем свою собственную человеческую природу и ее ограничения. Мы тянемся к небесам, чтобы переделать себя, и, поступая так, все глубже погружаемся в путаницу и отчуждение от нашего Творца и наших ближних. К сожалению, признаки гендерной идеологии очевидны во всем нашем нынешнем, запутавшемся мире: использование образовательных программ для индоктринации детей, идеологическая колонизация права, реконфигурация семьи и увод медицины в сторону от ее исторических целей и этической основы.

Я хочу, однако, сосредоточить внимание и подчеркнуть здесь еще один эффект — отрыв языка от реальности в противовес взаимосвязи между ними. Философы говорят о двух основных способах понимания нашего использования языка по отношению к окружающему нас миру — реализме и номинализме. Позиция реализма утверждает, что подобные вещи (вещи общего вида) обладают природой или сущностью, которая объединяет их в пределах этой группы вещей. Например, отдельные деревья обладают определенной природой или сущностью, которая соответствует природе других деревьев и делает каждое отдельное дерево деревом. То же самое относится и к человеческим существам. Реалист также утверждает, что наше использование языка отображает эту реальность: когда мы используем универсальное понятие, такое как «дерево» или «человеческое существо», оно соответствует действительной природе или сущности дерева или человека. Номиналисты, с другой стороны, считают, что в вещах нет общих природ или сущностей, и, следовательно, универсальные понятия не соответствуют действительной природе вещей. Для умеренных номиналистов (также называемых концептуалистами) эти универсальные понятия существуют только в человеческом разуме как способ организации вещей, которые кажутся похожими. Таким образом, «дерево» — это организующий конструкт, который существует только в человеческом разуме. Для более радикальных номиналистов реальность сугубо индивидуальна — в реальности нет объединяющих паттернов, ни в бытии, ни в языке. Таким образом, соответствие между языком и реальностью в конечном счете произвольно. С этой точки зрения слово «дерево» не имеет реального соответствия ни с чем в окружающем нас мире или даже в наших умах.

Отказ от нашего собственного статуса творений, укорененных в сексуально дифференцированном теле, созданном нашим Творцом, отрывает нас как от реальности нашей собственной идентичности, так и от того способа, которым язык может достоверно отражать реальность в целом. Наше общество все чаще принимает радикальный номиналистский взгляд на гендер, и поэтому такие слова, как «гендер», «мужчина» или «женщина», не имеют реальной связи с окружающим нас миром. Результатом этого является распространение гендеров, слов для их описания и местоимений для фиксации растущего множества самостоятельно сформулированных идентичностей. Наше послевавилонское распространение гендеров является симптомом фундаментальной потери уверенности в правдивости слов для

передачи реальности, которую мы не создавали. Гендерная идеология отвергает как веру реалиста в реальность, где вещи имеют общую природу или сущность, так и веру в способность языка соответствовать этой реальности. Подобно Шалтаю-Болтаю, мы стремимся стать хозяевами в «Зазеркалье», подчиняя слова нашему собственному личному волевому акту. Но, как напоминает нам история о Вавилонской башне, любая попытка уподобиться Богу приведет лишь к хаосу. И этот хаос невозможно обратить вспять индивидуальной волей к власти — даже многократно помноженной в масштабах всей культуры. Требуется Пятидесятница — ниспослание Святого Духа, свидетельствующего об истине евангельского послания, — чтобы начать преодолевать фрагментацию и отчуждение, высвобожденные человеческой гордыней и грехом.

В следующей главе мы продолжим раскрывать мысли Папы Бенедикта о том, как мы отклонились от нашей идентичности, рассмотрев разрыв между гендером и полом, вызванный современной философией и феминизмом второй волны.

Глава 3. Порождая дискуссию: философские корни

Два зла сделал народ Мой: Меня, источник воды живой, оставили, и высекли себе водоемы разбитые, которые не могут держать воды. — Иеремия 2:13

Конечной целью феминистской революции должно быть... не просто устранение мужских привилегий, но самого различия полов: генитальные различия между людьми больше не будут иметь культурного значения. — Шуламит Файерстоун, *«Диалектика пола: Обоснование феминистской революции»*

Если неизменный характер пола оспаривается, возможно, этот конструкт, называемый «полом», так же культурно сконструирован, как и гендер; действительно, возможно, он всегда уже был гендером, вследствие чего различие между полом и гендером оказывается вообще не различием. — Джудит Батлер, *«Гендерное беспокойство: феминизм и подрыв идентичности»*

Около тридцати лет назад мы сидели за обеденным столом на семейном обеде. В то время у нас было трое детей: шести лет, трех лет и около шести месяцев. Наша трехлетняя дочь Бека оглядела комнату и решила (как это делают трехлетние дети) идентифицировать всех присутствующих по их гендеру. «Папа — мальчик, мама — девочка, Рэйчел — девочка, Пол — мальчик», — заявила она. Ее старшая сестра Рэйчел решила придать разговору теологический оборот и одновременно устроить допрос младшей сестре: «А как же Иисус?» Трехлетняя ответила: «Иисус — это Иисус». Шестилетняя сестра поправила ее: «Нет, Иисус — мальчик». Трехлетняя девочка не сдавалась: «Иисус — это Иисус». Старшая сестра в раздражении повторила: «Нет, Иисус — мальчик». Как я позже рассказывал своим студентам, только что закончив диссертацию о половых различиях, я был поражен, обнаружив за нашим семейным обеденным столом нечто, звучащее как протофеминистская теология.

Как и в случае с термином «гендер», который обсуждался в предыдущей главе, феминизм тоже не так давно имел совершенно иное значение. То, что историки часто называют «первой волной» феминизма, возникшей в восемнадцатом и девятнадцатом веках и достигшей своего пика в начале двадцатого века, имело смешанную родословную, но в значительной степени позитивную направленность. Он черпал вдохновение из языка прав человека эпохи Просвещения, из социалистической мысли и политики, а также из евангельского христианства. Участие американских и британских женщин в движениях религиозного пробуждения породило женский общественный активизм, что в конечном итоге привело к их усилиям по отмене рабства, а также к продвижению кампаний за общественную чистоту и движению за трезвость. Но усилия этих активисток по осуществлению социальных и

политических изменений наталкивались на препятствия, потому что они не имели права голоса, что позволяло политикам-мужчинам не воспринимать их всерьез. Таким образом, движение объединилось вокруг борьбы за женское избирательное право, и значительная часть его импульса угасла, когда это право было предоставлено многими западными странами в начале двадцатого века. Менее известен тот факт, что большинство феминисток «первой волны» были убежденными сторонницами права на жизнь (pro-life), материнства и половых различий. Как отмечает Эрика Бачиоки: «Американские пионеры феминизма, такие как Сьюзен Б. Энтони и Элизабет Кэди Стэнтон, боролись за право голоса и за справедливое отношение на рабочем месте. Американские пионеры феминизма единодушно выступали против аборт, поскольку видели в них нападение на женщин *именно как на женщин*, уникально наделенных способностью вынашивать детей».

Если феминизм когда-то имел такие благородные устремления и убеждения относительно состояния человека, особенно уникальных даров женщин и благости половых различий, то почему произошли изменения? История сложна. Часть ее будет обрисована в этой главе, а часть — в следующей.

Распад природы, бытия и пола

Папа Бенедикт XVI прослеживает истоки гендерной идеологии до работ Симоны де Бовуар. Бовуар была коллегой, соавтором и возлюбленной философа-экзистенциалиста двадцатого века Жана-Поля Сартра, и она способствовала доработке и распространению его идей, а также перенесла их в феминистский контекст в своих собственных трудах.

Для Сартра «существование предшествует сущности». В отличие от таких философов, как Аристотель, не существует человеческой природы, которую человек актуализирует и которая является основой его процветания. Мы сами должны формировать нашу собственную идентичность и наше самоопределение в процессе существования, чтобы ответить на вопрос, что значит быть человеком. Но в конечном итоге это невозможно, потому что человеческое существование открыто — это вопрос, отказывающийся от ответа. В любом случае, конечной основой утверждения Сартра является теология: «Не существует человеческой природы, поскольку нет Бога, который мог бы ее замыслить». Вселенная лишена любящего Творца и, следовательно, лишена смысла. Поэтому человеческое существование характеризуется абсурдностью и своего рода безнадежностью, поскольку для человеческой свободы нет общего *телоса* (цели). Можно стремиться к подлинности (аутентичности) — быть верным себе, как бы это ни понималось, — но в этом нельзя найти никакого высшего смысла или удовлетворения. Неудивительно, что такие католические мыслители, как Йозеф Пипер, использовали Сартра в качестве партнера по диалогу, поскольку он предлагает последовательную атеистическую философию, основанную на отказе от богословия творения.

Бовуар перенесла этот же философский взгляд в феминистский контекст в своей книге «*Второй пол*». Она дает женщинам это название из-за того, что она рассматривает как их вечный статус «другого» и «второстепенного» в классической мысли — женщина определяется отсутствием у нее мужских (и, следовательно, человеческих) качеств у Аристотеля и является «несовершенным» или «случайным» существом у св. Фомы Аквинского. Для Бовуар эта воспринимаемая инаковость была основой подчинения и угнетения женщин мужчинами на протяжении всей истории. Экзистенциалистская аксиома о том, что существование предшествует сущности, теперь переформулируется в резком различии гендера и пола, отмеченном Папой Бенедиктом XVI: «Женщиной не рождаются, ею становятся». Социальное конструирование гендера также указывает путь к освобождению женщин от угнетения. Как конструкт, гендерные нормы могут быть отброшены или реконструированы на более эгалитарных условиях. Они не имеют основы ни в биологии, ни в человеческой природе —

первая является сырьем для человеческой свободы, а вторая просто не существует.

Эти экзистенциалистские предпосылки оставили глубокий след в интеллектуальном формулировании феминизма второй волны, который сформировался в движении за освобождение женщин 1960-х и 70-х годов, и даже проникли в зарождающуюся область феминистской теологии. Многие феминистские мыслители рассматривали пол в основном как результат социализации и культуры. Для этих мыслителей-«конструктивистов» пол и гендер — разные реальности. Пол (sex) относится к анатомическим и биологическим различиям между мужчинами и женщинами. Гендер (gender) — это социально сконструированный *смысл* этих различий в отношении ролей или качеств, обычно приписываемых одному или другому полу.

Поскольку эти мыслители хотели подчеркнуть и защитить социальное и политическое равенство между женщинами и мужчинами, они часто преуменьшали различия и подчеркивали сходство или даже взаимозаменяемость полов. Поэтому все, что выходило за рамки биологических различий, необходимых для сексуального размножения, было отнесено к сфере «гендера» — социального конструкта, созданного для поддержания подчинения женщин мужчинам. Так, католический феминистский теолог Розмари Рэдфорд Рютер могла написать: «Мужественность и женственность существуют как специализация репродуктивных ролей. Не существует необходимой (биологической) связи между репродуктивной взаимодополняемостью и психологической или социальной дифференциацией ролей. Это плоды культуры и социализации, а не “природы”».

Однако, как отмечалось выше, в основе современного экзистенциализма лежит отказ от теологии творения и соответствующей идеи человеческой природы, являющейся основой процветания и идентичности личности. Человек больше не актуализирует то, чем он является как человек, а становится тем, что он выбирает. Это объясняет открытость многих феминистских мыслителей к различным формам философии процесса и постмодернистской мысли.

Имея некоторые корни в немецком идеализме девятнадцатого века, философия процесса впервые была полностью сформулирована в работах британского математика двадцатого века, ставшего философом, Альфреда Норта Уайтхеда. Опираясь в значительной степени на эволюционный взгляд на мир, порожденный трудами Чарльза Дарвина, Уайтхед отверг классические концепции не только природы, но и самого бытия. Вместо этого все понимается как процесс — как становление. Это касается не только материального мира, но и Бога. Таким образом, Бог сливается с творением в форме пантеизма. В руках таких феминистских теологов, как Рютер, этот процессуальный взгляд растворяет различие между Богом и творением в экологически взаимозависимой вселенной, в которой «Бог/Богиня» (God/dess) прогрессивно реализует себя. Ее «экофеминизм» также приводит к отрицанию христианских идей о бессмертии души и воскресении тела. Индивидуальные сгустки энергии умерших людей просто поглощаются коллективной личностью Бога/Богини, которая служит космической памятью о существовавших людях. По мере того как человеческие тела распадаются в земле, «наше существование как индивидуального эго/организма прекращается и растворяется обратно в космической матрице материи/энергии, из которой возникают новые центры индивидуации». Такая откровенно языческая теология имеет мало общего с основными концепциями христианской веры.

Этот отказ от классических концепций Бога и творения проложил путь к еще более полному распаду понимания бытия в постмодернистском повороте, принятом многими последующими учеными-феминистками. Постмодернистская мысль выступает не только против традиционных концепций классической философии, таких как природа или бытие, но и против более современных (эпохи Просвещения) утверждений, которые обосновывают истину с помощью

универсальной рациональности или научного объяснения реальности. Мыслители-постмодернисты отвергают эти претензии на «фундаментальность», утверждая, что эти объяснения разума или науки являются конструктами, которые в конечном итоге маскируют отношения власти. Сами логика, разум и истина ставятся под сомнение и в конечном итоге рассматриваются как конструкты или утверждения групп, находящихся у власти. Не существует универсальных истин или объективных моральных ценностей, а утверждения об обратном сами могут быть деконструированы.

Что касается половых различий, то, следовательно, не только человеческая природа, но и сама гендерная бинарность может быть деконструирована. Для феминистского философа-постмодерниста Джудит Батлер не только «гендер» является конструктом, но и «пол» — индивид в рамках определенного культурного контекста исполняет (перформирует) и то, и другое. Так, она пишет: «Возможно, этот конструкт, называемый “полом”, так же культурно сконструирован, как и гендер; действительно, возможно, он всегда уже был гендером, вследствие чего различие между полом и гендером оказывается вообще не различием». И тело, и пол «производятся» индивидом в определенных властных отношениях:

Тело не имеет «пола» в каком-либо существенном смысле до его определения в рамках дискурса, посредством которого оно наделяется «идеей» естественного или сущностного пола. Тело обретает смысл в дискурсе только в контексте властных отношений. Сексуальность — это исторически специфическая организация власти, дискурса, тел и аффективности. Как таковая, сексуальность понимается Фуко как производящая «пол» как искусственный концепт, который эффективно расширяет и маскирует отношения власти, ответственные за его возникновение.

Здесь мы имеем философскую основу для изменчивости телесной идентичности и распространения гендеров, описанных в прошлой главе. В теле, гендере или поле нет никакой заданности. Они могут означать все, что человек выберет для них в рамках своего собственного сознания и социального контекста — все, что он или она исполняет как личность или «пишет» как гендерную идентичность. Сексуально дифференцированный человек теперь сводится к дохристианской *персоне* (*persona*) — маске или роли в спектакле.

Поразительное «знамение времени» — наблюдать за упомянутым в прошлой главе растущим разрывом между более стандартными феминистками второй волны, все еще стремящимися к эгалитарному видению гендерной справедливости, и теми представительницами последующих волн, кто находится под влиянием постмодернистской мысли и квир-теории. Первые обеспокоены последствиями таких явлений, как участие биологических мужчин, идентифицирующих себя как женщины, в женских спортивных соревнованиях, тогда как вторые отмахиваются от подобных опасений как от «трансфобных». Посеяв экзистенциалистский и постмодернистский ветер, современный феминизм теперь столкнулся с трансгендерной бурей, которой он сам помог появиться на свет.

Марксистское видение гендерного освобождения

Использование Бовуар экзистенциалистской философии не было предназначено лишь для диагностики — оно должно было выявить источники угнетения женщин, чтобы сделать возможным их освобождение. И она, и Сартр свободно черпали идеи из трудов Карла Маркса, чью мысль и политику они рассматривали как ресурс для улучшения человеческого состояния.

Маркс имеет много общего с некоторыми из только что рассмотренных современных философских течений. Подобно экзистенциализму, марксизм формулирует атеистический взгляд на вселенную, который отвергает концепции, встречающиеся в Священном Писании и классической философии, такие как природа или бытие. Подобно постмодернистской мысли,

он избегает идеи истины или универсальных моральных ценностей и сосредотачивается на властных отношениях, из которых возникают такие концепции. Подобно философии процесса, он уходит корнями в идеалистическую философию Г. В. Ф. Гегеля, но рассматривает развертывание истории в материалистических и экономических, а не идеалистических терминах. Неудивительно, что экзистенциалистские или постмодернистские мыслители часто имплицитно или эксплицитно являются марксистами в своих политических взглядах. Марксистский социальный анализ и акцент на практике (т. е. практическом действии) рассматриваются как важные инструменты для осуществления изменений в конкретных культурах.

Феминизм второй волны находился под сильным влиянием марксистского взгляда на брак, семью и даже половые различия как на инструменты угнетения женщин. В своем «Коммунистическом манифесте» 1848 года Маркс и его соратник Фридрих Энгельс призывают к уничтожению семьи:

Уничтожение [*Aufhebung*] семьи! Даже самые крайние радикалы возмущаются этим гнусным намерением коммунистов... На чем основана современная, буржуазная семья? На капитале, на частной наживе. В совершенно развитом виде она существует только для буржуазии; но она находит свое дополнение в вынужденной бессемейности пролетариев и в публичной проституции.

С этой точки зрения, семья является агентом капитализма и служит поддержанию иерархического статуса буржуазии (или правящих классов). Как только эта система и класс будут свергнуты, семья исчезнет вместе с ними. В этой деспотичной системе «буржуа смотрит на свою жену как на простое орудие производства». Супружеская верность или моногамия — это иллюзия из-за существования проституции и широко распространенного прелюбодеяния среди правящих классов. Из этого следует, что работа по подрыву или свержению семьи — это способ ускорить крах репрессивной капиталистической системы. В своей книге 1884 года «Происхождение семьи...» (опубликованной через год после смерти Маркса, но написанной с его участием) Энгельс изложил план претворения этой стратегии в жизнь, призывая к прекращению моногамного брака, поощрению внебрачного секса для незамужних женщин, прекращению религиозного образования, отправке женщин на работу на фабрики, переводу детей в детские сады и замене государством родителей в воспитании и обучении детей.

Эта программа очень похожа на сценарий, которому следовали сторонники не только коммунизма советского образца, но также архитекторы и проповедники Сексуальной революции на Западе. Цели и последствия этого культурного сдвига будут более подробно рассмотрены в следующей главе, но здесь стоит отметить влияние марксизма на феминизм второй волны. Многие из его лидеров и мыслителей находились под влиянием марксистских идей, будь то через знакомство с собственными трудами Маркса или через их интеллектуальное распространение такими группами, как Франкфуртская школа.

Другие отмечают, что, по крайней мере в самом начале, феминизм второй волны разделял изрядную долю преемственности с целями и идеалами первой волны. Но, в то время как то движение объединилось вокруг достижения политического голоса для женщин и потому угасло с получением избирательного права во многих западных странах в начале двадцатого века, движение, начавшееся в 1960-х годах, изначально нацелилось на достижение большего экономического равенства для женщин. Сексуальная революция, набиравшая обороты с развитием оральной контрацепции, была отдельным явлением. Как пишет Сью Эллен Браудер в своей книге «Ниспровергнутые» (*Subverted*): «Вначале женское движение и сексуальная революция были совершенно разными культурными феноменами». Далее в книге от первого лица рассказывается о том, как это изменилось. Лидеры движения за освобождение женщин

убедились, что ключ к достижению экономического и социального равенства с мужчинами лежит исключительно в подавлении специфической женской фертильности посредством масштабного применения контрацепции и абортов. Женщины могли быть равны мужчинам только в том случае, если они были освобождены от оков своей фертильности, от беременности, от родов и от связывающего их брака. Это представляет собой поворот на 180 градусов от позиции, которой придерживалось большинство пионерок феминизма первой волны. План Маркса и Энгельса по освобождению от института семьи явно сформировал этих феминистских лидеров.

Марксистские идеи пропитали литературу Сексуальной революции. Пример полномасштабного феминистского видения женского освобождения очевиден во влиятельной книге Шуламит Файерстоун 1970 года «Диалектика пола». Анализ Файерстоун угнетения женщин и путей его преодоления опирается на план действий, выдвинутый Марксом и Энгельсом, но использует технологии, чтобы пойти дальше:

Точно так же, как обеспечение ликвидации экономических классов требует восстания низшего класса (пролетариата) и, в условиях временной диктатуры, захвата им средств производства, так и обеспечение ликвидации половых классов требует восстания низшего класса (женщин) и захвата контроля над воспроизводством: не только полного возвращения женщинам права собственности на их собственные тела, но и захвата ими контроля над человеческой фертильностью — новой популяционной биологией, а также над всеми социальными институтами вынашивания и воспитания детей... Конечной целью феминистской революции, в отличие от первого феминистского движения, должно быть не просто устранение мужских привилегий, но самого различия полов: генитальные различия между людьми больше не будут иметь культурного значения.

Анализ деспотичных структур Маркса здесь больше не ограничивается классом, но распространяется на пол как причину угнетения женщин от рук патриархального общества. Контрацепция, аборты и появляющиеся формы лабораторного размножения хранили ключи к их освобождению. Революционная программа Файерстоун призывала к замене беременности вынашиванием детей в искусственных матках, чтобы женщины были в равном положении с мужчинами, и к упразднению нуклеарной семьи путем коллективизированного воспитания детей. Результатом стала бы отмена какого-либо значения, придаваемого половым различиям, по крайней мере в отношении социальной и политической практики. Предпосылка этой марксистской феминистской программы ясна: само по себе половое различие несправедливо и должно быть преодолено настолько это возможно.

В то время как влияние марксизма отступило во многих частях мира, его влияние на Западе, похоже, растет. Однако умы и воображение многих людей захватил не столько его анализ экономического отчуждения, сколько анализ других форм отчуждения, вызванных различиями расы, пола или гендера, породив то, что некоторые называют «воук»-культурой (woke culture) политического активизма.

Разбитые водоемы, отравленные колодцы

Зачем так глубоко спускаться в кроличью нору в поисках некоторых интеллектуальных источников гендерной идеологии? Одна из причин заключается в том, что мы тем самым следуем по пути, указанному Папой Бенедиктом XVI в его диагнозе происхождения этого феномена. Другая причина заключается в том, что эти интеллектуальные течения все еще пронизывают нашу культуру и гендерную идеологию, формируя то, как люди видят себя и мир вокруг них. Они продолжают влиять на то, как многие люди думают о теле, половых различиях и браке. Прослеживание их до источника помогает нам лучше понять, почему эти воды горьки

и почему они не приносят удовлетворения тем, кто из них пьет.

В шестом веке до н. э., в рамках судебной тяжбы по завету (*ritb*), возбужденной пророком от имени Бога, Иеремия обвинил своих соотечественников в Иудее в двойном грехе: они оставили Бога, который один является «источником воды живой», и высекли себе «водоемы разбитые, которые не могут держать воды» (Иер 2:13). Здесь Иеремия имеет в виду отказ народа от завета с единым истинным Богом ради поклонения идолам. Только Бог может предложить Своему народу «живые воды» жизни и мира. Усилия народа найти безопасность в союзах с другими народами и их богами (см. 2:18) тщетны, как попытки использовать «разбитые водоемы» для сбора дождевой воды. Результат будет катастрофическим (см. 2:15) — страдания от завоевания и изгнания.

Эта мрачная картина повторяется в нашей собственной культурной ситуации. Гендерная идеология явно отвергает наш статус творений и сотворцов с Богом, поскольку наша природа включает в себя сексуально дифференцированные тела, способные передавать жизнь через союз мужчины и женщины в брачном завете. Отбросив эту реальность как ложную и репрессивную, эта идеология ищет альтернативные объяснения, полностью основанные на светских течениях современной мысли. Во вселенной, лишенной бесконечно могущественного и любящего Бога, гендерная идеология формирует свои ответы на вопрос о том, что значит быть человеком, без ссылки на такие категории, как природа, бытие или истина. Не существует трансцендентных моральных ценностей — есть только борьба за справедливость, понимаемую как одинаковость, к которой следует стремиться революционными средствами. Тело, пол и брак должны быть переосмыслены и реконфигурированы постольку, поскольку они способствуют угнетению индивидов или групп. Тем не менее, эти размышления различных атеистических гуманизмов современности являются не чем иным, как нашими современными «разбитыми водоемами», неспособными удержать воды животворящей истины.

В четвертой главе Евангелия от Иоанна мы снова встречаем упоминание о «живой воде» (ст. 10). На этот раз ее предлагает Иисус самарянке — женщине, которую иудейские лидеры времен Иисуса считали ритуально нечистой из-за ее статуса женщины, а также как человека, запятнанного нечистой кровью и поклонением. Более того, это человек, глубоко израненный в своих сексуальных отношениях: у нее было пять мужей, и сейчас она живет с мужчиной вне брака (см. Ин.4:18). Как часто бывает в Евангелии от Иоанна, она неправильно понимает слова Иисуса и смысл Его предложения, думая, что Он имел в виду «проточную воду» в противовес стоячей воде в колодце Иакова. Она воспринимает Его слова как относящиеся к физической жизни (*bios*), а не к полноте жизни (*zōé*), которую предлагает ей Иисус, новый и величайший Иаков. Эта вода — вода Святого Духа, ставшая доступной через растерзание тела Иисуса (нового и величайшего Храма) на Кресте. Будучи «вознесенным» на Кресте (см. Ин.12:32), Иисус становится Новым Адамом, в Котором воссоздается человечество:

Открытое ребро нового Адама повторяет тайну «открытого ребра» человека при творении: это начало новой окончательной общности людей друг с другом, общности, символизируемой здесь кровью и водой, в которой Иоанн указывает на основные христианские таинства крещения и Евхаристии, а через них на Церковь как на знак новой общности людей.

Самарянка из 4-й главы Евангелия от Иоанна представляет собой прообраз нашей культуры и многих живущих в ней людей, которых затронула растущая гендерная путаница. Наши усилия по созданию идентичности и счастья в отрыве от Того, Кто сотворил нас и мир, в котором мы живем, оставляют нас лишь опустошенными и изолированными. И все же наши философские категории для артикуляции этого самоопределения — это «разбитые водоемы», которые не держат воду или, в лучшем случае, предлагают воду, не дающую жизни. Определение того, что значит быть человеком, перформирование идентичности или стремление к этому мирскому

освобождению через справедливость, понимаемую как одинаковость, глубоко отличаются от признания нашего существования, наших тел и наших половых различий как даров от Бога и как неотъемлемой части Его замысла для нас. Подобно женщине у колодца, нам необходимо встретить Того, Кто предлагает нам исцеление жизнью и истиной — Того, Кто один является источником «живой воды», которой мы жаждем.

Глава 4. Три революции

«В содоме ли красота? Верь, что в содоме-то она и сидит для огромного большинства людей, — знал ты эту тайну или нет? Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей». — Федор Достоевский, «*Братья Карамазовы*»

Вы говорите, вам нужна революция; Что ж, вы знаете; Мы все хотим изменить мир. — The Beatles, «*Revolution*»

Я сниму шляпу перед новой конституцией; Поклонюсь новой революции; Улыбнусь переменам вокруг; Возьму гитару и буду играть; Совсем как вчера; А потом встану на колени и буду молиться; Чтобы нас снова не одурачили. — The Who, «*Won't Get Fooled Again*»

И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет. И я, Иоанн, увидел святой город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего. — Откровение 21:1-2

Священное Писание начинается и заканчивается свадьбой. Во 2-й главе Книги Бытия мужчина (*'ādām*) связывает себя с женщиной, которую Бог сотворил для него, брачным заветом. Его заветное заявление записано в стихе 23: «Вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться женою, ибо взята от мужа». Выражение «кость и плоть» используется в Писании и в других местах для обозначения верности завету, охватывая как возможность силы или мощи (символизируемую ссылкой на «кость»), так и слабости (символизируемую словом «плоть»). Но завет между этой первой человеческой парой возможен потому, что они — женщина (*'iššāh*) и мужчина (*iš*). Только будучи таковыми, они могут получить благословение плодovitости, посредством которого они осуществляют владычество над творением как созданные по образу Божьему (см. Быт 1:28).

В 21-й главе Откровения нам представлено видение окончательного преображения мира в конце времен. «Новое небо и новая земля», которые Бог творит заново, описываются в брачных терминах. Исчезновение моря представляет собой окончательную победу над силами хаоса и зла, начатую в акте сотворения Богом всего сущего Его Словом (см. Быт.2:2). Как и в Ветхом Завете, город Иерусалим используется как символ Божьего народа завета. Однако это «новый Иерусалим», собрание всех искупленных из народов. Именно этот искупленный народ украшен как невеста, что отождествляет его с невестой победоносного Агнца, упоминаемой в других местах книги (см. Откр.21:9; см. также 19:7-9; 22:17). Опять же, как и в Ветхом Завете, брак используется как символ восстановления (см. Ис.54:1; 62:1-7; Соф.3:14-18). Тем не менее, здесь речь идет не просто о возвращении народа Израиля на свою землю после вавилонского плена. Хотя на момент написания книги Откровения город Иерусалим и его Храм снова лежат в руинах, великое множество искупленных перед Божьим престолом образуют не только израильтяне, но и люди «из всех племен и колен, и народов и языков» (Откр.7:9). Рассеяние и разделение, вызванные человеческим грехом, начавшиеся в Эдемском саду и продолжившиеся в Вавилоне, будут окончательно преодолены через кровь Агнца.

Такое обрамление Священного Писания свадьбами служит конкретизации важности брака в

Божьем плане для человечества и для Церкви. Но у нас есть и другое свидетельство — менее весомое, но более недавнее, — подтверждающее эту важность. Отец Карло Каффарра, итальянский священник, ставший первым президентом Папского института Иоанна Павла II по изучению брака и семьи, написал сестре Люсии (одной из фатимских визионерок) в 1984 году, прося ее молить о только что созданном институте. Он был удивлен, получив от монахини ответ на свою просьбу. В своем ответе сестра Люсия писала:

«Отец, придет время, когда решающая битва между царством Христа и сатаной развернется вокруг брака и семьи... И те, кто будет трудиться на благо семьи, подвергнутся гонениям и скорбям. Но не бойтесь, потому что Богородица уже сокрушила ему голову».

Хотя эти зловещие, но в конечном итоге обнадеживающие слова сестры Люсии взяты из частного откровения (которое, однако, было одобрено Церковью), они указывают на то, что сатана также знает о важности брака и семьи в Божьем плане спасения мира и поэтому стремится их уничтожить.

Несмотря на то, что наступление на цивилизацию любви начинается и заканчивается браком и семьей, как ясно показывает предупреждение сестры Люсии, эта стратегическая атака приняла множество форм помимо интеллектуальных течений, обсуждавшихся в предыдущей главе. К сожалению, существуют и другие нападки, враждебные иудео-христианскому видению брака и половых различий, которые получили дополнительную возможность и силу благодаря драматическим историческим и культурным изменениям на протяжении последних двух столетий. Ключевыми среди них являются три революции, которые дестабилизировали наше понимание человеческой личности, половых различий и семьи: промышленная революция, сексуальная революция и технологическая революция. Учение Церкви на протяжении последних двух столетий в значительной степени формировалось ее реакцией на эти вызовы.

Промышленная революция

Термин «промышленная революция» относится к трансформации производственных процессов, особенно в текстильной промышленности, в Европе и Соединенных Штатах примерно в период с 1760 по 1840 год, с переходом от ручного производства к машинам и все более широкому использованию энергии воды и пара. Некоторые ученые и историки говорят о второй промышленной революции, начавшейся в конце девятнадцатого века и связанной с производством стали и новыми отраслями промышленности, которые оно сделало возможными. Индустриализация все еще продолжается в некоторых частях развивающегося мира.

Эта революция по-прежнему приносит смешанные плоды. С одной стороны, она сделала огромный ассортимент товаров широко доступным для рабочих и среднего класса, тогда как раньше они были доступны только богатым. С другой стороны, она нанесла разрушительный ущерб окружающей среде в колоссальных масштабах, загрязняя воздух, уничтожая леса и отравляя воду. Неудивительно, что в мифологии Толкина образы, которые он использует для описания сил зла, почерпнуты непосредственно из разрушительного воздействия индустриализации на его любимую английскую сельскую местность. Описывая Сарумана, волшебника, соблазненного злом и уничтожающего древний лес ради индустриализации своей крепости Изенгард, энт Древобород говорит хоббитам Мерри и Пиппину: «Он замышляет стать Силой. У него ум из металла и колес; и он не заботится о растущих вещах, кроме как в той мере, в какой они служат ему в данный момент». Цитадели зла в мире Толкина (такие как сарумановский Изенгард или сауруновский Мордор) окутаны дымом и загрязнены пеплом — шрамами насильственной индустриализации в мире природы.

Еще более разрушительным, чем отравление земли и неба, было разрушение, которое промышленная революция посеяла в семьях. По мере того как в городах и поселках возникали многочисленные фабрики, рабочий класс стягивался в эти промышленные центры. К сожалению, эти люди были вынуждены трудиться долгие часы за мизерную плату в зачастую опасных условиях. Это имело множество последствий. В семьях, где отец был основным человеком, работающим вне дома, это отдаляло его от семьи и ограничивало его возможности воспитывать детей вместе с женой. Рэндалл Смит хорошо описывает эту проблему:

«Важно понимать, что первый смертельный удар по семье был нанесен во время промышленной революции, когда отцы стали уходить из дома на большую часть дня. Пагубные последствия того, что отцов оторвали от детей, стали заметны почти сразу в трущобах и гетто крупных промышленных городов, когда молодые люди, лишённые наставничества старших мужчин, которые могли бы ввести их во взрослую жизнь, бродили по улицам без руководителей и наставников. Там, как только их гормональные инстинкты перестали направляться на работу или заботу о семье, они обращались к воровству и сексуальной распущенности».

Во многих бедных семьях зарплаты, которую приносили домой мужчины, было недостаточно для содержания, поэтому женщины и дети все чаще выходили на работу с такими же долгими часами, опасными условиями труда и еще более низкой оплатой. Положение работающих бедняков было губительным для семейной жизни — дом просто превратился в место для сна и еды.

И все же промышленная революция оказала более широкое влияние на семью в целом, а не только на семьи рабочего класса. Преобразуя дом, она также преобразовала отношение людей к детям. До этого сдвига дом для большинства семей был центром экономической активности, поскольку работа часто выполнялась на семейной ферме или в стенах семейного дома в форме какого-либо семейного бизнеса (иногда называемого «надомным производством»). Промышленная революция в значительной степени вывела работу за пределы дома, разделив домашнюю жизнь и экономическую продуктивность. Это разделение способствовало изменению самого понимания детей. Поскольку работа происходила вне дома, дети больше не вносили непосредственного вклада в экономическое благополучие семьи, как это было, когда работа велась дома или на семейной ферме. В течение нескольких поколений взгляд многих людей на детей кардинально изменился: от библейского представления о них как о благословении к восприятию их как бремени и чистой утечке ресурсов из экономического благополучия семьи.

Опасениям по поводу негативного влияния детей была придана псевдонаучная оболочка, и в следующем столетии они распространились на весь мир. Работа теоретика экономики Т. Р. Мальтуса 1798 года «Опыт о законе народонаселения» назвала рост населения постоянной причиной бедности низших классов и угрозой, которая может опередить масштабное производство продовольствия. Такой рост можно было бы сдержать «позитивными» препятствиями (т. е. факторами, повышающими уровень смертности, такими как война, голод и стихийные бедствия) и превентивными (т. е. противозачаточными) средствами. Подобные страхи получили особенно резкое выражение в середине двадцатого века, в период расширения сексуальной революции, в книге Пола Эрлиха «Популяционная бомба», которая предсказывала повсеместный голод из-за перенаселения в ближайшие десятилетия. Тот факт, что подобные апокалиптические сценарии не материализовались, несколько не умерил энтузиазм по поводу мер контроля над рождаемостью в коммунистическом Китае, с одной стороны, и в богатом западном мире — с другой.

Сексуальная революция

Взгляд промышленной революции на детей как на препятствие для работы и экономической выгоды способствовал развитию зарождающейся сексуальной революции через поиск более эффективных технологий контрацепции. Сексуальная революция не была явлением исключительно двадцатого века; эти меняющиеся сексуальные нравы существовали уже в девятнадцатом веке. Викторианская мораль во многом была заменой традиционной буржуазной морали в культуре, которая в своих сексуальных убеждениях и поведении в значительной степени отказалась как от аристотелевских, так и от христианских взглядов, связывавших секс с браком и продолжением рода. Развитие технологий контрацепции просто сделало возможным и расширило этот продолжающийся отказ. И все же именно оральная контрацепция, разработанная во второй половине двадцатого века, послужила одним из главных катализаторов этой развивающейся революции, подняв ее на новый уровень. Внедрение «таблетки» привело к стремительному росту числа внебрачных связей, беременностей вне брака, разводов и аборт.

Как показала Мэри Эберштадт, эта революция нанесла различный ущерб разным группам в обществах, на которые она повлияла. Сильнее всего пострадали самые уязвимые — дети. Очевиднее и ужаснее всего пострадали миллионы нерожденных детей, убитых в результате абортов, подавляющее большинство которых было сделано по причинам, не связанным со здоровьем или жизнью матери. Многие дети, чьи родители выбрали для них жизнь, позже столкнутся с травмой, нанесенной широко распространенными разводами, которые, как показывают социологические исследования, разрушительны для детей в любом возрасте — в том числе и во взрослой жизни. Наконец, продолжается сексуализация детей порноиндустрией, а также средствами массовой информации и индустрией развлечений.

Молодые люди во многих университетских кампусах сталкиваются с агрессивной и подогреваемой алкоголем культурой случайных связей (*hook-up culture*), которая во многих местах в значительной степени заменила традиционные свидания. В этой среде студенты вступают в те или иные формы сексуальной активности отчасти для того, чтобы узнать друг друга, или просто как в форму социального времяпрепровождения. Католические университеты, в том числе с сильной католической идентичностью, не обладают иммунитетом к действию и последствиям этой разрушительной субкультуры. Объективация других людей, порождаемая подобными практиками, усиливается и усугубляется среди молодежи порнографией.

По словам Эберштадт, сексуальная революция инфантилизовала мужчин. Больше не нуждаясь в том, чтобы связывать себя с женщинами узами брака ради получения сексуального доступа к ним, мужчины не обязаны брать на себя ответственность за себя и свое сексуальное поведение. Контрацепция и аборты обещают секс без последствий. Если сожителство, свидания или просто случайные связи с реальными женщинами слишком обременительны, мужчины могут удовлетворять свои сексуальные потребности виртуально, просто потребляя широко доступную порнографию. В результате многие мужчины живут в состоянии некоего вечного подросткового возраста, в котором они избегают взросления, приносимого обязательствами, — своего рода извращенной Нетландии, ставшей возможной благодаря культуре, изобилующей сексуальными выходами.

Женщины, которым сексуальное освобождение, широко пропагандируемое феминизмом второй волны, обещало расширение прав и возможностей, также оказались в числе жертв сексуальной революции. Хотя за последние десятилетия их политическая и экономическая власть, а также контроль над своей фертильностью выросли, социологические исследования показывают, что уровень счастья женщин по сравнению с мужчинами снизился. Обозревая

современный ландшафт женщин, которые либо избегают брака, либо вступают в него лишь для того, чтобы разочароваться, Эберштадт утверждает, что современные женщины страдают от «романтической нужды во времена сексуального изобилия». Это парадокс, которому феминизм второй волны не имеет объяснения.

Предупреждения святого Папы Павла VI в энциклике *Humanae vitae* (п. 17) относительно широкого распространения контрацепции — снижение моральных стандартов, большая моральная дезориентация среди молодежи, потеря уважения мужчин к женщинам и опасность государственного принуждения в виде программ принудительной контрацепции и стерилизации — хотя и были пророческими для своего времени, в ретроспективе кажутся преуменьшенными. Социологи показали, что пророческий характер этих предсказаний с лихвой подтвердился даже по светским социологическим меркам. Тем не менее, чего Папа Павел VI не предвидел и что сторонники его учения не исследовали в полной мере, так это влияние сексуальной революции на наше понимание самих половых различий.

Эффективно разорвав давние богословские, культурные и социальные узы между браком, сексом и деторождением, сексуальная революция дала нам стерильный секс (подстрахованный абортами), бездетный брак и — с помощью вспомогательных репродуктивных технологий — бесполое размножение. Общая плодовитость мужчины и женщины, позволяющая им принять дар ребенка, таким образом, становится неважной — периферийной как для сексуальной активности, так и для людей, которые ею занимаются. То, что Павел VI определил как «объединяющее» (*unitive*) значение супружеского акта, сводится к простому удовольствию, для которого противоположный пол и, в конечном счете, свой собственный пол становятся неважными. Поэтому нетрудно проследить линию от противозачаточной таблетки до решения по делу Обегерфелла (*Obergefell*), которое иллюстрирует изменение нашей социальной концепции брака.

Возможно, труднее разглядеть влияние сексуальной революции на личную идентичность. Если как половые различия, так и способность к продолжению рода присущи человеку, как утверждают Писание и учение Церкви, то вполне логично, что их культурная релятивизация глубоко повлияет на самосознание тех, кого это затрагивает. Таким образом, может существовать определенная связь между этой дестабилизацией ощущения себя как воплощенной личности и ростом «внезапно начинающейся» гендерной дисфории, о которой говорилось во второй главе. И, как обсуждалось в той же главе, растет стремление использовать медицинские технологии, чтобы сделать людей с гендерной дисфорией стерильными в процессе их косметической реконфигурации для придания им внешности противоположного пола, несмотря на веские доказательства негативных психологических и медицинских последствий для тех, кто выбирает «переход». Мэри Эберштадт утверждает, что разрушение семьи, вызванное сексуальной революцией, заставило людей искать новые места для «принадлежности», дав дополнительный импульс политике идентичности и объясняя ту ядовитость, с которой люди реагируют, когда им кажется, что их группа подвергается нападкам.

Технологическая революция

Третья революция, преобразующая мир, в котором мы живем, — это продолжающийся технологический взрыв. Подобно промышленной революции, это распространение технологий имеет как положительные, так и отрицательные последствия в нашем мире. Например, информационные и коммуникационные технологии сделали мир меньше, обеспечив мгновенный контакт между людьми в разных уголках земного шара. Они также позволили многим предприятиям и школам в богатых странах продолжать работу в условиях глобального карантина во время пандемии COVID-19. Однако эти же технологии могут отдалять друг от

друга людей, живущих под одной крышей, когда они отказываются от реального человеческого общения, чтобы остаться наедине со своими устройствами. Повсеместное распространение этих технологий меняет модели устного и письменного общения и динамику отношений всех видов таким образом, который мы только начинаем изучать и понимать.

Хотя общее влияние технологий на мир все еще формируется, мы выявили их темную сторону, которая способствовала распространению сексуальной революции и гендерной идеологии: контрацепция, порнография, вспомогательные репродуктивные технологии, а также процедуры химического и хирургического гендерного перехода. Эти посягательства на семью будут рассмотрены здесь более подробно, за исключением контрацепции, о которой говорилось ранее.

Хотя производство порнографии занимает давнее и неприглядное место в истории человечества, все большее расширение ее культурного охвата стало возможным благодаря технологиям. Изобретение фотографии в 1830-х годах и кинематографа к концу того же века были быстро применены в производстве порнографических изображений. Полномасштабные порнографические фильмы появились к 1920-м годам и стали гораздо более доступными по мере ускорения сексуальной революции, разразившейся в 1960-х. Появление видеокассет и видеобум 1980-х годов сделали подобные материалы широко доступными в местных видеомагазинах и более привычными в домах людей. Появление интернета в следующем десятилетии сделало порнографические изображения и медиа доступными всего в нескольких кликах на миллионах устройств в домах по всему миру. Эта эпидемия оставила после себя кровавый след по всему миру, снижая чувствительность и сексуализируя детей, разрушая браки и втягивая людей в деструктивное поведение и сексуальную зависимость. Порнография, ставшая доступной благодаря информационным технологиям, фактически взяла идеологию сексуальной революции, разделившую брак, секс и детей, и превратила ее в оружие такой формы, которая стала поистине вездесущей, проникая в нашу культуру и во все, что в ней есть, подобно ядовитому туману. Порнография влияет как на отдельных людей, так и на культуру в целом. В отдельных людях она формирует привычку рассматривать себя и других как объекты — вещи, — а не как личности. Люди привыкают абстрагироваться от личности или личностей перед ними и видеть в них сексуальный товар. Эти интеллектуальные и моральные «привычки», которые порнография формирует у своих пользователей, поощряют диссоциацию тела и пола от идентичности, которую мы уже видели в основе гендерной идеологии. Затем эти привычки отражаются в более широкой культуре в виде растущей «порнификации» музыки, кино, телевидения, видеоигр, социальных сетей и различных приложений.

В дополнение к угрозе порнографии, вспомогательные репродуктивные технологии представляют собой еще одну серьезную угрозу браку и семье. Хотя их часто описывают как сострадательный ответ парам, борющимся с бесплодием, вспомогательные репродуктивные технологии также искажают смысл брака, достоинство женщин и дар детей. Подобные искажения имеют последствия для нашей культуры в целом и нашего самопонимания. Во многом эти процедуры являются противоположностью контрацепции, отрывая дающий жизнь (прокреативный) смысл сексуального союза в браке от выражающего любовь (объединяющего). Они эксплуатируют естественное стремление женщин к материнству, подвергая их технологическим манипуляциям и объективации посредством процедур, направленных на обход проблемы, а не на исцеление заболевания, симптомом которого является женское бесплодие. Эти формы бесполого размножения также деперсонализируют детей, относясь к ним как к продуктам, а не как к личностям, являющимся дарами, созданными по образу и подобию Божьему, будь то попытки создания «дизайнерских детей» с помощью генетического скрининга или манипуляций, или подвергание «запасных» эмбрионов криоконсервации для последующего использования или уничтожения во имя научных исследований. Хотя эти

процедуры, возможно, и не создают марксистскую антиутопию Шуламит Файерстоун, в которой половое размножение преодолевается технологиями, они, независимо от того, используются ли в браке или вне его, продвигают программу сексуальной революции по разъединению брака, секса и детей.

Наконец, как обсуждалось во второй главе, использование медицинского и хирургического вмешательства с целью «процедур гендерного перехода» использует технологии для перезаписи тела и его данного пола. Имеющиеся данные показывают, что эти процедуры не предлагают путей к счастью или процветанию тем, кто использует их как средство справиться с болью гендерной дисфории. Они используют жесткие химические и хирургические вмешательства, чтобы попытаться вылечить то, что в корне является психологической проблемой, оставляя более глубокие проблемы невылеченными, а людей — с необратимыми повреждениями их тел. Более того, использование медицинских технологий для удовлетворения требований, которые не отвечают наилучшим интересам самих пациентов и не способствуют их процветанию, нарушает не только разум, но и основные цели и природу медицины. Во многих отношениях эти процедуры ставят медицинские технологии на службу течениям современной философии (например, экзистенциалистской, марксистской или постмодернистской), которые обсуждались в предыдущей главе. Они обещают возможность преодолеть природу и Божьи замыслы, позволяя индивиду выковать новую идентичность независимо от его или ее биологии и конкретного исторического контекста. Старые концепции, такие как человеческая природа, биология и пол, терпят поражение перед техническим праксисом, позволяя индивиду создавать или писать личный гендер своей собственной артикуляции. И все же этот современный Вавилон, как и его древний аналог, лишь усугубляет путаницу среди тех, кто его поддерживает.

Технологии — это не зло: это человеческий инструмент, который может расширить власть человека над творением. Это владычество является неотъемлемой частью образа Божьего (см. Быт 1:26, 28), позволяя людям действовать в качестве Божьих управителей в творении. Однако это владычество всегда подчинено Богу, Который спроектировал творение и Своим любящим промыслом поддерживает его бытие. Мы помещены в творение, чтобы «возделывать его и хранить его» (Быт.2:15), а не для того, чтобы доминировать над ним, эксплуатировать или переделывать его. Эти пределы человеческого владычества распространяются как на мир природы — наш «общий дом», как называет его Папа Франциск, — так и на нас самих как на творения. Как также напоминал нам святой Папа Иоанн Павел II, наши технологии часто опережают наше моральное и этическое развитие, оставляя нас под угрозой непреднамеренного вреда, который мы наносим нашей планете и самим себе, развивая технологии, которые мы не продумали должным образом. Наша нынешняя зависимость от контрацептивов, эпидемия порнографии, опора на вспомогательные репродуктивные технологии и использование агрессивных медицинских и хирургических методов лечения гендерной дисфории служат современными примерами такого технологически обусловленного самоповреждения.

Верность завету в падшем мире

Хотя Священное Писание начинается и заканчивается свадьбами, картина брака, находящаяся между этими обложками, не всегда столь обнадеживающа. Божий народ завета в Ветхом Завете с трудом сохранял верность Тому, Кто избрал их Своими. Призванный отказаться от идолопоклонства окружающих языческих народов, чтобы поклоняться Господу неба и земли, Израиль часто обращался к бессильным идолам своих соседей. Для таких пророков, как Осия, Иеремия и Иезекииль, это было равносильно тому, что Его народ изменял своему завету с Ним, отдаваясь любовникам, которые не были их Господом (см. Ос.1-4; Иер.2-3, 30-31; Иез.16, 23).

Вот почему и идолопоклонство, и прелюбодеяние назывались «великим грехом» (*ḥāṭā'āh ḡəḏōlāh*) в Ветхом Завете (см. Быт.20:9, 39:9; Исх.32:21, 30, 31; 4 Цар.17:21). И то, и другое было вопиющим примером неверности завету.

В некоторых отношениях выдающиеся грехи древнего Израиля напоминают многие из тех, что распространены в нашей собственной культуре двадцать первого века. Ранние ветхозаветные тексты фиксируют присутствие полигамии среди Божьего народа завета — даже со стороны некоторых его патриархов (см., например, Иаков в Быт 29:15–30; 30:1–9). Пророки осуждали сексуальную активность вне брака, такую как прелюбодеяние (см., например, Ос.4:1–2; Иер.7:9–10). Практика законного развода была обычной, хотя в основном мужской, прерогативой (см. Втор.24:1–4) — прерогативой, которую Иисус диагностировал как симптом «жестокосердия» людей (см. Мф.19:8). Израиль также участвовал в ритуальной проституции и детских жертвоприношениях своих языческих соседей, несмотря на то, что эти вещи были запрещены Торой (см. Втор.23:18; 12:31). У этих практик есть свои аналоги в нашей собственной культуре сексуальной распущенности, индустрии разводов и широко распространенных аборт.

Тем не менее, есть и отличия, и эти отличия имеют большое значение для понимания возникновения и развития гендерной идеологии в мире. По словам иезуитского исследователя Священного Писания Пола Манковски, израильское понимание заповеди плодиться и размножаться (см. Быт.1:28) помогло выделить его народ среди *гоев* — окружающих их народов мира. Запреты на детские жертвоприношения, гомосексуальные практики (см. Лев.18:21–23), инцест и скотоложство (см. Лев.20:13–17), а также контрацептивные практики, подобные тем, что применял Онан (см. Быт.38:8–10), были продолжением благословения и заповеди относительно плодовитости, данных в первом рассказе о творении (см. Быт.1:28). Эти предписания формируют то, что Манковски называет «программой плодовитости», предназначенной для того, чтобы научить Израиль дорожить животворящей способностью секса и даром детей, получаемых через него.

Именно в отношении дара плодовитости мы можем увидеть некоторые из наиболее резких различий между нашей культурой и той, которую ветхозаветное учение стремилось сформировать в древнем Израиле. Сейсмические сдвиги в ландшафте нашего мира, вызванные промышленной, сексуальной и технологической революциями, а также их продолжающиеся последствия, дестабилизировали понимание брака и семьи, вытекающее из человеческого разума и божественного откровения. В дополнение к своему собственному непосредственному пагубному воздействию на семью, разделение дома и работы во время промышленной революции подорвало способность людей воспринимать детей как благословение и дар от Бога. Вместо этого многие рассматривают детей как угрозу финансовому благополучию своей семьи или здоровью планеты. Сексуальная революция вбила глубокие и расширяющиеся клинья между реалиями брака, секса и детей, заставляя людей рассматривать их как отдельные сущности, к которым можно стремиться в любом порядке или в полной изоляции друг от друга. На каждом шагу именно различные технологии — химические, механические, информационные и медицинские — вбивали эти клинья все глубже.

Три революции, рассмотренные в этой главе, не являются тремя различными и не связанными друг с другом событиями. Когда дело доходит до их влияния на взгляды на брак, секс, детей и половые различия, они образуют сложное и взаимосвязанное целое, подрывающее и дестабилизирующее иудео-христианское видение, основанное на Священном Писании. Эта дестабилизация затронула как отдельных людей, так и институты, такие как семья и Церковь. Это, в свою очередь, позволило последствиям различных форм современной мысли, рассмотренных в предыдущей главе, — горьким и ядовитым водам экзистенциалистской, постмодернистской и марксистской мысли — разлиться гораздо шире. С отрицанием

человеческой природы и ее Автора люди все чаще рассматривают тело как чистый лист — сырье, с помощью которого можно сконструировать любую идентичность, какую они пожелают. Половые различия в форме мужского или женского пола теряют свой *телос* без привязки к плодovitости. Поскольку фертильность все чаще рассматривается как проблема, а не как дар и благословение, личная идентичность рассматривается как не связанная с биологическими реалиями принадлежности к мужскому или женскому полу. Это становится все более справедливым не только для людей, сталкивающихся с клинической реальностью гендерной дисфории, но и для целых групп в более широкой культуре, которые оспаривают идею сексуальной бинарности с продолжением рода в качестве одной из главных целей.

Информационные технологии также позволяют конструировать и проецировать виртуальное «я» в виртуальном мире интернета и социальных сетей. Люди могут создавать персонажей, изменять их или жить в нескольких онлайн-идентичностях. Эта реальность усиливает и визуально воплощает для многих людей утверждения экзистенциалистской и постмодернистской философий о том, что мы создаем или конструируем себя вне стабильной человеческой природы или мира, отражающего мудрость своего Творца. Эта цифровизация идентичности в сочетании с кажущейся податливостью тела перед лицом процедур гендерного перехода побуждает многих людей рассматривать свои тела как просто еще одну поверхность, на которой можно написать идентичность. Тот факт, что эти процедуры навсегда разрушают способность давать жизнь как мужчина или женщина, не беспокоит тех, кто рассматривает фертильность по большей части как проблему, требующую решения. Священное Писание рассматривает бесплодие как проклятие — лишение Божьего благословения. Для многих в нашей культуре оно стало стремлением — основано ли оно на стремлении к индивидуальному счастью, сексуальной свободе или здоровью планеты. Неслучайно организация Planned Parenthood является одним из крупнейших поставщиков медицинских услуг для трансгендеров, располагая шестьюдесятью пятью центрами, предлагающими различные процедуры перехода. Учитывая, что Planned Parenthood занимается продвижением и извлечением прибыли из бесплодия посредством контрацепции и абортов, это не должно вызывать удивления.

Многие из идолов, к которым обращались народы древнего Израиля, были идолами языческих культов плодородия, окружавших их, в надежде обеспечить благословение плодородия для своей земли и семей. Вместо того чтобы стремиться обрести жизнь, наши современные идолы стремятся ее уничтожить, одновременно подрывая «верность», которая лежит в основе брачного завета. Поступая так, мы отвергаем «то единственное благословение, которое не было утрачено из-за первородного греха и не было смыто потопом». Негативные последствия трех революций современности, рассмотренных в этой главе, сливаются воедино в попытке переворота против Автора жизни и Его исполненного любви замысла. Тем не менее, видение небесного Иерусалима, который является Невестой Агнца в Книге Откровения, напоминает нам, причем совершенно иначе, чем это часто можно услышать от сторонников гендерной идеологии после решения по делу Обегерфелла, что в конце концов «любовь побеждает».

Глава 5. Тупики и обходные пути

Поскольку Господь таким образом искупил нас Своей собственной кровью, отдав Свою душу за наши души и Свою плоть за нашу плоть, и излил Дух Отца для объединения и общения Бога и человека, поистине наделяя людей Богом посредством Духа и, с другой стороны, приобщая человека к Богу Своим воплощением, и даруя нам при Своем пришествии нетление прочно и истинно посредством общения с Богом, — все учения еретиков рушатся.
Св. Ириней Лионский, Против ересей, 5.1.1

Гностицизм — одна из самых зловещих идеологий, поскольку, неоправданно превознося знание или определенный опыт, он считает собственное видение реальности совершенным. Таким

образом, возможно, даже не осознавая этого, эта идеология питает сама себя и становится еще более близорукой. Она может стать еще более иллюзорной, когда маскируется под бестелесную духовность. Ибо гностицизм «по самой своей природе стремится приручить тайну», будь то тайна Бога и Его благодати или тайна жизни других людей. — Папа Франциск, *Gaudete et exsultate*, п. 40

Человеческое тело причастно достоинству «образа Божия»: оно является человеческим телом именно потому, что одушевлено духовной душой, и именно вся человеческая личность призвана стать в Теле Христовом храмом Духа: «Человек, единый душой и телом, в самой своей телесной природе соединяет в себе элементы материального мира. Через него они достигают своей высшей степени и могут свободно возносить хвалу Творцу. Поэтому человеку не подобает презирать свою телесную жизнь. Напротив, он обязан считать свое тело благим и достойным чести, поскольку Бог сотворил его и воскресит в последний день». — Катехизис Католической Церкви, 364 (цитируя *Gaudium et spes*, 14)

Caro salutis cardo («плоть — стержень спасения»), — писал Тертуллиан в третьем веке. Что он имел в виду под этим утверждением? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны осознать, насколько революционным было провозглашение Евангелия от Иоанна о том, что «Слово стало плотью, и обитало с нами» (Ин.1:14).

Великие философские умы классической античности в целом смотрели на тело как на гробницу или тюрьму для интеллектуальной или духовной составляющей внутри человека (души). Отсюда Платон называл тело «темницей души», Сенека говорил об «отвратительном жилище тела», Эпиктет представлял себя «бедной душой, прикованной к трупу», а Порфирий в биографии своего философского наставника писал, что «Плотин, наш современник-философ, казалось, стыдился того, что находится в теле». В мистическом дуализме Платона задача души — освободиться от тела и его ограничений. Аристотель модифицировал этот дуализм своим учением о гилеморфизме: идеей о том, что душа является формой тела, но остается выше тела и выживает после смерти благодаря своей божественной природе, тогда как тело — нет. Это презрение к телу было институционализировано в римском обществе, в котором тело часто рассматривалось как товар, который можно купить и продать (в рабстве), как объект удовольствия (в шумных театрах и повсеместной проституции) или как объект жестокости ради развлечения (в различных играх и цирках).

Ветхий Завет, основанный на доктрине творения, предлагал более позитивный взгляд на тело. Тело, как и вся сотворенная реальность, есть благо — на самом деле, «весьма хорошо» (Быт.1:31). Хотя человек создан из праха земного, он содержит в себе частицу Божественной жизни: «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою» (Быт.2:7). В других местах Ветхого Завета животные также могут описываться как «живая душа» (*ḥayyāh le nepēš*); однако только люди имеют «дыхание жизни» (*nišmat ḥayyīm*), вднутое в них Богом. Эти термины описывают не столько дискретные «части» человеческой личности, как в греческой мысли, сколько всего человека, рассматриваемого с разных точек зрения. Тело или плоть (*bāsār*) человеческого существа является основой всех отношений, особенно в брачном завете, поскольку через сексуальный союз пара становится одной плотью (см. Быт.2:24-25). Но завет с Богом также имеет телесную составляющую, проживаемую через ритуальное поклонение и моральные требования Торы. Тело также может обозначать хрупкое и смертное состояние человечества перед Богом. Так, Псалмопевец говорит о Боге: «Он помнил, что они плоть, дыхание, которое уходит и не возвращается» (Пс.78:39) — состояние, которое мы разделяем с животными (см. Еккл.3:19; Пс.49:13). Более поздние ветхозаветные тексты (например, Дан 12:2; 2 Мак 7) изображали индивидуальное воскресение, еще больше отделяя людей от животных и подчеркивая достоинство человеческого тела. Эта идея воскресения мертвых была шокирующей для

греческого восприятия, как узнал Павел в Афинах (см. Деян.17:32).

Ни греческая философия, ни Ветхий Завет не содержат ни малейшего намека на то, что Бог станет человеком таким образом, что сама плоть станет орудием нашего спасения. Йозеф Ратцингер (ставший Папой Бенедиктом XVI) улавливает этот шок от Воплощения, провозглашаемого Церковью в Апостольском символе веры:

Этот второй член Символа веры провозглашает абсолютно ошеломляющий союз *logos* и *sarx*, смысла и единичной исторической фигуры. Смысл, поддерживающий все бытие, стал плотью; то есть он вошел в историю и стал в ней отдельной личностью; он больше не является просто тем, что охватывает и поддерживает историю, но стал точкой в ней. Соответственно, смысл всего бытия прежде всего больше не следует искать в полете разума, возвышающегося над индивидуальным, ограниченным во всеобщее; он больше не просто дан в мире идей, который превосходит индивидуальное и отражается в нем лишь фрагментарно; его можно найти посреди времени, в лице одного человека.

Именно об этом *logos* святой Иоанн возвещает, что он «стал плотью» (Ин.1:14) в прологе своего Евангелия. То вечное Слово, которое было у Бога и было Богом от начала (см. Ин.1:1), приняло человеческую природу, состоящую из тела и души, в Иисусе из Назарета.

Однако христианское провозглашение идет еще дальше: именно человеческое тело Христа в Его Воплощении, в Его Страстях и смерти, а также в Его телесном Воскресении является тем самым инструментом избавления человека от греха и смерти. Тело Христово, как красноречиво выразился Тертуллиан, становится стержнем человеческого спасения. Или, по словам Афанасия:

Ибо человек не был бы обожен, если бы соединился с тварью, или если бы Сын не был истинным Богом; и человек не был бы приведен в присутствие Отца, если бы Он не был Его естественным и истинным Словом, облекшимся в тело.... Ибо потому и соединение было таким, чтобы Он мог соединить то, что по природе есть человек, с Тем, Кто по природе Божества, и чтобы спасение его и обожение были верны. Поэтому пусть те, кто отрицает, что Сын по природе от Отца и свойствен Его Сущности, отрицают также, что Он принял истинную человеческую плоть от Марии Приснодевы; ибо ни в том, ни в другом случае нам, людям, не было бы от этого пользы, если бы Слово не было истинным и по природе Сыном Божьим, или плоть, которую Он воспринял, не была бы истинной.

Именно Его прославленное и воскресшее тело, принимаемое в Евхаристии, становится, по словам великого епископа и мученика второго века святого Игнатия Антиохийского, «лекарством бессмертия» для тех, кто достойно его принимает. Принятие материальности для передачи нам божественной жизни в домостроительстве спасения распространяется и на другие таинства, в которых используются не только хлеб и вино, но и вода, елей и само полководифференцированное тело (в браке и священстве).

В Своем Воплощении Сын Божий принял полководифференцированное (т.е. мужское) тело. Он не просто стал «человеком» в родовом смысле (*homo*), но «мужчиной» (*vir*). Это имеет значение не только для того, кто может сакраментально представлять Христа в литургии Церкви, но и для всех верующих — мужчин и женщин. Святой Августин отвергает платоническое прочтение как Бытия, так и Нового Завета, встречающееся у некоторых греческих отцов, которые считали, что и первый, и второй Адам были андрогинами. Для Августина мы являемся мужчинами и женщинами в творении (см. Быт 1:27) и останемся мужчинами и женщинами в состоянии воскресения. Он пишет:

Из слов «доколе все придем... в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова» и из слов «подобны образу Сына Его» некоторые делают вывод, что женщины не воскреснут женщинами, но что все будут мужчинами, потому что Бог сотворил мужчину только из земли, а женщину — из мужчины. Мне же кажутся более мудрыми те, кто не сомневается, что воскреснут оба пола. Ибо не будет вожделения, которое сейчас является причиной смущения. Ибо до грехопадения мужчина и женщина были наги и не стыдились. От этих тел, следовательно, порок будет удален, в то время как природа сохранится. И женский пол — это не порок, а природа. Тогда он действительно превзойдет плотское совокупление и деторождение; тем не менее женские члены останутся, приспособленные не к прежнему употреблению, а к новой красоте, которая отнюдь не провоцируя вожделение, ныне угасшее, будет возбуждать хвалу мудрости и милосердию Бога, Который и сотворил то, чего не было, и избавил от тления то, что Он сотворил.

Воскресение Христа из мертвых ясно дает понять, что творение, тело и половые различия будут усовершенствованы — а не стертые — на новом небе и новой земле, которых мы ожидаем в кульминации истории.

Гностическое искушение

Еще до того, как были завершены последние книги Нового Завета, в некоторые части христианской общины начала проникать совершенно чуждая философия. Немногие духовно бдительные члены Церкви сразу же определили ее как антитезу христианской вере. Автор Первого послания Иоанна предупреждает об «антихристах» или «лжепророках», которые не «исповедуют Иисуса Христа, пришедшего во плоти» (1Ин.4:1–3). Начало послания предлагает комментарий к прологу Евангелия, подчеркивая осязаемость Воплощения. Слово Божье, существовавшее от начала, — это «то, что мы слышали, что видели своими очами, что рассматривали и что осязали руки наши» (1Ин.1:1).

Кем были эти лжепророки и антихристы, которые отрицали, что Иисус истинно пришел во плоти? Современные ученые называют их гностиками. Этот термин происходит от греческого слова «знание» — *gnosis* — поскольку его приверженцы верили, что обладают тайными знаниями о вселенной и божественном, которые могут освободить людей. Возможно, уходя корнями в буддизм или ближневосточные мистериальные религии, гностицизм проник в средиземноморский мир в первом веке и столкнулся с неоплатонизмом, иудаизмом и христианством. Он взял идеи и язык от каждого из них и кристаллизовал их в мистическую философию, антитетичную иудейскому и христианскому пониманию творения и христианскому учению о Воплощении. В первые века христианской эры произошел взрывной рост гностических групп, многие из которых утверждали, что предлагают единственно верное изложение тайного спасительного знания, лежавшего в основе христианства. Поскольку гностическая мысль была пластичной, эти группы были подобны хамелеонам в своей способности перенимать и использовать христианские идеи, язык и писания. В конце первого и втором веках это делало действительно трудным отличие гностических групп от ортодоксальных христиан в Церкви.

Но внутри этого изменчивого и призрачного собрания разнообразных групп и идей были некоторые общие элементы. В своей основе гностицизм объяснял вселенную через метафизический дуализм: дух добр, а материя зла и иллюзорна. Материальный мир был делом рук злого, низшего Бога, который стремится загнать людей в ловушку невежества и иллюзий. Из-за вездесущности зла гностики в значительной степени избегают разума и полагаются на тайное знание, которым, как они утверждают, они обладают, чтобы понимать и оценивать реальность и истину. В некоторых людях заключена божественная искра (дух), способная к искуплению. Это искупление может прийти только через доступ к тайному гнозису, которым

обладает группа, и, как правило, через следование набору квазиаскетических практик (например, употребление продуктов с высоким содержанием света и энергии и избегание брака или, по крайней мере, полового размножения). Это позволило бы божественной искре внутри гностика вознестись через небеса обратно в божественную сферу (плерому), которой она принадлежала.

Этот радикальный дуализм совершал насилие над христианской верой, когда пытался ассимилироваться с христианством, порождая множество еретических идей, которые Церковь осудила. Бог-Творец из Ветхого Завета был идентифицирован как злой бог, и поэтому гностические учителя, такие как Маркион, пытались вычеркнуть христианские писания, которые слишком много внимания уделяли Ветхому Завету. Маркионизм привел к формированию канона Нового Завета в третьем и четвертом веках. Иисус (посланник доброго Бога) на самом деле не принимал человеческое тело и не умирал на Кресте — Он только делал вид, что делает это (ересь докетизма). Для гностиков тело было не просто ниже души, как в классической философии, но на самом деле было злом и не подлежало искуплению. Его нужно было преодолеть. Точно так же брак и половое размножение были злом, поскольку они способствовали работе злого бога, заключая искры духа в злую и темную материю.

Это объясняет, почему Отцы Церкви настаивали на центральном значении плоти в христианской вере. Принятие Христом человеческой природы — души и тела — является неотъемлемой частью того, как Он нас спасает. Против всякого гностического очернения тела и материальности христианство утверждало благодать того и другого и неотъемлемую роль тела — как тела Христа, так и отдельного христианина, соединенного с Ним в спасении. Спасение заключается не в избегании материальности, а в исцелении и восстановлении материальности — богословская идея, литургически воплощаемая в сакраментальной жизни Церкви, которая использует материальные реальности не просто для символизации, но для передачи благодати. И не только тело Христово имеет значение. Тела тех, кто соединен с Ним в Крещении, становятся храмами Святого Духа (см. 1 Кор 6:19). Для тех, кто дает обет безбрачия, их тела становятся видимым провозглашением спасительного дела Христа и Его победы над смертью. Для тех христианских пар, которые обмениваются брачными обетами, их тела становятся знаком их общего единства в вере. Как описывает Тертуллиан в своем трогательном письме к жене:

Как сможем мы когда-нибудь адекватно описать счастье того брака, который устраивает Церковь, укрепляет Жертвоприношение, на который благословение налагает печать, при котором присутствуют ангелы в качестве свидетелей и на который дает Свое согласие Отец? Как прекрасен тогда брак двух христиан, двух, которые едины в надежде, едины в желании, едины в образе жизни, которому они следуют, едины в религии, которую они исповедуют. Они как брат и сестра, оба слуги одного Господина. Ничто не разделяет их ни во плоти, ни в духе. Поистине, они двое — одна плоть; а где только одна плоть, там и дух один. Они молятся вместе, они поклоняются вместе, они постятся вместе; наставляя друг друга, ободряя друг друга, укрепляя друг друга. Бок о бок они посещают церковь Божью и вкушают Трапезу Божью; бок о бок они встречают трудности и гонения, делятся своими утешениями... Слыша и видя это, Христос радуется. Таким Он дает Свой мир. Где двое вместе, там и Он присутствует; а где Он, там нет зла.

Этот телесный союз позволяет супругам получить благословение в виде детей, что Отцы Церкви считают главной целью брака. Хотя безбрачие рассматривается как высшее призвание, брак и половое размножение решительно и непрерывно утверждаются как благо.

Этот краткий контраст ясно показывает смертельную угрозу, которую гностицизм представлял для христианских верований и практик. Он подрывал благодать творения и идентичность Бога

как его Автора, реальность Воплощения, телесную смерть и Воскресение Христа, благодать брака и детей, а также надежду на будущее воскресение тела, которое святой Павел рассматривает как неотъемлемую часть евангельской вести (см. 1Кор.15). Отвергая благодать тела и реальность Воплощения, гностицизм ставил под угрозу саму концепцию спасения: «Ибо то, что Он не воспринял, Он не исцелил; но то, что соединено с Его Божеством, то и спасено».

Другая причина, по которой гностицизм был особенно опасной ересью для Церкви, заключается в том, что, подобно сорняку, корень которого невозможно полностью вырвать, он постоянно прорастал снова и снова на протяжении всей христианской истории. От докетов и манихеев, тревоживших раннюю Церковь, до павликиан, богомилов, катаров и альбигойцев в Средние века, духовности Нью-Эйдж и обращения к формам восточного мистицизма в конце двадцатого века, гностицизм возникал в разные периоды и в разных условиях. Современные проявления этой ереси появились в пуританизме, марксизме и нацизме. А совсем недавно его также можно обнаружить в современной гендерной идеологии.

Гендерная идеология как гностицизм

Придерживаясь своего базового дуалистического мировоззрения, гностицизм способен впитывать и использовать язык и идеи из различных философских течений, уподобляясь им за счет использования их концепций и жаргона. Этот синкретизм придает ереси свойства хамелеона, затрудняя ее распознавание саму по себе. Таким образом, гностицизм часто может незаметно сливаться с окружающим его интеллектуальным и культурным ландшафтом.

Несмотря на эти трудности, можно увидеть, что в основе гендерной идеологии, несущей на себе множество признаков гностицизма, лежит дуализм. Гендерная идеология рассматривает тело человека с гендерной дискордантностью (или дисфорией) как проблему, которую необходимо преодолеть. Истинная «идентичность» человека не зависит от тела и его выражения половых различий. В некоторых случаях считается, что истинным носителем идентичности является душа или дух человека, «запертые» в теле с «приписанным при рождении полом», который их сдерживает. Гендерная идеология предлагает тайное знание о том, как эту идентичность можно освободить и выразить. Те же, кто противится этому пути освобождения, пребывают во тьме и невежестве, и поэтому им необходимо противостоять или подвергать их «отмене» с фанатичным рвением.

Тем не менее, у этой итерации гностицизма есть некоторые отчетливо современные черты, которые усложняют распознавание гендерной идеологии в ее истинном виде. Как мы убедились, она заимствует идеи из специфически современных и атеистических течений мысли: экзистенциализма, постмодернизма и марксизма. Не существует сотворенной Богом человеческой природы, которую нужно реализовать (экзистенциализм), есть только самостоятельно сформулированный смысл. Не существует абсолютной истины, выраженной в теле или поле (постмодернизм), есть только то, что индивид исполняет или пишет сам. Из марксизма этот гностицизм черпает свою ориентацию на праксис или действие — как политическое, так и технологическое. В политическом плане гендерная идеология крикливо провозглашает свою собственную так называемую истину и нетерпимость к противоположным взглядам, стремясь различными способами заставить их замолчать. Здесь практически нет места диалогу, основанному на разуме или доступных фактах. Те, кто ставит под сомнение или противится гнозису, предлагаемому этой идеологией, подвергаются нападкам как гомофобы и трансфобы или вообще подвергаются «культуре отмены».

Наиболее отличительной чертой этой разновидности гностицизма XXI века является то, что ее программа спасения достигается благодаря уникальному сочетанию секулярных идей и технологий. Как заметил Эрик Фёгелин, современные атеистические варианты гностицизма

«имманентизируют эсхатон», рассматривая спасение как достижимое в этом мире, а не в некоем духовном царстве божественного света за пределами материальной вселенной. Так обстоит дело и с гендерной идеологией, которая обещает своим adeptам земное счастье через самовыражение и самореализацию, освобожденные от ограничений угнетающей биологии и социальных конструктов гендерных идентичностей или бинарного пола. Нет никакой человеческой природы, которую нужно было бы реализовать, так же как нет Бога, Который ее создал. Есть просто «я», которое должно само создать и написать для себя гендерную идентичность, противостоящую той, что была приписана при рождении, или небинарную идентичность, открытую или сконструированную самостоятельно.

Однако способ, которым это спасение предоставляется гендерно-неконформным людям, заключается в специфически современном применении технологий. Природа в целом и человеческое тело в частности рассматриваются как сырье, которое нужно перекроить и переписать с помощью целого арсенала технологий. Это может включать информационные технологии для изменения онлайн-профилей или идентичностей по мере того, как человек совершает социальный переход. Это также может включать в себя множество химических и хирургических технологий для физического изменения внешности человека. Трагично, что репродуктивная функция человека — одна из главных жертв войны гендерной идеологии против тела — разрушается, будучи принесенной на алтарь самовыражения. И все же эта жертва не является уникальной для гендерно-неконформных людей — она широко практикуется большинством людей, использующих контрацепцию и которых не беспокоит концепция бинарного гендера. Это служит стиранию границ между приверженцами гендерной идеологии (как итерации гностицизма) и более широкой культурой, сформированной Сексуальной революцией. Как только половые различия отделяются от их предназначенности для брака и рождения детей, остается лишь одинокое «я» в поисках смысла и удовольствий. Тем не менее, искоренение фертильности само по себе является еще одной точкой соприкосновения между этой идеологией и гностицизмом, возникшим в первые христианские века.

Тупик гендерной идеологии

Назвать гендерную идеологию современной версией гностицизма — значит охарактеризовать ее как ересь. Угроза гностицизма в первые века существования Церкви впервые заставила христиан проводить различие между ортодоксальными проявлениями Веры и ересью. Ересь можно определить как «упорное отрицание после Крещения какой-либо истины, в которую следует верить божественной и католической верой, или же упорное сомнение в ней». Придерживаться гендерной идеологии — значит разделять идеи, которые противоречат вере, которой учит и которую передает Церковь. Если кто-то делает это, не видя или не понимая этого конфликта, то можно сказать, что он находится в материальной (или невольной) ереси. Такой человек не несет моральной ответственности за разрыв общения с верой Церкви, который вызывает приверженность этим идеям (хотя он может нести некоторую ответственность за свое незнание Веры). Если же человек понимает конфликт между этой идеологией и своей христианской верой, но все равно предпочитает придерживаться этих взглядов, то он формально впадает в ересь и несет ответственность за разрыв общения, который она создает.

Гендерная идеология атакует основы христианской антропологии. Она отвергает доктрину творения, которая рассматривает мир, тело, брак и человеческую фертильность как благо. Она отвергает реальность греха как волевого отвержения Бога и Его власти над творением и человеком, созданным по Его образу. Она искажает идею спасения, превращая ее в мирское начинание, достигаемое человеческими усилиями и технологиями. Таким образом, она

исключает Христа и Его Воплощение, жизнь, телесную смерть и Воскресение из процесса стремления к спасению. Вместо преображения мира через дар Святого Духа, излитого в Пятидесятницу и доступного через сакраментальную жизнь и служение Церкви, гендерная идеология стремится преодолеть материю и тело посредством индивидуальной и целенаправленной технологической атаки на человеческую личность как единство тела и души.

Не обязательно быть христианином, чтобы увидеть в гендерной идеологии ложный и разрушительный взгляд на человека. Честный и рациональный взгляд на имеющиеся факты свидетельствует о том, что не все так гладко в этом раю на земле, на который претендуют сторонники гендерной идеологии. Разум и наука сами по себе ясно дают понять, что половодифференцированное тело не может быть так легко переписано. Продолжающееся сохранение генотипического пола человека, несмотря на полный спектр процедур гендерного перехода, является суровым напоминанием о том, что пол нельзя полностью стереть из тела. Тот факт, что человек, совершивший полный переход, должен принимать кросс-половые гормоны до конца своей жизни, является постоянным признаком отказа тела полностью подчиниться этому технологическому подавлению. Сохраняющееся наличие проблем с психическим здоровьем, психологических страданий и ошеломляющих показателей самоубийств среди тех, кто совершил переход, как описывалось ранее, подчеркивает, что эти «медицинские эксперименты» скорее вредят, чем помогают пациенту, тем самым нарушая истинные цели медицины.

«Воук-наука» (woke science), за которую ратуют сторонники гендерной идеологии, умышленно игнорирует многочисленные доказательства, ставящие под сомнение как ее методы, так и результаты. Это не является хорошей медициной или наукой ни в каком реальном смысле этого слова. Вместо этого данная теория предлагает то, что критики назвали своего рода «франкен-наукой» в погоне за своими собственными идеологическими целями.

Короче говоря, как вера, так и разум ясно показывают, что гендерная идеология — это тупик.

Другие обходные пути: Тень архетипов

Существуют и другие дуалистические идеи, проникшие в наш культурный дискурс о гендере, о которых следует упомянуть. И они также несут в себе некоторые признаки гностицизма. Некоторые концепции предлагают менее радикально дуалистическую картину, в большей степени опираясь на такие философии, как платонизм. В других случаях предпринимаются попытки гармонизировать аспекты гендерной идеологии со свидетельствами Писания или христианской веры. Полное рассмотрение или каталогизация этих других форм дуализма выходит за рамки данной книги. Тем не менее, здесь будут рассмотрены наиболее влиятельные течения в культуре и христианских кругах.

Швейцарский психолог Карл Юнг, основатель аналитической психологии, известен многим. Его широкое влияние выходит за рамки психологии в философию, духовность и богословие, особенно в области гендера. Юнг утверждал, что в психике каждого человека есть бессознательный компонент, соответствующий противоположному полу. Таким образом, по его мнению, в женщинах есть *анимус* (animus), а в мужчинах — *анима* (anima). Другими словами, в личности женщин есть мужская сторона, а в личности мужчин — женская. Для Юнга они были частью более обширного коллективного бессознательного, общего для всех людей. Другим аспектом этого коллективного бессознательного являются мужские и женские архетипы, которые встречаются в мифах, легендах и сказках разных культур и могут проявляться в снах человека. Женские архетипы могут включать в себя такие образы, как богиня, мать, королева, амазонка, возлюбленная или мудрая женщина. Мужские архетипы могут включать такие

образы, как король, воин, маг, возлюбленный или дикий человек.

Источники мысли Юнга сомнительны и разнообразны. На ранних этапах он сотрудничал с Фрейдом, но порвал с ним, обратившись к более мистическим направлениям. Очевидно, что он в значительной степени опирался на Платона, например, в своем понимании архетипов. Но он также весьма сознательно обращался к неоязыческим, оккультным и гностическим источникам, привнося в свою психологию оттенки этих нехристианских источников антропологии и духовности. Эта эклектичность, как и его собственные интересы, создает некоторые очевидные линии связи между Юнгом и гностицизмом, как древним, так и современным.

Идеи Юнга оказались благодатной почвой для тех, кто ищет «духовности» вне рамок конкретной религии, часто существуя внутри или наряду с различными формами восточных духовностей, которые быстро распространились на Западе. Сюда входят духовные практики, связывающие себя с гендером. Многие мыслительницы второй волны феминизма — как те, что называли себя христианскими феминистскими теологами, так и те, кто отверг христианство как безнадежно доминируемое мужчинами, — приняли ту или иную форму духовности богини, часто связанную с пантеистическим экофеминизмом, тем самым (вольно или невольно) используя еще один из архетипов Юнга. Они сливаются в более широкий ландшафт Нью-Эйдж, оккультизма и восточного мистицизма, где этот архетип богини может означать что угодно: от откровенно языческого поклонения до книг по самопомощи для женщин. Подобный спектр можно обнаружить и в более широком мужском духовном движении, которое также обратилось к юнгианским архетипам для объяснения мужского духовного развития. Это также варьируется от откровенно языческого или демонического до поп-психологии.

Учитывая все это, количество христианских теологов, которые видят в трудах Юнга ценного партнера по диалогу и опираются на его работы при построении христианской антропологии или духовности, вызывает удивление. Эти попытки включают труды протестантских, православных и католических авторов всего теологического спектра. Они могут варьироваться от сочетания юнгианских архетипов и духовности творения до более серьезных попыток использовать их для прочтения Писания или построения христианской антропологии. Тень, которую Юнг отбрасывает на теологию и религиоведение, весьма длинна.

Пример серьезного заимствования юнгианской мысли в христианской антропологии и духовности дает нам работа богослова двадцатого века Павла Евдокимова. Евдокимов был русским православным ученым, который жил и преподавал большую часть своей жизни в Париже. В 1958 году он опубликовал труд по богословской антропологии и дарам женщин. Как и большая часть православного богословия, он глубоко проникнут мыслью Отцов Церкви и литургией, и во многих отношениях глубок и прекрасен, хотя и несколько романтичен в своем описании женственности. Но что вызывает тревогу в этой работе, так это использование Юнга и его архетипов для характеристики и организации христианской традиции. Мария, описываемая в квазибожественных терминах как *София* (Sophia) и *Богородица* (Theotokos), становится женским архетипом, очеловечивающим мужского Бога Ветхого Завета через Его рождение, в то время как Иоанн Креститель, яростный аскетичный свидетель, становится мужским архетипом. Христос не может быть мужским архетипом, поскольку, подобно первому Адаму и человечеству в состоянии воскресения, Он андрогинен, воссоединяя в Себе мужское и женское начала. Недвусмысленный посыл состоит в том, что половые различия — это проблема падшего мира, которую нужно преодолеть. Эта идея встречается в некоторых наиболее платонических частях восточной традиции (например, у Оригена и св. Григория Нисского) и здесь возрождается с помощью юнгианских архетипов. Следовательно, половодифференцированное тело является результатом космического разрыва, вызванного Грехопадением, и не имеет внутренней сакраментальной ценности или эсхатологического

предназначения.

Напротив, наша Вера призывает нас смотреть на святых как на образцы того, как выглядит христианская мужественность или женственность в определенном месте и времени, или чтить Пресвятую Богородицу за ее уникальную роль в истории спасения. Мы можем и должны учиться у них и развивать благоговение перед ними. Но в то же время святые — это люди из реальной плоти и крови, а не идеальные типы, существующие вне пространства и времени в духе платоновских идей или аисторических архетипов Юнга, представляющих их психологизированную версию. Втискивание христианского откровения в рамки идей Юнга совершает насилие над христианским пониманием человеческой личности. Оно также открывает дверь более радикальным формам гностического дуализма, продвигаемым гендерной идеологией.

За пределами бинарности: По ту сторону радуги

Предпринимались также попытки адаптировать аспекты гендерной идеологии в христианском богословии в стремлении расширить концепцию половых различий. Одной из таких попыток является использование библейской категории евнухов (скопцов) в качестве своего рода *tertium quid* (т. е. «третьего нечто») — ни мужчин, ни женщин, — демонстрируя тем самым, что даже Писание не соответствует строгой гендерной бинарности. Этот подход продвигала, среди прочих, Меган де Франза. Изначально она использовала эту категорию для обоснования библейского понимания людей с интерсекс-вариациями. В своих недавних работах она охотнее распространяет эту категорию на лиц, идентифицирующих себя как трансгендеры. По мнению де Франзы, исследование библейского изображения евнухов в Ветхом и Новом Заветах показывает, что они были маргиналами, которые являются образцами ученичества (например, эфиопский евнух, которого крестит святой Филипп в Деян.8).

Помимо ошибочного утверждения, что Богословие Тела Папы св. Иоанна Павла II не может вместить реальность лиц с неоднозначным выражением половых признаков, позиция де Франзы предлагает плохое прочтение Писания и страдает ошибочной логикой. Она делает большой акцент на горстке библейских текстов и использует их для прочтения остальной части Писания, вместо того чтобы рассматривать более широкое свидетельство священного текста, основанное на теологии творения. Кроме того, как отмечалось выше, интерсекс-состояния не разрушают половую бинарность. Логически способность распознавать существование мужских и женских характеристик зависит от существования обоих полов, даже если у некоторых людей есть характеристики, присущие им обоим. Попытка использовать эту библейскую категорию для адаптации лиц с гендерной дискордантностью, идентифицирующих себя как трансгендеры, еще более сомнительна и чревата еще большими проблемами. Как отмечалось во второй главе, есть веские доказательства того, что гендерная дисфория в первую очередь является психологическим расстройством, сродни дисморфическому расстройству тела. Таким образом, ее можно рассматривать как расстройство, подобное многим другим, присутствующим в падшем мире, а не как подлинное проявление половых различий. Эта библейская категория не может обосновать или оправдать использование процедур перехода, чтобы сделать себя евнухом (см. Мф.19:12), будь то ради Царствия Небесного или в поисках личного счастья. Стоит отметить, что ранняя Церковь запрещала рукополагать лиц, воспринимавших слова Иисуса буквально.

Другие авторы более прямо выступают за импорт всей радуги ЛГБТК+ в христианское объяснение половых различий. Некоторые опираются на работы биолога-эволюциониста икоборческого толка Джоан Рафгарден, которая выступает против теории «полового отбора» сексуального поведения, выдвинутой Дарвином и большей частью последовавшей за ним науки. По мнению Рафгарден, поведение животных и человека часто определяется тем, что

она называет «социальным отбором», который может вместить гораздо более широкий спектр выражений сексуальности и половых различий. Ее позиция основана на наличии обоих полов у растений и рыб, а также гибких половых ролях у многих видов, что указывает на «естественность» гендерной гибкости и гомосексуального поведения в окружающем нас мире. Радуга различий и разнообразия — это то, что демонстрирует сама природа, когда речь заходит о поле. Ее работы цитировались и использовались теологами, стремящимися оправдать альтернативные формы выражения половых различий и однополые отношения внутри Церкви.

Попытки Рафгарден перестроить христианскую этику, гордо водрузив радужный флаг ЛГБТК+ в мире природы, научно и теологически ошибочны. Другие специалисты в области эволюционной биологии выступают с резкой критикой. Это неудивительно, учитывая, что большая часть работ по эволюционной биологии строится на фундаментальной и широко распространенной природе полового диморфизма как движущей силе сексуального поведения животных и человека. Предложение Рафгарден неверно понимает теологическую связь между миром, каким он существует, теологией творения и естественным правом как источником морального знания. Мир, с которым мы сталкиваемся — как мир природы, так и мир людей — поврежден. То, что мы обнаруживаем что-то в себе или в окружающем нас мире, не означает, что это точно отражает замысел Творца. Мир природы может быть причиной зла и страданий через болезни, расстройства или катастрофы. В себе мы обнаруживаем влечения и желания, которые в конечном итоге противоречат Божьему замыслу для нас и нашего процветания (что христианская традиция называет похотью). Когда католическое нравственное богословие ссылается на естественное право, оно имеет в виду набор склонностей, которые мы разделяем как члены одного вида и посредством реализации которых мы обретаем полноту. Чтобы распознать эти склонности, мы должны абстрагироваться от индивидуальных действий представителей человеческого вида к благам, на которые они направлены. Эти склонности суть духовные блага, которые мы постигаем и к которым стремимся с помощью разума и в ответ на благодать. Добродетели позволяют нам стремиться к ним последовательно. Это совершенно иное понимание «естественного», нежели то, которое возникает путем экстраполяции наблюдений за поведением животных на то, что является «естественным» и морально благим.

Распознавание различий

К истории о нашем семейном разговоре за обеденным столом о гендере и Иисусе, которую я упоминал в третьей главе, есть двойной постскрипtum. После обмена мнениями со своей младшей сестрой моя шестилетняя дочь повернулась ко мне и спросила: «Папа, а кто такие ангелы?» Подумав немного, я пустился в объяснения природы ангелов как чистых духов, которые, как мне казалось, могли быть доступны пониманию шести- и трехлетнего ребенка. Я заявил, что у ангелов нет таких тел, как у нас, что они духи, которые живут в присутствии Бога и служат Его посланниками. Поговорив еще несколько минут в том же духе, я остановился и спросил, понятно ли это. Моя развитая не по годам шестилетняя дочь, ни на секунду не растерявшись, ответила: «Конечно, пап. У ангелов нет тел — значит, это просто головы с крыльями». Вот и все мои усилия сделать духовные субстанции понятными для моих детей!

Около восьми лет спустя мы с дочерью присутствовали на мессе по случаю сорокалетия священства одного нашего друга. Алтарь церкви был украшен изображениями херувимов в виде голов с крыльями. Этот факт не ускользнул от внимания моей, на тот момент уже девочки-подростка, которая ткнула меня локтем в ребра и сказала: «Эй, пап, смотри! Я была права».

По-своему, гностицизм, как древний, так и современный, ошибочно принимает людей за духовных существ, подобных ангелам. Тело иллюзорно или является препятствием для нас,

духовных созданий. Гендерная идеология учит своих последователей, что тело можно преодолеть или стереть. Мы можем обладать свободой субъектов, не обремененных ограничениями тела, — быть «головами с крыльями». Но такой взгляд одновременно ложен и опасен.

Четвертая глава Первого послания Иоанна открывается призывом к распознаванию духов:

Возлюбленные! не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они, потому что много лжепророков появилось в мире. Духа Божия (и духа заблуждения) узнавайте так: всякий дух, который исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, есть от Бога; а всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, не есть от Бога, но это дух антихриста, о котором вы слышали, что он придет и теперь есть уже в мире. (1Ин.4:1-3)

Идеи, подрывающие реальность Воплощения, ставят под угрозу базовые контуры христианской веры: благость творения; соединение Сына Божьего с нашей человеческой природой (состоящей из тела и души); реальность телесной смерти и Воскресения Христа; и непрекращающуюся роль воскресшего и прославленного тела Христа в сакраментальном домостроительстве спасения. Но эти идеи также ставят под сомнение ценность плоти тех, кто соединен с Ним в Крещении, Евхаристии, общении веры и жизни в Теле Христовом. Это происходит из-за внутренней связи между христианским пониманием человеческой личности и самыми основными тайнами христианской веры. Атака на одно неизбежно является атакой на другое.

Плоть — это действительно стержень спасения, как отмечал Тертуллиан. Плоть Христова — это орудие, посредством которого Бог спасает нас и приглашает в Свою собственную жизнь как общение Лиц. Его прославленное воскресшее тело — это средство, посредством которого Он сообщает нам эту жизнь в таинствах. Но эта божественная жизнь укореняется в нас и преобразует нас как целостных личностей — душу и тело. Тело христианина становится храмом Святого Духа через Крещение и скинией при принятии Евхаристии. Этот глиняный сосуд (см. 2Кор.4:7) имеет вечное предназначение и, следовательно, неоценимое достоинство. Вот почему святой Павел столь категоричен в своем учении о том, что то, что мы делаем со своими телами, имеет значение. Наши поступки могут выражать «дела плоти» (Гал.5:19-21) и лишить нас Царства Божьего, или они могут являть «плод духа» (Гал.5:22) и жизнь в Духе (см. Рим.8:1-4). Когда святой Павел предупреждает о плоти (*sarx*) и ее делах, он имеет в виду всего человека, находящегося под властью греха (*hamartia*), а не просто тело. В то же время святой Павел напоминает нам, что наши тела предназначены для того, чтобы прославлять Бога (см. 1Кор.6:20), что может быть достигнуто только с помощью благодати. Воплощение этого дара благодати в нашем телесном поведении является основным требованием христианской морали.

Идеи и философии, которые очерняют тело или рассматривают его как препятствие и помеху для духовной жизни, должны восприниматься с осторожностью и тщательно исследоваться членами христианской общины. Подлинная христианская духовность не стремится преодолеть тело или сбежать от него — она направлена на преобразование всего человека в жизни благодати. Христианский аскетизм и телесное самоотречение направлены на преобразование не только тела и его желаний, но и души. В некотором смысле, в таких практиках тело становится наставником души.

Если гендерная идеология представляет собой тупик гностицизма, то обращение к юнгианским архетипам, ошибочное присвоение библейского понятия евнухов и предполагаемая радуга разнообразных гендерных форм и сексуальности являются в равной степени ложными путями. Как же тогда выглядит подлинно христианское объяснение половых различий? Следующая глава наметит ответ на этот вопрос.

Глава 6. Созерцание тайны: принятие дара половых различий

Истина в том, что тайна человека истинно проясняется лишь в тайне воплотившегося Слова. Ибо Адам, первый человек, был прообразом Того, Кому надлежало прийти, а именно Христа Господа. Христос, последний Адам, через откровение тайны Отца и Его любви полностью открывает человека самому человеку и проясняет его высочайшее призвание. Неудивительно, таким образом, что в Нем все вышеупомянутые истины находят свой корень и достигают своего венца. — Второй Ватиканский собор, Gaudium et Spes, n. 22

Так они любили, что любовь в двоих Имела сущность лишь в одном; Два разных, разделенья нет: Счет здесь в любви был умерщвлен...

Свойство было поражено тем, Что самость не была собой; Двойное имя единой природы Ни двумя, ни одним не звалось.

Разум, сам в себе смущенный, Видел, как разделение срастается; Сами для себя и то, и другое, Простые столь прекрасно соединились. — Уильям Шекспир, «Феникс и Голубка»

Адам познал Еву, жену свою; и она зачала, и родила Каина, и сказала: приобрела я человека от Господа. — Быт.4:1

Писание открывается бракосочетанием во втором рассказе о сотворении мира. И эта свадьба проходит в идиллической обстановке сада. Вдохнув «дыхание жизни» (Быт.2:7) в человека, которого Он создал из праха земного, Бог помещает его в сад, насаженный Им в Эдеме «на востоке» (Быт.2:8). Слово Эдем (*éden*) на иврите означает «наслаждение» и может включать коннотации чувственного или сексуального восторга. Некоторые образы текста (например, нагота мужчины и женщины и присутствие змея, который фигурировал в культах плодородия у соседей Израиля) заставили некоторых рассматривать эту историю как повествующую исключительно о сексе — сексе согласно Божьему замыслу и сексе, искаженном человеческим грехом.

Такой вывод преувеличен. В рассказе о творении есть гораздо больше, чем просто сексуальная активность — хорошая или плохая. Тем не менее, в этой истории явно присутствует сексуальный компонент. Как отмечалось выше, сексуальный союз представлен как акт, утверждающий завет брака, делающий мужчину и женщину одной плотью (см. Быт.2:24-25). Этот союз позволяет им с Божьей помощью получить благословение в виде детей (см. Быт.1:28; 4:1).

Текст, однако, преподает нам и важные уроки о Божьей цели в сотворении людей, о мире, в котором мы живем, и о половых различиях. Взгляд на образы, используемые для описания Эдема, немедленно напомнил бы древним израильским читателям об Иерусалимском Храме, первый из которых был построен примерно во время написания текста. Сюда относится ориентация Храма на восток (см. Иез.43:1-4), что соответствует расположению Сада на востоке, делаая его символом света и божественного откровения (см. Ис.2:2-4, 58; Пс.35:10). Река, берущая начало в Саду и орошающая окрестности (см. Быт.2:10-14), соответствует реке из видения Иезекииля об эсхатологическом храме (см. Иез.47:1, 7-12). Золото и драгоценные камни, найденные в окрестностях Сада, соответствуют материалам, использовавшимся для украшения Храма. Золотые светильники Храма были стилизованными изображениями Древа Жизни в Саду (см. Быт 2:9; Исх.25:31-35; Лев.24:1-9). Херувимы, охранявшие вход в Сад после изгнания пары в конце третьей главы Книги Бытия (ст. 24), напоминают херувимов, которые

украшали стены Скинии и Храма (см. Исх.26:31; 3Цар.6:29), охраняли внутреннее святилище Храма (см. 3Цар.6:23–28) или образовывали «Крышку очищения» (*kappōret*) поверх Ковчега Завета, где, как считалось, покоилось присутствие Бога (см. Исх.25:18–22). Наконец, описание Бога, «ходящего» (Быт.3:8) в Саду, перекликается с описанием Божьего присутствия в святилище Скинии или Храма (см. Лев.26:12; Втор.23:15; 2Цар.7:6–7). Это богатство храмовых образов служит для того, чтобы вывести на первый план святость Божьего творения и Его замысла о человеческой жизни. Очевидно, что текст о сотворении мира в Книге Бытия и его многогранная образность предлагают более глубокий смысл, выходящий далеко за рамки просто секса.

Эта мысль получает дальнейшее развитие в повелении Бога человеку: «От всякого дерева в саду ты будешь есть, а от дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь» (Быт.2:16–17). Израильтяне понимали это ограничение человеческой свободы отнюдь не как навязывание произвольного правила, а как приглашение к заветным отношениям, посредством которых они отвечали на Божью щедрость любовью. Получив такое обращение от Бога, человек, по словам Папы св. Иоанна Павла II, обнаруживает себя «субъектом завета» и «партнером Абсолюта, поскольку он должен выбирать между добром и злом, между жизнью и смертью». Польский понтифик также настаивал на том, что для правильного прочтения истории сотворения нам необходимо использовать то, что он называл «герменевтикой дара». То есть мы должны толковать все творение из ничего и существование человеческой личности как дар, проистекающий из вечной и безусловной любви Бога. Через свое разумение и свободу люди могут осмыслить свое существование как дар от Божественного Дарителя и тем самым ответить Ему благодарностью и послушанием.

Средством, с помощью которого первый человек (*'ādām*) пришел к осознанию дарованного характера своего существования и своего призвания к заветным отношениям с Богом, было его тело. Через свое тело он познавал мир, который Бог создал для него. В сотворении Богом животных и наречении им имен человеком (см. Быт.2:19–20) он пришел к признанию уникальности своего существования как личности. Только его тело (а позже и тело женщины) выражает или раскрывает реальность личности. В конце концов, животные тоже были творениями Бога, имевшими ценность и предназначение, но они не были самоосознающими субъектами, способными делать свободный выбор. Таким образом, только человеческое тело отражало реальность личности и полную меру Божьего дара внутри творения. В этом смысле одиночество первого человека также было даром, позволявшим ему правильно истолковать красоту творения, свое собственное место в нем и свой призыв ответить Богу. Эта способность верна не только в отношении первого человека, но и любого человека — мужчины или женщины.

Но это одиночество было также экзистенциальной проблемой. Сам Бог заявляет: «Не хорошо быть человеку одному» (Быт.2:18). В нынешнем каноническом виде текста, на фоне повторяющегося рефрена первого рассказа о сотворении, что все созданное Богом было «хорошо» или «весьма хорошо», это утверждение ошеломляет. Текст подчеркивает как «не хорошее» то, что *'ādām* одинок. В этом состоянии он не может реализовать себя или исполнить все Божьи замыслы о нем — он не предназначен быть одиноким существом и не может процветать в таком качестве.

Предложенное Богом решение этой проблемы состоит в том, чтобы создать ему «помощника, соответственного» (*'ēzer kəneḡdōw*) ему (Быт.2:18). Хотя в современном английском [и русском] слово «помощник» может иметь коннотации второстепенности или подчиненности, это не относится к оригинальному ивritу. «Помощник» — это тот, кто оказывает помощь или содействует в реализации чьей-либо миссии или цели. Часто этот термин применяется к Богу как «помощи» Израиля или праведников (см., например, Исх.18:4; Втор.33:7, 29; Пс.19:3; 32:20;

69:6; 88:20; 114:9, 10, 11; 120:2; 123:8; 145:5; Ос 13:9). Помощница, которую Бог даст в сотворении женщины, позволит 'ādām реализовать свою собственную человечность. Она также поможет ему осознать значение его собственного тела. Иными словами, она дополняет его.

Половая взаимодополняемость

Рассмотрение двух историй творения (Быт.1:1-2:4 и Быт.2:4-3:24) вместе раскрывает ряд различных смыслов, в которых мужчины и женщины могут считаться взаимодополняющими (комплементарными). Оба рассказа о сотворении предлагают решительное утверждение базового равенства полов в их фундаментальной человечности и в их сотворении по образу Божьему. Мужчины и женщины вместе назначаются священниками-управителями творения в первом рассказе о создании, осуществляя владычество над творением (см. Быт.1:26, 28) и находя исполнение в субботнем поклонении седьмого дня (см. Быт.2:1-3).

В рамках этого базового равенства эти тексты также утверждают множество путей, в которых мужчины и женщины могут считаться дополняющими друг друга. Первую можно назвать комплементарностью «целостности» — идеей, сформулированной в первом рассказе о сотворении мира, о том, что человечество ('ādām) полно только как мужчина и женщина (см. Быт.1:27). Вторую можно описать как «прокреативную» комплементарность — то есть то, как телесные различия мужчины и женщины (zākār и nəqēbāh) позволяют им получить благословение плодовитости (см. Быт.1:28). Третью можно назвать комплементарностью «инаковости» (альтеритетности) — то, как порог одиночества пересекается путем выхода из себя к другим. Мы реализуем нашу человечность в общении и дружбе, и мы делаем это как воплощенные личности. Мы становимся «Я», когда осознаем и отдаем себя «Ты» (см. Быт.2:18, 23). Интегрируя учение двух рассказов и используя язык Папы св. Иоанна Павла II, «человек стал образом Божиим не только через свою собственную человечность, но также через общение личностей». Четвертую можно назвать «супружеской комплементарностью», которая добавляет к предыдущей идее измерение половодифференцированного тела и то, как это делает возможным завет брака. Эта форма взаимодополняемости становится ясной, когда мы рассматриваем богатство языка завета и образов в Бытии 2:21-25.

Размышляя над этими текстами и реальностями, на которые они указывают, католические философы и богословы сформулировали идею взаимодополняемости (комплементарности). В своих исторических исследованиях сестра Пруденс Аллен находит первый полностью сформулированный пример этой теории (хотя и не сам термин) в трудах святой Хильдегарды Бингенской в XII веке. Более четко эта идея проявилась в эмпирическом персонализме католических конвертитов двадцатого века, таких как Эдит Штайн и Дитрих фон Гильдебранд. Из этой дискуссии концепция перекочевала в учительство Церкви. Этот термин или его эквиваленты можно найти в речах Пап Дост. Пия XII и св. Иоанна XXIII, в документах Второго Ватиканского собора и Папы св. Павла VI, и он получил дальнейшее развитие в ходе долгого и плодотворного понтификата Папы св. Иоанна Павла II. Взаимодополняемость, для Иоанна Павла II, относится к самому существованию и самосознанию личности:

Познание человека проходит через мужественность и женственность, которые суть как бы два воплощения одного и того же метафизического одиночества перед Богом и миром — два взаимно дополняющих способа «быть телом» и одновременно быть человеком — как два дополняющих измерения самопознания и самоопределения и, в то же время, *два дополняющих способа осознания смысла тела.*

Его зрелая позиция распространяет эту взаимодополняемость на каждое измерение

человеческой личности: «Женственность и мужественность взаимодополняемы не только с физической и психологической точек зрения, но также и с *онтологической*». Позиционный документ Ватикана для Пекинской конференции 1995 года еще больше дифференцировал эту реальность, говоря о «биологической, индивидуальной, личностной и духовной взаимодополняемости». Другими словами, половая комплементарность мужского и женского тела указывает на дополняющие различия во всей человеческой личности. Мы не просто отличаемся своими телами; мы отличаемся и нашими душами. Как мы увидим ниже, Церковь учит, что мужчины и женщины обладают уникальными дарами и способностями, которые позволяют им объединяться для создания семьи и формирования более широкой культуры. Именно эти различия ориентируют мужчин и женщин друг к другу и делают их способными отдавать себя друг другу в завете брака.

Брачный смысл тела

Понятие взаимодополняемости свидетельствует о своего рода телеологии тела. Тело можно сравнить с компасом, который дает человеку базовое направление в жизни. Чтобы правильно читать компас и ориентироваться по нему, нужна дополнительная «карта» откровения, представленная в Писании и Предании. Божественное Откровение проясняет, что мир и человеческая личность должны пониматься через призму дара — того, что Папа св. Иоанн Павел II называл «герменевтикой дара». Но каков же *телос*, на который указывает тело? Говоря языком Второго Ватиканского собора, здесь также задействован язык дара: «Человек — единственное на земле творение, которое Бог возжелал ради него самого, — не может полностью обрести себя иначе, как в искренней самоотдаче». Как единство тела и души, такой дар с необходимостью включает тело и его неотъемлемую мужскую или женскую природу. Эта ориентация телесной личности на дар, проявляющаяся в половой дифференциации, может быть описана как ее «брачный» (или супружеский) смысл. Эта идея также имеет глубокие корни в Писании.

На дилемму одиночества первого человека во второй истории сотворения («не хорошо быть человеку одному» [Быт.2:18]) Бог отвечает сотворением женщины, которая, в отличие от созданных до нее животных, оказывается *'ezer kəneḡdōw* («соответствующей ему помощницей»). Пробудившись ото сна, мужчина заявляет о своей заветной верности женщине в браке: «Вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться женою (*'iššāh*), ибо взята от мужа (*'iš*)» (Быт.2:23). Примечательно, что до этого момента в повествовании использовался только более общий термин *'ādām* для описания человеческого создания, сотворенного Богом. Впервые в тексте используются гендерно-специфичные термины. Человек здесь не дает женщине имя так же, как он давал имена животным в стихах 19–20. Скорее, впервые он осознает смысл своего половодифференцированного тела в свете ее — он не просто *'ādām*, но *'iš* (мужчина). И наоборот, она также открывает смысл своей реальности как *'iššāh* (женщины) в нем. Таким образом, половые различия раскрываются как реляционные — упорядочивающие человеческие личности по отношению друг к другу. Более конкретно, они раскрываются как «брачные», поскольку весь рассказ о сотворении женщины в Бытии 2:21–25 использует язык завета, и сам текст фиксирует, что следствие заявления мужчины является брачным (см. Быт.2:24).

Иоанн Павел II опирается на этот фундамент в своем анализе брачного смысла тела в катехизисах Богословия тела. Комментируя заветное заявление Адама в Бытии 2:23, он утверждает:

Тело, выражающее женственность «для» мужественности и, наоборот, мужественность «для» женственности, манифестирует взаимность и общение личностей. Оно выражает это через дар как фундаментальную характеристику личного существования. В этом и состоит *тело*:

свидетель творения как фундаментального дара, и следовательно, *свидетель* Любви как источника, из которого проистекает само это даяние. Мужественность-женственность — а именно пол — есть изначальный знак созидательного дара и в то же время <знак дара, через который> человек, мужчина-женщина, осознает дар, проживаемый, так сказать, изначальным образом.

Брачный смысл тела означает нечто большее, чем просто способность к сексуальному самопожертвованию — он относится к способности тела дарить и принимать любовь в любом жизненном статусе. Следовательно, он в равной степени применим к браку и посвященному девству или целибату. Он применим также к дружбе и любви, проживаемым в безбрачной жизни, даже если тела одиноких людей еще не были отданы в окончательный дар себя. Так, польский понтифик пишет: «Природа как одной, так и другой любви [брака и совершенного воздержания] является 'брачной', то есть выражается через полный дар себя. И та, и другая любовь стремятся выразить тот брачный смысл тела, который был вписан 'от начала' в личностную структуру мужчины и женщины». Папа Франциск также широко опирается на это понимание супружеского смысла тела в своем обращении *Amoris laetitia*.

Отцовство и материнство

Брачный смысл тела устремлен к отцовству и материнству. Библейский текст прямолинеен в этом вопросе: «Адам познал Еву, жену свою; и она зачала, и родила Каина, и сказала: приобрела я человека от Господа» (Быт.4:1). Текст буквально гласит, что мужчина «познал» (*yāda'*) свою жену, и таким образом она зачала. Иоанн Павел II отмечает, что эта еврейская идиома не является эвфемизмом со стороны священного писателя — это философски точный способ описать «знание», которое супруги обретают, отдавая себя друг другу в соитии. В сексуальном союзе они узнают друг друга глубже не только как супруги (т.е. «муж и жена»), но и как потенциальные мать и отец. Он пишет:

Следует заметить, что в Бытии 4:1 тайна женственности проявляется и раскрывается во всей своей глубине через материнство, как сказано в тексте: «которая зачала и родила». Женщина предстает перед мужчиной как мать, субъект новой человеческой жизни, которая зачинается и развивается в ней и рождается от нее в мир. Таким образом, раскрывается также и тайна мужественности мужчины, то есть генеративное и «отцовское» значение его тела.

Самоотдача мужа и жены в супружеском акте располагает их к принятию дара жизни, если Бог благословит их ребенком. В этом ребенке тайна творения обновляется, потому что новая человеческая жизнь, созданная по образу и подобию Божьему, вновь входит в мир.

Это озарение указывает на часть библейского основания того, что Папа св. Павел VI выразил в *Humanae vitae*, п. 12, относительно «неразрывной связи» между объединяющим и прокреативным значениями сексуального союза в браке. Это также обращает вспять культурную траекторию, прослеженную в предыдущих главах, воссоединяя тело, брак, секс и детей друг с другом таким образом, который отражает Божий замысел относительно человеческой любви, жизни и самореализации. Следовательно, это создает «якорь» для обладающего полом тела и идентичности личности как мужчины или женщины перед лицом путаницы, посеянной светскими философиями, Сексуальной революцией и гендерной идеологией.

В свете влияния половой взаимодополняемости на личность в целом, неудивительно, что Церковь понимает направленность на отцовство и материнство как нечто большее, чем телесная реальность. Это осознание может расширить реальность бинарного пола, замеченную учеными и философами в классической древности: самцы размножаются путем генерации вне

своего тела, тогда как самки размножаются путем вынашивания потомства внутри своего тела. Этот наблюдаемый феномен в большей части животного мира имеет значение для различий в человеческом родителстве. Отмечая вклад обоих родителей в продолжение рода, Папа св. Иоанн Павел II подчеркивает уникальный вклад женщин:

В свете «начала» мать принимает и любит как личность ребенка, которого она носит в своей утробе. Этот уникальный контакт с новым человеческим существом, развивающимся внутри нее, порождает отношение к людям — не только к своему собственному ребенку, но и к каждому человеку, — которое глубоко отмечает личность женщины. Принято считать, что женщины более способны, чем мужчины, уделять внимание *другому человеку*, и что материнство развивает эту предрасположенность еще больше. Мужчина — даже при его участии в родителстве — всегда остается «вне» процесса беременности и рождения ребенка; во многих отношениях он должен *научиться* своему собственному «отцовству» у матери.

Иными словами, личностная ориентированность женщин делает их уникально способными к формированию привязанности и воспитанию детей. Эти связи между матерью и ребенком формируются и биохимически укрепляются во время беременности, родов и лактации — реальностей, из которых мужчины исключены. В семье матери обеспечивают базовый уровень заботы и воспитания, который часто является фундаментом общности любви в семье.

Папа Франциск вторит многим из этих озарений своего предшественника, подчеркивая почтение, которое должно выражаться к уникальной способности женщин вынашивать жизнь и рожать. Он также подчеркивает потребность в особых дарах матерей как в семье, так и в обществе. Он пишет:

«Матери — самое сильное противоядие от распространения эгоцентричного индивидуализма... Именно они свидетельствуют о красоте жизни». Безусловно, «общество без матерей было бы дегуманизировано, поскольку матери всегда, даже в худшие времена, являются свидетелями нежности, самоотверженности и моральной силы. Матери часто передают глубочайший смысл религиозной практики в первых молитвах и актах благочестия, которым учатся их дети... Без матерей не только не было бы новых верующих, но и сама вера потеряла бы часть своей простой и глубокой теплоты».

А как насчет отцов? Они также вносят незаменимый вклад в благополучие своих детей. Папа Франциск отмечает: «Отец, обладающий ясной и спокойной мужской идентичностью, который демонстрирует привязанность и заботу о своей жене, так же необходим, как и заботливая мать». Отмечая проблемы, создаваемые властными или отсутствующими отцами, Папа Франциск также подчеркивает ценность того, что они дают своим детям уже одним своим присутствием:

Бог помещает отца в семью, чтобы через дары своей мужественности он мог быть «близок к своей жене и делить с ней все: радость и горе, надежду и трудности. И быть близким к своим детям, когда они растут — когда они играют и когда работают, когда они беззаботны и когда они огорчены, когда они разговорчивы и когда молчаливы, когда они дерзки и когда они напуганы, когда они сбиваются с пути и когда возвращаются на правильный путь. Быть отцом, который всегда присутствует». ... Детям нехорошо быть лишенными отца и взрослеть раньше, чем они к этому готовы.

Через свое терпение и свое отцовское присутствие земные отцы открывают лик Небесного Отца и Его любовь к Своим детям. Современные социальные науки подтверждают абсолютную необходимость роли отца в формировании детей. Отсутствующий отец — это рецепт семейных и социальных беспорядков. Если женщины закладывают фундамент воспитания в семье,

здоровые отцы дополняют это, помогая своим женам устанавливать границы (т.е. с помощью дисциплины) и поощряя здоровый риск со стороны детей как мужского, так и женского пола. Писание подчеркивает уникальную роль мужчин как учителей в своих семьях, порой используя термины «отец» и «учитель» как синонимы (см. Суд.17:10; 1Кор.4:14). Даже светские исследования зафиксировали уникальное влияние отцов на своих детей в обучении и демонстрации образца Веры.

Но как быть с теми парами, которые не могут иметь детей? Согласно Католической Церкви, призвание к отцовству и материнству не ограничивается биологическим родительством. Бесплодные пары могут реализовать плодотворность своей любви через усыновление или через другие виды совместного служения или помощи. Более того, те, кто являются биологическими или приемными родителями, также призваны осуществлять духовное материнство и отцовство, воспитывая своих детей и формируя их в Вере. Фактически, все зрелые христианские мужчины и женщины призваны к духовному отцовству и материнству в любом жизненном статусе, в котором они находятся. Эту реальность легче всего наблюдать в священстве или различных формах посвященной жизни — состояниях жизни, посвященных осуществлению этой духовной генеративности. Но она также может проживаться в других контекстах зрелыми и щедрыми взрослыми, которые служат опекунами, учителями или наставниками. Любая женщина, которая питает духовную жизнь и способствует общности, осуществляет духовное материнство. Любой мужчина, передающий Веру через обучение или наставничество других, действует как духовный отец.

Учитывая гендерную путаницу, существующую в нашем обществе, стоит отметить, что в понимании Церкви эти призвания к материнству или отцовству не являются взаимозаменяемыми. Только мужчины могут быть отцами — как физическими, так и духовными. И только женщины могут быть матерями — опять же, как физическими, так и духовными. Эти «роли» не могут быть произвольно поменяны местами или поглощены аморфным гендерно-нейтральным «родительством». Как Церковь, так и социально-научные данные согласны в том, что для процветания детям нужны и отец, и мать.

Природа vs. Личность

Писание и Предание помогают нам понять, что половые различия — это реляционная реальность, направляющая нас к особым видам общения друг с другом. Половые различия направлены на и реализуются особым образом в общности брака и семьи — как естественной семьи, так и духовной семьи веры, которой является Церковь. Это делает нас способными быть сыном или дочерью, братом или сестрой, мужем или женой, отцом или матерью, независимо от того, созданы ли эти связи кровным родством, таинством или монашескими обетами.

Папа св. Иоанн Павел II часто описывал христианскую семью и Церковь как семью Божью тем же термином, который он использовал для описания тайны Троицы. По его словам, это *communio personarum* («общение личностей»), образованное отношениями самоотдачи. Очевидно, что язык здесь является аналогическим. Никакая человеческая семья — какой бы любящей она ни была — не может воплотить в себе тот полный дар себя и вечное общение, которые существуют между Ипостасями Отца, Сына и Святого Духа. И хотя христианские семьи и Церковь участвуют в этом вечном общении через благодать, они все же состоят из ограниченных и грешных человеческих членов.

Но каков философский «вес» или статус этих различий, которые ориентируют нас на общность? Воплощение ясно показывает, что половые различия не разделяют человечество на уровне природы. Если женщины имеют природу, отличную от их мужских братьев, то, как справедливо вопрошали феминистские теологи второй волны, как женщины могут быть

спасены мужчиной-спасителем? Только постольку, поскольку мы считаем, что Сын Божий принял человеческую природу, общую для мужчин и женщин, Он является Спасителем всего человеческого рода. По словам св. Григория Богослова (Назианзина): «Ибо невоспринятое не исцелено; а что соединилось с Богом, то и спасается».

Более современное католическое учение и богословие, более прямо отвечая на антропологические вопросы, поднятые феминизмом, сосредоточилось на христологическом и тринитарном языке «природы» и «личности» как на способе объяснения единства и различия человеческого рода. Так, Иоанн Павел II пишет: «Единство [мужчины и женщины] означает прежде всего тождественность человеческой природы; двойственность же показывает, что на основе этой тождественности составляет мужественность и женственность сотворенного человека». Следовательно, мужское и женское — это два различных способа существования личности в рамках общей человеческой природы. И мужчины, и женщины в равной степени и в полной мере являются людьми. Не существует пола второго сорта. Эти различные формы личностного существования выражаются через две основные формы человеческого воплощения: «Мужественность и женственность выражают двойственный аспект соматической конституции человека... и указывают... на новое осознание смысла своего тела», которое обладает «взаимным обогащением». Эта идея о том, что существует одна человеческая природа, которой обладают двумя нередуцируемо различными способами бытия человеческой личностью, нашла широкий отклик в католической теологии в последние несколько десятилетий.

Таким образом, половые различия являются неизбежной частью воплощенного отдельного человеческого существа. Говоря более прямо, половые различия акцидентальны (случайны) для человеческой природы в целом, но сущностны (эссенциальны) для существующих индивидов. Чтобы понять это различие, может помочь параллельная иллюстрация. Аристотель и св. Фома Аквинский отмечают, что природе чисел (в целом) свойственно быть четными или нечетными. Но любое реально существующее число будет только четным или нечетным. Если сделать число четыре нечетным, это будет уже не четыре, а совершенно другое число. Как замечает Джон Финли: «Четное и нечетное, не будучи взаимно реляционными внутри своего бытия, трудно понять и сформулировать отдельно друг от друга; в этом смысле они напоминают мужское и женское, которые взаимно реляционны в своем бытии, не говоря уже об их интеллигибельности (постижимости)». Одно из того, что это предполагает: если бы подобное было возможно, истинная процедура «смены пола», которая изменила бы каждое измерение выражения половых различий человека (включая его генотип и фертильность), превратила бы этого человека в совершенно другую личность. Процедуры гендерного перехода, которые косметически перестраивают внешний вид тела человека и уничтожают его фертильность в процессе, далеки от этой трансформации личной идентичности. Только Бог может создать или переделать человека так полно.

Но человеческий индивид — это личность, «кто-то», а не просто «что-то». Поскольку «тело выражает личность», половые различия передают нередуцируемую уникальность свободного человеческого субъекта, который является мужчиной или женщиной. Таким образом, это различие может быть понято как сотворенное отношение, конституирующее личность, аналогичное божественным и духовным отношениям отцовства, сыновства и исхождения, которые мы признаем в тринитарном общении. И, как мы видели, это фундаментальное человеческое отношение само по себе является основой других отношений в самом сердце личностного существования — быть сыном или дочерью, сестрой или братом, мужем или женой, матерью или отцом.

Это дальнейшее воплощение озарения Второго Ватиканского собора о том, что человеческая личность становится постижимой в свете Христа. Загадка половых различий начинает

проясняется с помощью христологического и тринитарного разграничения природы и личности (понимаемой реляционно). Хотя как духовное Существо Бог превосходит биологический пол, в мужчине и женщине, созданных по образу Божию, призыв к общению вписан в самые их тела. Компас тела указывает нам на ту любовь, которая является нашим началом и нашим свершением.

Пол и Гендер: Призвания, Дары и Роли

Как отмечалось в первой главе, Папа Франциск вторит опасениям по поводу гендерной идеологии, поднятым различными ватиканскими дикастериями и Папой Бенедиктом XVI. В *Amoris laetitia*, п. 56, Святой Отец пишет:

Еще один вызов бросают различные формы идеологии гендера, которая «отрицает различие и естественную взаимодополняемость мужчины и женщины и предвидит общество без половых различий, тем самым устраняя антропологическую основу семьи. Эта идеология ведет к образовательным программам и законодательным актам, которые продвигают личную идентичность и эмоциональную близость в радикальном отрыве от биологических различий между мужским и женским. Следовательно, человеческая идентичность становится выбором человека, который со временем может измениться». Вызывает беспокойство то, что некоторые идеологии подобного рода, стремящиеся ответить на порой понятные чаяния, умудряются утверждать себя как абсолютные и неоспоримые, даже диктуя, как следует воспитывать детей.

Папа Франциск, однако, добавляет еще одно важное наблюдение: «Необходимо подчеркнуть, что «биологический пол и социокультурная роль пола (гендер) можно различать, но не разделять». Следовательно, «гендер» (или воспитание) может быть полезным способом говорить о том, как культура влияет на наше мышление о различиях, но его нельзя отделить от дифференцированного по полу тела и более глубоких метафизических различий между мужчинами и женщинами (т.е. природы).

Один из способов начать размышлять о значении этой оговорки в свете вышеприведенного анализа — провести различие между призваниями, дарами и ролями полов. Только мужчины могут исполнить призвание быть мужьями и отцами — будь то духовными или одновременно физическими и духовными. Как отмечалось выше, только женщины могут взять на себя призвание быть женами и матерями — будь то духовными или одновременно физическими и духовными. Эти жизненные состояния в дальнейшем специфицируют и конкретизируют то, как проживается фундаментальное крещальное призвание к святости. Следовательно, они являются призваниями внутри этого более базового крещального призвания.

Роли, с другой стороны, больше выражают культурные и семейные представления о том, что уместно для того или иного пола. Такие роли могут варьироваться от культуры к культуре или меняться со временем в рамках одной и той же культуры. Например, многие американцы в середине двадцатого века считали, что «роль» мужчины — уходить на работу, в то время как женщина остается дома и заботится о детях. Эти различающиеся роли не соответствовали бы тем же культурным представлениям до Промышленной революции. В доиндустриальном западном мире мужчины и женщины обычно работали бок о бок на семейной ферме или в семейном бизнесе. Они также тесно сотрудничали в воспитании своих детей, даже если сосредотачивались на передаче различных видов знаний или навыков. Используя различие, проведенное Папой Франциском, мы могли бы сказать, что призвания укоренены в поле человека как мужчины или женщины, в то время как роли — это гендерные предположения о том, как они проживаются в конкретной культуре. Первое более фиксировано, тогда как второе более гибко и, следовательно, способно к изменениям.

В житиях святых некоторые из них нарушали определенные гендерные роли без ущерба для своего основного призвания из-за конкретных обстоятельств своей культуры. Святая Хильдегарда Бингенская осуществляла то, что она описывала как мужское служение проповеди и учения, из-за слабого и женоподобного состояния духовенства в ее дни. Святая Жанна д'Арк вела французские войска в бой и была казнена англичанами за колдовство и ересь (отчасти из-за нарушения гендерных ролей). И все же эти роли не подрывали духовного материнства Хильдегарды, заботящейся о своих монахинях, или Жанны, заботящейся о своих войсках. Святой Бернард Клервоский использовал брачные образы для описания любви между душой и Богом в своих проповедях на Песнь Песней. Этот факт не перечеркивает духовного отцовства, которое он осуществлял как монашеский реформатор и учитель, и не предполагает какой-то частично сублимированной гомосексуальной притягательности с его стороны. Это еще одна причина, почему бесполезно превращать святых из плоти и крови в бестелесные архетипы или читать их жизни сквозь призму нашей запутанной гендерной политики.

То, что Церковь назвала «гением» или дарами обоих полов, можно понимать как существующее между специфическими для каждого пола призваниями и культурно сформированными ролями. В целом их можно отнести к каждому полу как к группе, но отдельные мужчины и женщины будут проживать их несколько по-разному. Некоторые из этих даров проявляются в социологических исследованиях как склонности, приписываемые тому или иному полу в целом, оставляя при этом пространство для индивидуальных вариаций в их выражении. Как мы видели, недавнее учение Церкви и «новая феминистская» теология сделали многое, чтобы подчеркнуть некоторые из отличительных даров женщин — например, их «личностную ориентированность», которая усиливается материнством, их способность лелеять жизнь, а также созидать и поддерживать общность. Меньше внимания уделялось гению мужчин, но некоторые теологи начали более прямо размышлять над этим вопросом. Кристиан Рааб, основываясь на важной книге Уолтера Онга *Fighting for Life* («Борьба за жизнь»), обращает внимание на расходуемость, агонистическую дифференциацию и экстериорность в порядке природы, а также (мужскую) самоотдачу, воинственность ученичества и бытие знаком божественной инаковости в порядке благодати.

Дебора Сэвидж в проницательном анализе взаимодополняющего гения полов исследует изучение Иоанном Павлом II второго повествования о сотворении мира. Она отмечает, что поручение мужчине возделывать и хранить сад (см. Быт.2:15; RSV2CE), его задача наречения имен животным (см. Быт.2:19-20), тот факт, что он играет роль в представлении женщины Богу и вещам творения — все это указывает на аспекты мужского гения. В частности, этот гений состоит в «способности познавать и использовать блага земли на службе подлинному человеческому процветанию». Женщина, отмечает она, вводится в мир личностей, населенный мужчиной и Богом, что указывает на женскую ориентацию на личности (в отличие от вещей мира), отмеченную Иоанном Павлом II ранее. Сэвидж настаивает на том, что оба набора даров необходимы для процветания семьи и более широкого человеческого общества в целом. Эти отличительные ориентации мужчин и женщин как личностей отражаются в том влиянии, которое грех оказал на каждый пол. Отношения мужчин с миром природы теперь отмечены бременем тяжелого труда и сопротивлением со стороны творения (см. Быт.3:17-19). Женщины обременены болью при родах и неупорядоченными отношениями со своими мужьями (см. Быт.3:16).

В своем недавнем учении Церковь ясно дала понять, что эти «дары» не привязывают полы к жестким специфическим для каждого пола ролям дома или в обществе. Гений женщин необходим в общественной жизни — в мире бизнеса и политики. Дары мужчин нужны дома для воспитания детей и участия в домашних делах. Отсутствующие отцы — один из кризисов нашего времени и еще один горький плод Сексуальной революции. Церковь не выступает за

половое стереотипирование. Мужчина, который занимается домашним хозяйством или является отцом-домоседом, не перестает быть мужчиной. Женщина, занимающаяся соревновательными видами спорта, не перестает быть женщиной. Эбигейл Фавале опирается на терминологию Иоанна Павла II, чтобы проиллюстрировать этот момент:

Уникальное понимание святым Иоанном Павлом II терминов «мужественность» и «женственность» могло бы быть здесь полезным. Он использует эти термины исключительно по отношению к мужчинам и женщинам соответственно. Мужественность — это просто способ быть мужчиной в мире, и поэтому она уникально преломляется через каждую индивидуальную личность. Таким образом, когда мой муж Майкл ухаживает за нашими детьми и готовит ужин, это мужские поступки, потому что их совершает мужчина. Точно так же моя женственность проявляется в моей напористости во время собрания персонала ничуть не меньше, чем при грудном вскармливании — потому что гендером обладает человек, а не действие или черта характера. Это воплощенное, персоналистическое понимание мужественности и женственности вновь подтверждает значение обладающего полом тела, не сводя культурные стереотипы в естественные категории.

Таким образом, видение Церкви является нюансированным, признающим как данность половых различий, укорененных в теле, так и уникальность личности, являющейся мужчиной или женщиной. Но что происходит, когда сами телесные признаки пола неясны?

Интерсекс-люди и призвание к любви

Существование лиц с интерсекс-вариациями само по себе не разрушает идею бинарного пола в большей части животного царства или человеческого мира. Это можно обосновать различными способами. В своей книге 1960 года *«Любовь и ответственность»* епископ Кароль Войтыла отмечал, что каждый человек «от рождения принадлежит к одному из двух полов. Этому факту не противоречит гермафродитизм — точно так же, как любая другая болезнь или деформация не говорит против того факта, что существует такая вещь, как человеческая природа». Этот аргумент предполагает нечто вроде аристотелевского различия между актом и потенцией. Тот факт, что у одного индивида из-за болезни или расстройства должным образом не развивается одна из характеристик того, что значит быть человеком, не означает, что он или она перестает быть членом вида. Скорее, он или она обладает потенциалом иметь ее, даже если она не полностью актуализирована. Аналогичным образом, существование лиц с ментальной инвалидностью не означает, что рациональность не свойственна людям или что ее нельзя приписать людям с инвалидностью в качестве потенции.

Но что такое интерсекс-состояние? Североамериканское общество интерсекс-людей (Intersex Society of North America) предлагает следующее определение:

«Интерсекс — это общий термин, используемый для множества состояний, при которых человек рождается с репродуктивной или половой анатомией, которая, по-видимому, не соответствует типичным определениям женского или мужского».

Примеры интерсекс-состояний включают: синдром нечувствительности к андрогенам (полный или частичный), клиторомегалию (увеличенный клитор), врожденную гиперплазию коры надпочечников (ВГКН), дисгенезию гонад (частичную и полную), микропенис, синдром МРКХ (врожденное отсутствие влагалища) и синдром Тернера. Оценки числа лиц, затронутых такими состояниями, могут варьироваться от **0.22%** до **4.0%** населения. По оценкам Организации Объединенных Наций, эти цифры составляют от **0.5%** до **1.7%**. Расхождение в цифрах отчасти объясняется трудностью достижения согласия относительно того, что именно считать интерсекс-состоянием. Иными словами, когда маленький пенис или большой клитор

становятся интерсекс-вариацией? Цифры также могут завышаться сторонниками гендерной идеологии в политических целях.

В подавляющем большинстве интерсекс-состояний, несмотря на неоднозначное выражение половых различий в одном или нескольких измерениях их биологического проявления (например, генитальном, гонадном, гормональном, хромосомном, во вторичных половых признаках), можно распознать телесную реальность человека как принадлежащую к тому или иному полу. Доминиканский биоэтик Никанор Аустриако предлагает в этой связи два критерия: во-первых, способность к порождению детей в качестве мужчины или женщины (т.е. вне или внутри тела человека); и, во-вторых, участие в супружеском акте в качестве мужчины или женщины. Хотя первый из них является более определяющим, учитывая, что некоторые интерсекс-состояния вызывают бесплодие, второй критерий может быть единственным уместным соображением в некоторых случаях. Опираясь на этот анализ в свете «Теологии тела» Иоанна Павла II, Бет Лофгрэн утверждает, что в то время как тело здорового человека «говорит» через его мужскую или женскую природу, в случае интерсекс-человека тело «шепчет». Поэтому оно требует более внимательного слушания и распознавания со стороны окружающих.

Уместно сделать еще несколько замечаний о лицах с интерсекс-состояниями.

- **Во-первых**, несмотря на усилия сторонников гендерной идеологии, многие люди с интерсекс-вариациями не считают себя «трансгендерами» и мало интересуются нашей современной гендерной политикой. Они просто хотят иметь возможность жить своей жизнью.
- **Во-вторых**, хотя раньше врачи пытались агрессивно «назначать» пол интерсекс-детям на ранних этапах с помощью медицинского вмешательства после консультации с родителями, стало ясно, что этот подход ошибочен. Исследования показывают, что таким людям живется лучше, если родители и медицинские работники ждут до подросткового или взрослого возраста, когда человек сам может помочь решить, следует ли прибегать к медицинскому вмешательству, и если да, то к какому именно. В отличие от использования процедур гендерного перехода в качестве лечения гендерной дисфории, что является морально неправильным и формой увечья, для зрелого человека с интерсекс-состоянием может быть вполне уместным обратиться за медицинской помощью, чтобы прояснить такие вещи, как неоднозначные гениталии или вторичные половые признаки. Эти случаи целенаправленного хирургического вмешательства или гормональной терапии являются попытками со стороны человека и его врачей позволить телу, обладающему полом, заговорить более ясно.
- **В-третьих**, как и все люди, интерсекс-лица созданы для общности любви и обретают в ней свою полноту. Их телесная неоднозначность может усложнить это и причинить им страдания. В большинстве случаев, однако, это не мешает им вступить в брак, если они чувствуют к этому призвание. Это ни в коей мере не умаляет их человеческого достоинства или ценности как личностей, созданных по образу Божию и призванных к вечной жизни.

Чтение тела

Когда Папы Римские называют Церковь «экспертом в вопросах человечности» (как это делали Папы св. Павел VI и Иоанн Павел II), это не означает, что у нее есть ответ на каждый вопрос о человеческой психике или человеческой сексуальности. Некоторые из этих вопросов имеют научный характер и выходят за рамки компетенции Церкви. Мы не знаем, что заставляет некоторых людей испытывать влечение к представителям своего пола, а не противоположного. Существуют доказательства как физических (например, генетических и нейрогормональных),

так и теорий развития. Если когда-нибудь будет достигнут консенсус, вероятно, в объяснении придется учесть как природу, так и воспитание. Каковы бы ни были причины этих состояний, их не следует понимать как детерминистские идентичности, которые отменяют моральную свободу человека в отношении его действий или поведения.

Что касается гендерной дискордантности или дисфории, у нас также нет полной картины. Как отмечалось ранее, есть веские причины рассматривать гендерную дисфорию как связанную с психологическими расстройствами, такими как дисморфическое расстройство тела (дисморфофобия). Существуют также и другие теории и объяснения. Некоторые начали выступать за наличие физиологической основы этой дискордантности в мозге — нечто вроде интерсекс-состояния мозга. Идея интересная, но до сих пор убедительных доказательств этому нет. Очевидно лишь то, что агрессивное медицинское вмешательство, предлагаемое сторонниками гендерной идеологии, не отражает ни наилучших интересов пациентов, ни идеалов медицины. Обширная химическая и хирургическая перестройка внешности человека часто, по-видимому, оставляет глубинные психологические проблемы нетронутыми и невылеченными. Неоспоримым фактом является то, что эти процедуры уничтожают фертильность человека — способность быть физическими матерью или отцом. Поэтому католическое нравственное богословие и здравоохранение могут рассматривать такие процедуры лишь как форму калечащих операций на теле и, следовательно, как морально недопустимые.

Средневековое богословие говорило о двух книгах — *книге природы* и *книге Писания*. Автором обеих является Бог, и поэтому при правильном прочтении они не противоречат друг другу. Вопреки популярному ныне мнению о том, что вера и наука неизбежно находятся в противоречии, христианам нечего бояться науки, когда она опирается на реальность. Другое дело — «наука», подчиненная философским или политическим установкам, таким как гендерная идеология, и манипулируемая ими. Такая так называемая наука и медицина, практикуемая от ее имени, могут нанести реальный и непоправимый вред людям.

Хотя тело можно сравнить с компасом, нам нужны Писание и Предание, чтобы понимать его и ориентироваться по нему. Человеческий разум может увидеть в сексуально дифференцированных телах мужчин и женщин естественную телеологию, направленную к браку, взаимодополняемость, связанную с человеческим деторождением, а также с материнством и отцовством. Откровение завершает картину, давая более полное представление об этих истинах как о естественных реальностях, так и об исцеленных и возвышенных в жизни благодати. Безусловно, только в свете веры мы видим аналогию между общностью любви в браке и семье и вечной общностью любви между Ипостасями Пресвятой Троицы.

В своей первой энциклике *Redemptor hominis* («Искупитель человека») Иоанн Павел II писал:

«Человек не может жить без любви. Он остается для себя существом непостижимым, его жизнь лишена смысла, если ему не откроется Любовь, если он не встретится с ней, если он не приобщится к ней и не сделает ее своей, если он не будет активно в ней участвовать».

Сексуально дифференцированное тело является видимым знаком этой потребности в любви: «Не хорошо быть человеку одному» (см. Быт.2:18). Это также знак нашего призвания к общности — к «искреннему дару» себя в любви. Мы обретаем полноту только в общности и сообществе с другими. И все же полнота общности, к которой мы призваны, превосходит любое чисто человеческое сообщество. Как отмечают Отцы Собора:

«Действительно, Господь Иисус, молясь Отцу, „да будут все едино... как Мы едино“

(Ин.17:21-22), приоткрыл горизонты, недоступные человеческому разуму, ибо Он подразумевал некое подобие между союзом Божественных Лиц и единством сынов Божиих в истине и любви».

Когда Бог открыл Себя как общность Лиц (Христос как Сын Отца и Жених Церкви, и Святой Дух, исходящий от Отца и Сына), Он в свою очередь раскрыл конечный смысл нашего существования как сексуально дифференцированных личностей: любовь — любовь, которая будет полностью реализована на Брачном пире Агнца (ср. Откр.19:3-9; 21:1-4).

Глава 7. Битва и за ее пределами

«Стыд и смятение! Все обратилось в бегство; Страх сеет хаос, а хаос ранит там, Где должен был бы защищать. О война, ты, порождение ада, Которое разгневаные небеса делают своим слугой, Брось в заледеневшие груди наших воинов Горячие угли мщенья! Пусть ни один солдат не бежит. Тот, кто истинно предан войне, Не знает любви к себе, а тот, кто любит себя, Носит имя храбреца не по сути, а лишь по стечению обстоятельств».

Молодой Клиффорд, «Генрих IV», часть II

Толерантность — это добродетель человека без убеждений.

Гилберт К. Честертон, «Вечный человек»

Ненадолго вы можете одержать победу на поле боя, на один день. Но против Силы, что поднимается ныне, победы нет. — *Дэнетор, «Возвращение короля»*

В этой книге мы следовали диагнозу гендерной идеологии, изложенному Папой Бенедиктом XVI в его последнем рождественском обращении к Римской курии в 2012 году. Мы рассмотрели, что такое гендерная идеология и ее тревожное воздействие на брак, семью и общество. Следуя примеру Святого Отца, мы изучили некоторые истоки этой идеологии в повороте современного феминизма к светским философиям, таким как экзистенциализм, постмодернизм и марксизм. Мы также рассмотрели, как эта идеология проникла в более широкую культуру через продолжающееся разрушение семьи в результате Промышленной, Сексуальной и Технологической революций. Но первоисточник гендерной идеологии более древний. Она является проявлением ереси гностицизма — возможно, самого старого и смертоносного искажения истины в христианской истории — теперь облаченной в современные одежды. И Папа Бенедикт не просто ставит диагноз — он указывает на лекарство от этой ереси. В теологии творения, описанной в первых главах Книги Бытия, мы можем найти лучшее объяснение смысла тела и половых различий — такое, которое способно выдержать свет как веры, так и человеческого разума.

Итак, в каком положении мы оказываемся в нынешней культурной битве, происходящей вокруг нас?

«Долгое поражение»

Давайте еще раз вернемся к мощной истории, рассказанной во «*Властелине колец*». Хотя прибытия Рохана вместе с помощью с юга достаточно, чтобы одержать победу и предотвратить падение Минас Тирита, эта передышка лишь временная. Наместник города, Дэнетор, хотя сам и охвачен отчаянием, пророчески заявляет Гэндальфу в разгар битвы перед городскими воротами: «Ненадолго вы можете одержать победу на поле боя, на один день. Но против Силы, что поднимается ныне, победы нет». Победа не могла быть достигнута силой оружия или орудиями войны — но только через смирение, самопожертвование и стойкость малых и бессильных перед лицом, казалось бы, непреодолимых трудностей. Но даже кульминационная

победа, достигнутая благодаря уничтожению Единого Кольца и падению его создателя Саурона, дает лишь временную передышку в борьбе со злом, которая тянется от сотворения мира до его апокалиптического завершения.

Взгляд Толкина на историю, который он привнес в свою мифологию, был сформирован как его работой в качестве медиевиста, так и его собственной католической верой. Борьба в Средиземье против сил тьмы и зла описывается Галадриэль, мудрой эльфийской владычицей, как в значительной степени тщетная задача, участие в битве, обреченной на «долгое поражение». В своих письмах Толкин напрямую связывает этот взгляд со своей верой. В письме, написанном в 1956 году, он писал: «Вообще-то я христианин, и к тому же римский католик, так что я не жду от „истории“ ничего иного, кроме „долгого поражения“ — хотя она и содержит (а в легенде может содержать более ясно и трогательно) некоторые примеры или проблески окончательной победы».

К чему этот мрачный экскурс в толкиновское Средиземье в начале и в конце этой книги? Помимо моей собственной любви к этой конкретной мифологии, я думаю, что приведенные выше аллюзии имеют некоторое сходство с нашей собственной ситуацией и предлагают важный взгляд на нее.

Но разве язык «долгого поражения» — за неимением лучшего слова — не является пораженческим? Понимание того, почему ответ на этот вопрос отрицательный, требует некоторого размышления о христианской концепции истории, природе спасения и ее влиянии на политическую жизнь человека.

Нынешняя культурная битва против токсичной и глубоко светской гендерной идеологии — это лишь современное проявление гораздо более масштабной борьбы, которая охватывает всю человеческую историю. Это битва, в которой мощь военного оружия или другие человеческие формы власти бесполезны. В конечном счете, эта битва духовная — битва, ведущаяся оружием, выкованным из истины и любви, и поддерживаемая силой благодати. И такие вещи, как смирение, самопожертвование и стойкость, чрезвычайно важны в таком бою. Но эта битва, как бы доблестно она ни велась, тем не менее является частью «долгого поражения». Люди и даже сама Церковь не могут собственными силами преодолеть силы зла, выстроившиеся против них. Но им это и не нужно, потому что победа обеспечена — и не только в будущем эсхатологическом финале истории. Эта победа уже достигнута в жизни, смерти и Воскресении Христа.

Но в Божьем плане спасения эта победа требует Креста. Ее нельзя одержать с помощью применения человеческой власти — военной или политической, — которая отвергает Крест. Сам Иисус столкнулся с этим искушением в пустыне (см. Мф.4:1-11; особ. ст. 9) и, по сути, на протяжении всего Своего служения (см. Мф.16:22-23). В своем комментарии к Евангелиям Папа Бенедикт XVI показывает, что с этим же искушением Церковь сталкивалась на протяжении всей своей истории, и с ним также сталкивается в своей жизни каждый верующий. Чтобы приобщиться к победе Христа, мы должны сначала сообразоваться с Его Крестом. Это неизбежно влечет за собой противодействие, а порой и преследование со стороны сил, господствующих в нашем мире; это влечет за собой доблестную борьбу на службе «долгому поражению» до окончательного осуществления победы, одержанной на Кресте.

Это то, что постоянно упускают из виду католические интеграллисты прошлого и настоящего, которые уповают на то, что государство и его законы насадят истинное поклонение в политическом обществе. Они полагают, что царствование Христа через Церковь должно быть политическим, точно так же, как многие иудеи во времена Иисуса ожидали, что Мессия свергнет римскую оккупацию Палестины. Но Сам Иисус отрицает, что Его Царство от мира

сего (см. Ин.18:36), и в Евангелии от Иоанна престол, с которого Он правит, — это сам Крест. Исторически Церковь не добивалась успеха, когда слишком тесно отождествлялась с конкретными государствами и пыталась осуществлять политическую власть в обществе.

Более того, никакие человеческие изобретения, включая те, что являются результатом научного или технического прогресса, не могут искоренить страдания и зло на земле. Идеологии, утверждающие, что способны низвести небеса на землю — особенно в отрыве от Бога, — могут лишь обманывать. В своей энциклике о христианской надежде *Spe salvi* Папа Бенедикт XVI противопоставляет «веру в прогресс» современного мира подлинной христианской надежде. Прогресс в науке и технике породил во многих кругах ожидание того, что различные виды страданий и зла могут быть преодолены человеческими усилиями и изобретательностью. Наука вытесняет веру как путь ко спасению: «Теперь этого „искупления“, восстановления утраченного „Рая“, ожидают уже не от веры, а от недавно открытой связи между наукой и практикой (*praxis*). Не то чтобы вера просто отвергалась; скорее, она переносится на другой уровень — уровень сугубо частных и потусторонних дел — и в то же время становится как бы не имеющей значения для мира».

Программа, предлагаемая гендерной идеологией, представляет собой один из примеров этой современной формы гностического спасения, претендующей на освобождение людей от ограничений идентичности, налагаемых телом и природой. Христианская надежда, напротив, возлагает свое упование на провиденциальное руководство историей со стороны Бога в соответствии с Его планом. Вот почему, как говорит Бенедикт, Страшный Суд, если его правильно понимать, является местом для упражнения в надежде. Как люди, мы не обязаны исправлять каждую несправедливость, излечивать каждую болезнь или преодолевать каждую ошибку. Мы не обязаны спасать мир, потому что, по правде говоря, мы не можем спасти даже самих себя. В конечном счете, «человека искупает не наука: человека искупает любовь».

Пределы толерантности

Но зачем вообще использовать язык битвы? Не делает ли это неоправданно враждебным то, что должно быть цивилизованным диалогом между различными подходами к истине и общему благу? В конце концов, Церковь не видит конфликта между верой и разумом, или между наукой и богословием. Существует одна истина, постигаемая в этих различных дисциплинах. У книги природы и у книги Писания только один Автор. Не следует ли нам сосредоточиться на взаимном сосуществовании и толерантности в нашем плюралистическом обществе?

Есть множество причин, по которым использование языка битвы в дебатах о половых различиях не является неуместным. Безусловно, верно, что нет никакого конфликта между утверждениями веры и науки, когда дело доходит до видения и описания реальности окружающего нас мира. Но когда наука выходит за свои рамки и берется предлагать ответы на конечные вопросы о счастье или спасении, особенно на службе идеологической программы, тогда эта псевдонаука теряет из виду свою собственную природу и миссию. Подобное идеологическое превращение науки в оружие заслуживает того, чтобы быть разоблаченным, и требует противодействия. Как отмечает Бенедикт XVI, наука — это не путь ко спасению.

Более того, учитывая агрессивную социальную, образовательную и правовую политику, описанную ранее, ясно, что сторонники гендерной идеологии не заинтересованы в толерантности и сосуществовании. Очевидно, что иудео-христианский взгляд на сексуально дифференцированное тело как имеющее неотъемлемый смысл и *телос* (цель), направляющий его к браку, материнству и отцовству, бросает вызов гендерной идеологии. Он противоречит нарративу о том, что тело человека может быть ограничением для его личностной реализации или является лишь поверхностью, на которой можно писать гендерную идентичность. Эти два

взгляда радикально противоположны друг другу и не могут быть истинными одновременно. Вот почему сторонники гендерной идеологии стремятся навесить на христианские взгляды на тело, брак и секс ярлык оскорбительных или полных ненависти и изгнать их из публичного выражения — силой закона, когда это возможно, и силой остракизма, когда это невозможно.

С другой стороны, христиане также не могут оставлять идеи, продвигаемые гендерной идеологией, без ответа. В этой книге утверждается, что гендерная идеология — это выражение гностицизма в двадцатом веке, приправленное светскими течениями современной мысли, такими как экзистенциализм, постмодернизм и марксизм, и ставшее возможным благодаря социальной дезорганизации, вызванной недавними культурными сдвигами. Как современное выражение гностицизма, она является ересью. Она предлагает ложную концепцию тела, половых различий и пути к подлинному человеческому процветанию и счастью. Ее идеи должны быть разоблачены как ложные и побеждены интеллектуально внутри Церкви и на публичной арене. Отцы Церкви рассматривали противостояние ереси и победу над ней внутри христианской общины, а также опровержение ложных философий как неотъемлемую часть христианской апологетики, которая должна сопровождать проповедь Евангелия. Это апологетическое усилие не чуждо христианскому милосердию — оно является его конкретным воплощением и продолжением. Мы любим, потому что мы прежде были возлюблены (см. 1Ин.4:19), и поэтому мы предлагаем другим ту животворящую истину, которая была дана нам.

Противниками в этой битве являются не люди, идентифицирующие себя как ЛГБТК+, или даже самые ярые сторонники гендерной идеологии — это сами идеи и ложь, которую они содержат. Разоблачение этой лжи и показ того, чем она является на самом деле — это часть духовной борьбы, из которой состоит христианская жизнь (см. Еф.6:10-17). Мы призваны противостоять злу и лжи внутри себя и в окружающем нас мире. Как писал св. Павел, защищая свой собственный апостольский авторитет и учение: «Ибо мы, ходя во плоти, не по плоти воинствуем. Оружия воинствования нашего не плотские, но сильные Богом на разрушение твердынь: ими ниспровергаем замыслы и всякое превозношение, восстающее против познания Божия, и пленяем всякое помышление в послушание Христу» (2Кор.10:3-5). Поэтому толерантность к ложным антропологиям или концепциям спасения не является вариантом для тех, кто стремится практиковать христианскую любовь.

Война иного рода; Оружие иного рода

Если Церковь и принимает чью-либо сторону в том, что некоторые называют «культурными войнами», она делает это не в политических целях или ради победы на общественной арене мнений и идей. Она делает это как часть своей собственной миссии евангелизации. Она делает это, чтобы внести свой вклад в доблестную битву в условиях «долгого поражения». Она делает это в верности своему распятому Господу. Как знаменито заметила святая Тереза Калькуттская, Господь призвал нас быть «верными, а не успешными».

Правильно понятое, католическое учение преодолевает наши нынешние политические разногласия и идеологии, и его не следует трактовать как «либеральное» или «консервативное». Эти ярлыки относятся к политическим идеям и веяниям, которые менялись с течением времени. «Экономический либерализм» мыслителей восемнадцатого и девятнадцатого веков, таких как Адам Смит и Т. Р. Мальтус, защищавших рыночную экономику, в сегодняшнем лексиконе на Западе определяется как экономический консерватизм. Католическое богословие и учение не стремятся соответствовать меняющейся политической моде или идеологиям — они стремятся к истине и ортодоксии. Фактически, католическое учение склонно оказываться на «либеральной» стороне современной американской политики в таких вопросах, как социальная и экономическая справедливость,

экология и иммиграция. И наоборот, оно, как правило, рассматривается как «консервативное» в вопросах защиты жизни, брака и сексуальности. Но это учение представляет собой согласованное, единое целое, основанное на понимании человеческой природы и достоинства человеческой личности.

Рассмотрение в этой книге половых различий и опасностей «гендерной идеологии» не является попыткой занять чью-либо сторону в «культурных войнах», которые занимают значительную часть американской социальной и политической жизни. Если христиане и вступают в эти битвы, то потому, что ими движет их вера — так же, как она движет ими защищать нерожденных детей, бороться за расовую справедливость или защищать окружающую среду. Вполне возможно, что ради этих целей они будут работать бок о бок с людьми других вероисповеданий или вообще неверующими. Но они делают это, храня верность иному Царю и обладая иным видением, сформированным пониманием истории, в центре которой находится Крест. И они делают это как часть более масштабной духовной битвы, которая охватывает всю человеческую жизнь и историю. Они делают это в надежде пригласить других к встрече с Личностью Иисуса Христа, Который является центром и Господином человеческой истории. Это лишь текущая глава «долгого поражения», и нам предстоит написать ее, стараясь быть верными в ожидании окончательной победы, которая в конечном счете есть дело Божье.

Оружие в этой битве — это не орудия войны или политической власти. Это **оружие истины, любви и благодати Святого Духа**, применяемое через смирение и самопожертвование. Среди этого оружия одним из самых важных является милосердие. Папа Франциск обращает наше внимание на учение святого Фомы Аквинского. Для Фомы самым совершенным проявлением благодати Святого Духа в нравственной жизни христианина является упражнение в добродетели милосердия:

«Само по себе милосердие есть величайшая из добродетелей, ибо все остальные вращаются вокруг него и, более того, оно восполняет их недостатки. Это свойственно высшей добродетели, и как таковому Богу подобает миловать, через что в наибольшей степени проявляется Его всемогущество».

В другом месте Святой Отец связывает эту добродетель с Самим Богом, записывая в своей булле, возвещающей Юбилейный год милосердия:

«Иисус Христос есть лик милосердия Отца. Эти слова вполне могли бы подытожить тайну христианской веры. Милосердие стало живым и видимым в Иисусе из Назарета, достигнув в Нем своей кульминации».

Во Христе мы встречаем Отца, Который «богат милостью» (Еф.2:4). Это милосердие, как говорит он нам далее в том же документе, является «бьющимся сердцем Евангелия». Как и любовь (charity), милосердие — это то, что мы сами получаем от Бога, и то, что делает нас подобными Ему. Будучи затронутыми и измененными этим милосердием, мы побуждаемы приглашать других к такому же опыту, меняющему жизнь.

Противостояние и победа над искаженной «теологией» гендерной идеологии служат тому, чтобы пригласить других испытать Божье милосердие и любовь к ним. Тело и его пол — это не ограничения, которые нужно преодолеть при написании личной идентичности, и не тюрьмы, из которых нужно бежать с помощью технологий; это видимые знаки призыва к общности любви и жизни. Папа Франциск призвал Церковь к «миссионерскому обращению» во всей ее деятельности и структурах. В этом ключе апологетика и публичные дебаты должны определяться евангельским милосердием. Таким было понимание Отцов Церкви и великих

схоластических богословов Средневековья — таким оно должно быть и у нас.

Полевой госпиталь Церкви

Папа Франциск также призвал к тому, чтобы добродетель милосердия пронизывала изложение нравственного учения Церкви. Вспоминая образ женщины, застигнутой в прелюбодеянии, из восьмой главы Евангелия от Иоанна, он предостерегает тех, кто:

«Вместо того, чтобы предлагать целительную силу благодати и свет евангельского послания... стал бы "индоктринировать" это послание, превращая его в "мертвые камни, которые бросают в других"».

Нравственное учение Церкви не предназначено для того, чтобы превращать его в оружие против тех, кто находится внутри или вне ее. Оно должно звучать как приглашение к милосердию и жизни.

Это не означает, как некоторые заключили, что не существует такого понятия, как грех, или что мы не должны говорить о реальности греха во имя расплывчатого и неуместного призыва к пастырскому милосердию. Если нет такого понятия, как грех, то милосердие Божье, столь безгранично явленное на Кресте, теряет свой смысл (см. Рим.5:8). Грех реален, и его последствия разрушительны. И грех — это деспот равных возможностей, который стремится править всеми нами, как заявляет св. Павел в Послании к Римлянам, описывая участь как иудеев, так и язычников: «потому что нет различия, потому что все согрешили и лишены славы Божией» (3:22-23). Мы не можем обвинять других, оправдывая при этом себя. Писание и Папа Франциск предостерегают нас от такого рода суждений (см. Лк.6:37).

В своем вдумчивом эссе Майкл У. Хэннон предостерегает от превращения сексуальных желаний в идентичности или ориентации — будь то гомосексуальные или гетеросексуальные. Этот **«эссенциализм ориентации»** *«привязывает»* (binds) людей, испытывающих влечение к своему полу, к их грехам и отрицает их христианскую свободу, фактически говоря им, что их желания — это их судьба. Точно так же он *«ослепляет»* (blinds) людей, испытывающих влечение к противоположному полу, в отношении их собственных неупорядоченных желаний, поскольку они получают возможность прятаться за квазинаучным налетом «нормальной» сексуальности. Хотя предостережения Хэннона сосредоточены на сексуальном влечении в противовес половым различиям и идентичности, они поучительны и для людей, сталкивающихся с гендерной дисфорией или дискордантностью. Они напоминают нам, что призыв к обращению, сформулированный в католическом нравственном учении, направлен ко всем без исключения: испытывающим влечение к своему полу, испытывающим влечение к противоположному полу, гендерно неконформным и тем, кто уверен в своей гендерной идентичности.

Не все, кто испытывает влечение к представителям своего пола, гендерную дискордантность или борется с болью гендерной дисфории, разделяют гендерную идеологию или идентифицируют себя как ЛГБТК+, но эти люди особенно подвержены риску быть втянутыми в гендерную идеологию в одной из множества ее форм. Именно во встрече, выслушивании, сопровождении и дружбе с такими людьми предупреждение Папы Франциска против использования доктрины в качестве оружия и напоминания о центральной роли милосердия в христианской жизни особенно актуальны и важны. Отражать Лик Божий для этих душ — именно это Папа Франциск рекомендует тем христианам, которые хотят быть «миссионерами-учениками» в сегодняшнем мире. Неслучайно этот подход к евангелизации имеет ярко выраженный личностно-ориентированный характер и воплощает тайну Воплощения (incarnational), в отличие от методов «поверхностного охвата» (drive by), распространенных в

СМИ, социальных сетях или на крупных религиозных собраниях. Эта модель имеет особое значение для служения людям с влечением к своему полу или гендерной дискордантностью, поскольку они часто чувствуют себя не услышанными и отвергнутыми семьей и, возможно, своими религиозными общинами.

В начале своего понтификата Папа Франциск дал интервью, в котором сравнил Церковь с полевым госпиталем.

То, в чем церковь сегодня нуждается больше всего, — это способность исцелять раны и согревать сердца верующих; ей нужна близость, сопричастность. Я вижу церковь как полевой госпиталь после битвы. Бесполезно спрашивать тяжело раненого человека, высокий ли у него уровень холестерина и каков уровень сахара в крови! Вы должны исцелить его раны. Потом мы сможем поговорить обо всем остальном. Исцелять раны, исцелять раны... И начинать надо с самых низов.

В том же интервью папа решительно назвал себя грешником: «Я грешник. Это самое точное определение. Это не фигура речи, не литературный жанр. Я грешник». Объединяя эти две идеи, Папа Франциск предполагает, что Церковь — это больница, где раны грешников (то есть всех нас) лечит Христос, Великий Врач. Стремясь сопровождать и евангелизировать других, мы действуем как санитары Великого Врача, приглашая других «пойти и увидеть» (Ин.1:39) то милосердие и исцеление, которые мы испытали сами.

Эти образы не новы в традиции. Святой Августин также часто называет Христа Великим Врачом. Так, он говорит: «Но Господь, как опытный врач, лучше самого больного знал, что происходит в больном человеке. Врачи делают для недугов телесных то, что Господь может сделать и для недугов душевных». И, по мнению епископа Гиппонского, госпиталем, которым пользуется этот Божественный Врач, является Церковь: «Попросим же мы, раненые, врача, пусть отнесут нас на постоянный двор для исцеления... поэтому, братья, в это время и Церковь, в которой исцеляется раненый человек, является постоянным двором для путника». Для святого Августина притча о добром самарянине — это аллегория истории спасения. Каждый из нас — это израненный человек, на которого напали грех и дьявол и бросили умирать. Каждый из нас оставлен на обочине дороги законом и религиозным ритуалом, будучи отрезанным от жизни в благодати. Каждого из нас лечит Христос, Который возливает на наши раны елей и вино таинств, ставших доступными благодаря Его Кресту, переносит на «постоянный двор» Церкви для выздоровления и оставляет залог Духа Святого до возвращения Самарянина.

Опираясь на дар творения, христианская история спасения дает повествование о человеческой идентичности, которое гораздо глубже, чем самостоятельно сформулированный и технологически сфабрикованный конструкт. Она говорит нам, что каждая воплощенная человеческая личность избрана и любима Богом от всей вечности. Она говорит нам, согласно памятной фразе Папы святого Иоанна Павла II, что тело является фундаментальным «свидетелем любви» и что его мужественность и женственность — неотъемлемая часть этого свидетельства. Половое различие также является неотъемлемой частью способности человека приносить себя в дар через тело: будь то в браке и родительстве, в посвященной жизни или религиозном безбрачии, в христианской одинокой жизни в миру или в высшем даре мученичества. Чтобы подражать распятому Христу, каждый человек должен отдать себя в любви как мужчина или женщина, ничего не утаивая от Того, Кто ничего не утаил от Своей Церкви. И, как сказал Папа Бенедикт XVI в своем последнем публичном выступлении перед уходом на покой: «Человек обретает свою жизнь именно тогда, когда приносит ее в дар». Приняв сексуально дифференцированное человеческое тело, Христос возвысил нашу человеческую природу и открыл, что пол — это дар, который не следует уничтожать, манипулировать им или переопределять; напротив, наши тела — это благие дары, которые

предназначены для того, чтобы быть возвращенными Отцу. А те, кто утверждает обратное, проповедуют ложное евангелие, древнюю ересь. Но те, кто принимает истинное Евангелие, верят, что все сотворенное Богом — благо, особенно наши мужские и женские тела, которым предназначено быть храмами Святого Духа.